

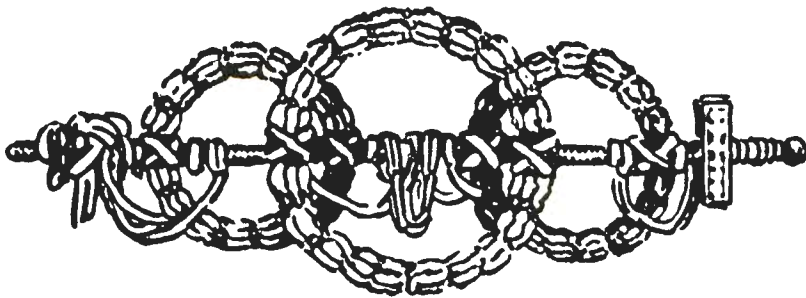
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

П. А. НИВЪ.

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА, ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВѢ.
1912.

1812 ГОДЪ

1912 ГОДЪ

Императоръ Александръ I.

Съ портрета Г. Доу.

*Движеніе отряда Дохтурова и казаковъ Платова къ Малоярославуцъ.
Выступленіе нашей арміи изъ Тарутинскаго лагеря.*

Переходъ Москвы обратно въ руки русскихъ.

*Сраженіе подъ Малоярославецемъ. Мъстность поля сраженія. Бой
12 октября. Значеніе и послѣдствія.*

ы оставили Дохтурова съ его отрядомъ въ тотъ моментъ, когда донесеніе партизана Сеславина разомъ, точно вспышкою яркаго луча свѣта, уяснило всю обстановку.

Очевидно, что если бы Дохтуровъ сталъ дожидаться новыхъ распоряженій главнокомандующаго въ Аристовѣ, то, во-первыхъ, рисковалъ быть атакованнымъ превосходными силами, а, во-вторыхъ, французы успѣли бы предупредить насъ въ Малоярославцѣ и, слѣдовательно, обезпечить себѣ доступъ въ хлѣбородныя губерніи.

Поэтому, совершенно правильно поступилъ Дохтуровъ, принявъ къ исполненію рѣшеніе, предложенное ему Ермоловымъ: немедленно съ разсвѣтомъ повернуть отъ Аристова обратно и,

присоединивъ къ себѣ оставленную сзади тяжелую артиллерію, свернуть ближайшимъ путемъ прямо на Малоярославецъ. Для выясненія же обстановки и, главное, силъ противника въ Боровскѣ, за нимъ двинуть былъ въ эту сторону I кавалерійскій корпусъ барона Меллера-Закомельскаго, съ казаками и конной артиллеріей. Съ ними отправился и генераль Ермоловъ, начальникъ штаба отряда.

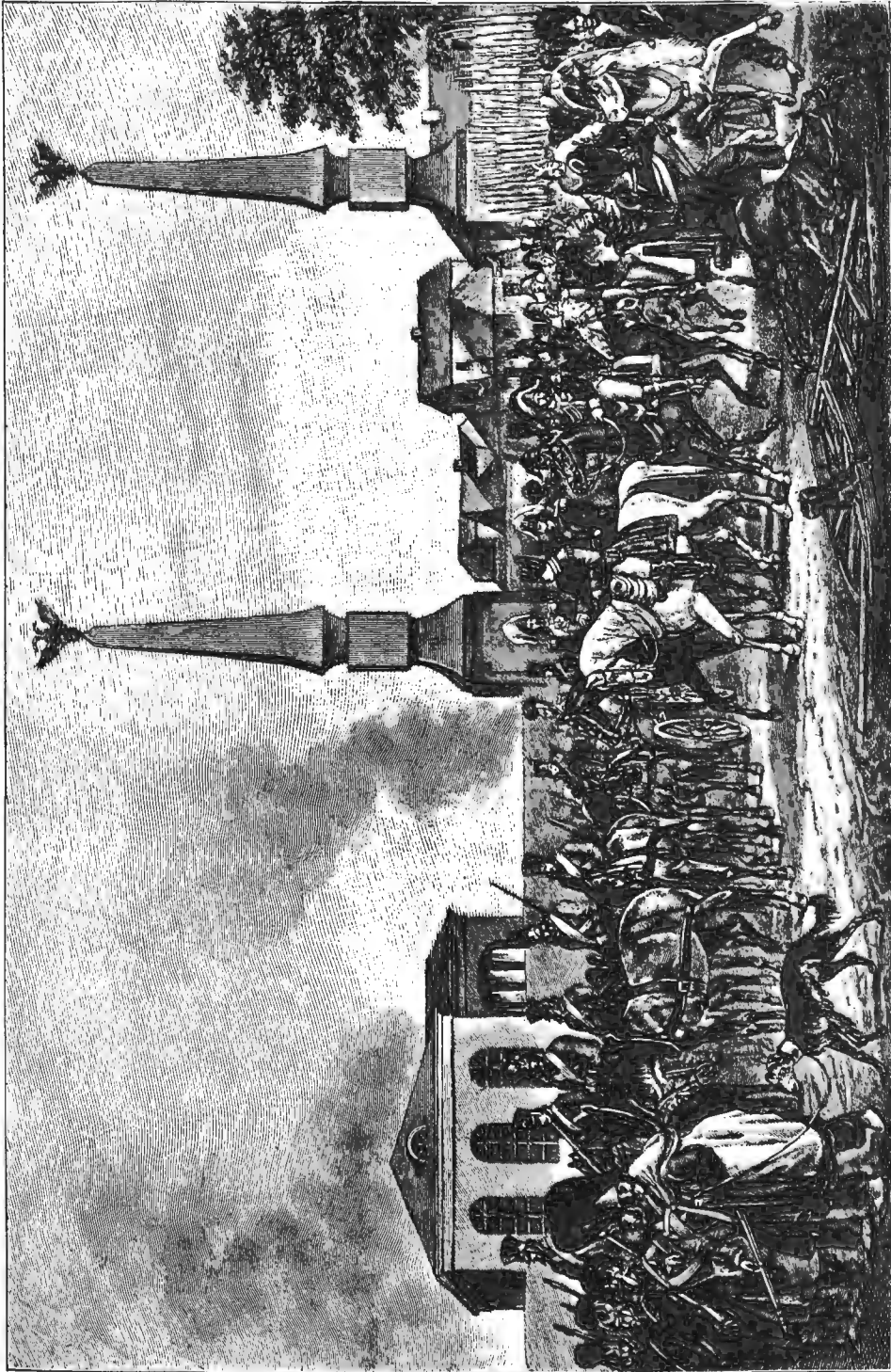
Предпринятая такимъ сильнымъ коннымъ отрядомъ развѣдка была до чрезвычайности затруднена поднявшимся густымъ туманомъ. Тѣмъ не менѣе, она выяснила, что у Боровска и въ его окрестностяхъ скопились большія силы противника, съ многочисленною артиллеріей. Переправясь черезъ рѣчку Протву, протекающую черезъ Боровскъ, и сбивая по пути конные посты и развѣзды противника, наша конница, выдѣливъ часть силъ съ конной батареей, чтобы сдержатъ непріятельскія передовыя части, къ которымъ спѣшили резервы, остальными своими силами быстрымъ аллюромъ прослѣдовала до почтовой дороги Боровскъ — Малоярославецъ, гдѣ раскрыла биваки корпусовъ Даву и вице-короля. Казачьей же партіи Ермоловъ поручилъ лѣвымъ берегомъ рѣки Протвы спуститься до Малоярославца, вывѣдать, что происходитъ въ городѣ, и ночью присоединиться къ колоннѣ. Развѣздъ этотъ выяснилъ, что въ Малоярославцѣ населеніе само разобрало мостъ черезъ рѣку Лужу, что на противоположномъ берегу уже расположены три батальона непріятельской пѣхоты и что въ городъ прибылъ казачій развѣздъ, высланный Платовымъ со стороны Тарутина.

Конный отрядъ Меллеръ-Закомельскаго, проведя въ развѣдкѣ весь день и всю послѣдующую ночь, двигаясь съ небольшими привалами, присоединился къ Дохтурову уже близъ самаго Малоярославца. Кромѣ развѣдки, данное этому отряду направленіе на Боровскъ сослужило отличную службу VI корпусу, фланговый маршъ котораго отъ Аристова на Малоярославецъ оказался отлично прикрытъ.

Дохтуровъ съ остальными войсками выступилъ изъ Аристова утромъ 11 октября и пошелъ прямо на село Спасское, гдѣ была переправа черезъ Протву; далѣе путь шелъ прямо на Малоярославецъ, правымъ берегомъ рѣчки Лужи, притока Протвы, протекающей сѣвернѣе Малоярославца.

Выступление Наполеона надъ Москвы.

Съ рисунка съ натуры Фабръ Дюффа.

Дорога, по которой пришлось идти Дохтурову, шла по мѣстности пересѣченной, изрѣзанной множествомъ ручьевъ; черезъ нихъ проложены были плохого качества мостики, которые безпрестанно приходилось исправлять.

Къ довершенію всего, жители Спасскаго, прослышавъ о приближеніи къ нимъ французовъ, сами уничтожили, чтобы ихъ задержать, плотины на рѣкѣ Протвѣ, — вслѣдствіе чего произошелъ сильный подъемъ въ ней воды, уничтожившій броды. Неожиданность эта послужила серьезною помѣхой для Дохтурова, корпусъ котораго и безъ того прибылъ къ Спасскому только въ девять часовъ вечера.

Немедленно со всюю энергіей приступлено было къ сооруженію у Спасскаго двухъ мостовъ на плотяхъ; но работа эта потребовала не менѣе пяти часовъ времени.

Къ счастью, въ одиннадцать часовъ вечера въ Спасское изъ Тарутина прибыли казаки Платова, высланные Кутузовымъ. Въ Спасскомъ какъ разъ сходились дороги изъ Тарутина и Аристова, и далѣе къ Малоярославцу вела уже только одна дорога.

Казаки отыскали близъ Спасскаго другой бродъ и не только переправились сами, но перевезли часть егерей и даже нѣсколько орудій...

Первоначальныя распоряженія Кутузова, по полученіи имъ донесенія объ оставленіи Наполеономъ Москвы и его нахожденіи съ главными силами въ Фоминскомъ, заключались въ слѣдующемъ.

Платову съ 15 казачьими полками и конной донской артиллеріей (кромѣ полковъ, состоявшихъ въ авангардѣ Милорадовича) приказано было двинуться немедленно какъ можно быстрѣе къ Малоярославцу и, достигнувъ его, занять этотъ городъ, выслать развѣдку въ направленіи къ Боровску.

Генералу Дохтурову приказано было идти фланговымъ маршемъ къ Малоярославцу (т. е. дѣлать то, что онъ уже по собственному почину приводилъ въ исполненіе, по совѣту Ермолова); онъ долженъ былъ выслать казаковъ предупредить французовъ на Боровской дорогѣ, въ ожиданіи прихода Платова.

Послѣднее распоряженіе, какъ извѣстно, не могло быть выполнено, такъ какъ предупредить французовъ на участкѣ пути Боровскъ — Малоярославецъ было уже поздно, что и выяснила развѣдка Ермолова и барона Меллера.

*

Милорадовичу, авангардъ котораго по прежнему находился на Старо-Калужской дорогѣ, предписано было сдѣлать усиленную развѣдку для раскрытія силъ и намѣреній находившихся противъ него войскъ; если же выяснится, что Мюратъ идетъ на присоединеніе къ главнымъ силамъ Наполеона, то ограничиться наблюдениемъ за нимъ конницей, а всѣ остальные силы авангарда вести на Тарутино, во слѣдъ Кутузову.

Фельдмаршалъ распорядился изготавить къ немедленному выступленію всѣ остальные войска Тарутинскаго лагеря, но начало движенія отсрочилъ до вечера.

Съ присущею ему осторожностью, Свѣтлѣйшій желалъ совершенно точно удостовѣриться въ истинномъ направленіи наступленія главныхъ силъ Наполеона, прежде чѣмъ покинуть то выгодное положеніе у Тарутина, которое давало ему преимущество кратчайшихъ разстояній для предупрежденія противника, какъ на Новой, такъ и Старой Калужскихъ дорогахъ, гдѣ высланные авангарды должны были задержать послѣдняго, сколько окажется нужнымъ, до подхода всѣхъ силъ. Если бы Наполеонъ дѣйствительно пошелъ по Ново-Калужской дорогѣ (какъ оно и случилось), то эта трудная задача падала на Дохтурова; если же, наоборотъ, великій полководецъ отъ Фоминскаго свернулъ бы по Новой дорогѣ, то первый ударъ принималъ на себя Милорадовичъ.

Однако, въ тотъ же день 11 октября обстановка совершенно выяснилась. Полученъ былъ отъ Милорадовича рапортъ, который удостовѣрялъ, что французы на разсвѣтѣ начали *отступать* отъ Воронова. Ясно было, что главнаго удара надлежитъ ожидать не отсюда, а въ направленіи на Малоярославецъ, т. е. по Ново-Калужской дорогѣ.

Одновременно съ этимъ пришло извѣстіе объ очищеніи французами Москвы и о вступленіи высланныхъ Милорадовичемъ развѣздовъ въ связь съ отрядомъ Винцингероде (см. ниже).

Вечеромъ 11 октября Кутузовъ выступилъ съ главными силами изъ Тарутина двумя колоннами, при чемъ правая составлена была только изъ конницы (20 эскадроновъ кирасиръ) и прикрывала фланговый маршъ нашей арміи съ сѣвера. У Спасскаго обѣ колонны должны были соединиться, переправиться здѣсь черезъ рѣку Протву и продолжать движеніе къ Малоярославцу.

**Генераль-отъ-кавалеріи
Баронъ Фердинандъ Федоровичъ Винцингероде.**

(Съ портрета, находящагося въ Зимнемъ дворцѣ).

Въ Тарутинскій лагерь наша армія вступила, имѣя около 83 тысячъ человекъ, въ томъ числѣ около 16 тысячъ ратниковъ, большею частью вооруженныхъ пиками, и 8 тысячъ необученныхъ рекрутъ. Изъ лагеря Кутузовымъ было выведено 97 тысячъ, не считая 20 тысячъ казаковъ, при чемъ въ этомъ числѣ ратниковъ было только $5\frac{1}{2}$ тысячъ.

Въ 1834 году Тарутинскіе крестьяне по собственному почину воздвигли на свой счетъ памятникъ на мѣстѣ Тарутинскаго лагеря, съ такою надписью:

„На семь мѣстѣ Россійское воинство, предводитель-
„ствуемое фельдмаршаломъ Кутузовымъ, укрѣпясь, спасло
„Россію и Европу“.

* * *

Покамѣстъ назрѣвало столкновение обѣихъ сторонъ подъ Малоярославцемъ, генераль Винцингероде, находившійся, какъ извѣстно, со своимъ отрядомъ въ Клину, получилъ въ первыхъ числахъ октября свѣдѣніе о наступленіи въ направленіи на Клинь части корпуса вице-короля Евгенія. Поискомъ въ направленіи къ Дмитрову была выяснена ложность вышеприведеннаго извѣстія, и подтвердилось, что Дмитровъ, наоборотъ, очищенъ войсками вице-короля.

Тогда, начиная съ 5 октября, казаки Винцингероде ежедневно продолжали смѣлыя развѣдки и поиски до самой Москвы, захватывая каждый разъ плѣнныхъ, которые постепенно сообщили свѣдѣнія о выступленіи Наполеона, объ оставленіи Мортье, о данномъ ему порученіи взорвать Кремль. Желая предупредить варварское разрушеніе Московскихъ святынь, генераль Винцингероде, въ сопровожденіи адъютанта, лично поѣхалъ въ Москву въ качествѣ переговорщика, но Мортье попросту взялъ его въ плѣнъ.

Войска Мортье выступили изъ Москвы 11 октября, въ сопровожденіи огромнаго обоза съ награбленной добычей. Въ полночь на 12-е запылалъ Кремлевскій арсеналь и другія зданія, подожженные французами, а затѣмъ, семью послѣдовательными взрывами, разрушены были нѣкоторыя Кремлевскія башни и часть Кремлевскихъ стѣнъ... Какъ справедливо говорить въ „Войнѣ и Мирѣ“ графъ Л. Н. Толстой, этотъ поступокъ Наполеона напоминаетъ ребенка, бьющаго рученкой тотъ полъ, объ который онъ ушибся, падая...

По очищеніи французами Москвы, въ ней оставалось только небольшое количество злосчастныхъ жителей, безпощадно истребляемыхъ отсталыми непріятельскими мародерами.

Въ такомъ положеніи найдено было Московское пепелище генераль-маіоромъ Иловайскимъ 4-мъ, который, послѣ плѣненія Винцингероде, будучи старшимъ въ его отрядѣ и во главѣ полковъ лейбъ-казачьяго, своего, Казанскаго драгунскаго и Изюмскаго, захватилъ утромъ 11 октября Москву, истребивъ и плѣнивъ много французскихъ мародеровъ.

Первопрестольная столица представляла собою печальное зрѣлище обугленныхъ развалинъ, среди которыхъ трудно было даже ориентироваться и распознать улицы и площади. На каждомъ шагу попадались человѣческіе и конскіе трупы, всякаго рода обломки и отбросы...

Первымъ дѣломъ вступившихъ въ городъ военныхъ начальниковъ было водвореніе въ городѣ порядка, благочинія, очищеніе его отъ источниковъ заразы и поданіе помощи страждущимъ.

Грабежи и безчинства были быстро прекращены разосланными по всѣмъ направленіямъ разъѣздами и выставленными въ важнѣйшихъ пунктахъ караулами. Воспитательный домъ, заваленный ранеными и больными, нашими и непріятельскими, былъ очищенъ отъ гніющихъ труповъ, которые валялись рядомъ съ еще живыми страдальцами... Послѣднихъ размѣстили болѣе свободно по Москвѣ и ввѣрили ихъ леченіе и уходъ подлежащимъ лицамъ, а затѣмъ часть ихъ, по мѣрѣ улучшенія здоровья, вывезена была въ другіе города.

Взрывами Кремля произведено было не мало разрушеній. Пострадали дворецъ, Грановитая палата, арсеналь, Алексѣевская и Никольская башни и стѣны во многихъ мѣстахъ.

Но истиннымъ чудомъ Провидѣнія сохранены были нетлѣнными всѣ до единого кремлевскіе храмы, несмотря на то, что горящія головни осыпали древнюю церковь Спаса-на-Бору, а внѣшнія двери Благовѣщенскаго собора оказались совершенно обугленными. На Спасскихъ и Никольскихъ воротахъ среди пламени пожара и разрушеній взрыва, уцѣлѣли иконы, вдѣланныя въ нихъ, и даже стекла въ кіотахъ остались цѣлыми!

**Генераль-лейтенантъ
И. Д. Иловайскій 4-й.**

Исчезло только то, что было награблено святотатственными неприятельскими руками... Въ Успенскомъ соборѣ оскверненныя и выброшенныя изъ ракъ мощи Святителей остались невредимыми. Надгробіе митрополита Гермогена было изрублено, очевидно, саблями ненавидѣвшихъ его поляковъ... Къ ужасу и негодованію православнаго люда, на каждомъ шагу видѣлись вопіющіе признаки дикаго и циничнаго оскорбленія святынь... Въ алтарѣ Казанскаго собора найдена палая лошадь; въ Архангельскомъ соборѣ розлито изъ бочекъ вино; повсюду валялись иконы, съ которыхъ содраны были оклады и ризы...

Если необычайно быстро опустѣла Москва передъ отдачею ея врагу, то еще быстрѣе пополнилась она населеніемъ. На третій день по вступленіи нашихъ войскъ въ Москву въ Страстномъ монастырѣ, единственномъ храмѣ, не оскверненномъ врагами, совершено было торжественное богослуженіе, завершившееся благодарственнымъ молебствіемъ, во время котораго пали, какъ одинъ человекъ, на колѣни всѣ присутствующіе, не исключая даже инородцевъ, калмыковъ и башкиръ...

* * *

Городъ Малоярославецъ, близъ котораго произошло достопамятное боевое столкновеніе 12 октября, лежитъ на правомъ, южномъ берегу рѣки Лужи, образующей здѣсь широкую луку, обращенную вершиной къ югу. Берегъ этотъ возвышенный, круто обрывающійся къ рѣкѣ, при чемъ самый городъ расположенъ на плато, постепенно повышающемся къ югу едва замѣтнымъ скатомъ, который переходитъ затѣмъ въ кругообразную цѣпь плоскихъ вершинъ. Размѣры города не превышали полутора версты въ направленіи съ запада на востокъ и одной версты — съ сѣвера на югъ.

Южный — нашъ — берегъ командовалъ сѣвернымъ, при чемъ высоты его огибали городъ [полукольцомъ и создавали такимъ образомъ, прекраснѣйшую позицію для обстрѣливанія противоположнаго берега перекрестнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Дорога изъ Калуги въ Москву прорѣзывала городъ, пролегая въ сѣверной его части по довольно глубокому оврагу, близъ оконечности котораго находился деревянный мостъ на тотъ берегъ. Мостъ этотъ, послѣ отхода нашихъ казаковъ и полученія вѣсти о приближеніи французовъ, горожане успѣли на половину разрушить.

11 октября Наполеонъ, убѣдившись изъ сдѣланной наканунѣ развѣдки и послѣдующихъ донесеній, что русская армія продолжаетъ оставаться въ Тарутинскомъ лагерѣ, рѣшилъ продолжать наступленіе всѣми силами къ Калугѣ. Поэтому корпусъ вице-короля, бывшій въ авангардѣ арміи, былъ продвинутъ за Боровскъ, а головная его дивизія, Дельзона, получила приказаніе двигаться еще далѣе впередъ по Калужской дорогѣ и захватить Малоярославецъ, т. е. обезпечить за собою переправу черезъ Лужу.

Дельзонъ, въ сумерки 11-го числа, подошелъ къ берегу Лужи, возстановилъ мостъ и, ставъ всѣми силами на ночлеги на сѣверномъ берегу рѣки, занялъ самый городъ только двумя батальонами.

Схема передъ боемъ у Малоярославца.

Несмотря на всѣ усилія, проявленныя войсками Дохтурова, они могли, какъ уже говорилось ранѣе, прибыть къ Малоярославцу только поутру 12 октября, задержанныя плохими дорогами и затрудненіями на переправѣ черезъ рѣку Протву. Поискомъ конницы Меллера-Закомельскаго положеніе противника и захватъ имъ города, хотя и сравнительно небольшими силами, были выяснены.

А. П. Ермоловъ.

Дохтуровъ рѣшаетъ немедленно овладѣть Малоярославцемъ, но дѣлаетъ существенную ошибку: вмѣсто того, чтобы *сразу* назначить для атаки города достаточное количество силъ, онъ послалъ сперва только шедшій въ головѣ 33-й егерскій полкъ, т. е. силы приблизительно равныя непріятельскимъ.

Молодцы-егеря, рядомъ стремительныхъ атакъ, выбили непріятели изъ южной части города; но у самага моста французы упорно держались, а Дельзонъ, пользуясь этимъ, ввелъ въ дѣло всю свою дивизию и отбросилъ насъ къ югу.

Тотчасъ же французы, понимая важное для нихъ значеніе удержанія Малоярославца въ своихъ рукахъ, прочно заняли церковь и два каменныхъ зданія, откуда отлично обстрѣливался оврагъ, по которому проходила большая дорога. Войска, назначенныя занимать эти строенія, получили приказаніе удержаться въ нихъ во что бы то ни стало, и не оставлять ихъ, даже если остальные силы дивизіи очистятъ городъ.

Если бы Дохтуровъ, располагавшій не однимъ, а нѣсколькими полками, атаковалъ Малоярославецъ сразу значительными силами, то мы овладѣли бы тогда же городомъ и, отбросивъ непріятели на сѣверный берегъ рѣки Лужи, выиграли бы отличную позицію, на которой съ успѣхомъ можно было продержаться противъ превосходныхъ силъ.

Но обѣ стороны продолжали вводить свои силы въ бой по частямъ: мы — полками и бригадами, а французы — дивизіями, и благодаря этому, бой за Малоярославецъ обошелся и намъ, и французамъ, чрезвычайно дорого. Мало того, намъ, какъ слабѣйшимъ, пришлось потратить чрезвычайныя усилія и понести огромныя жертвы, чтобы удержаться въ городѣ и не дать французамъ пріобрѣсти эту выгодную позицію, облегчавшую имъ желанный доступъ на югъ...

36-й егерскій полкъ былъ поддержанъ еще двумя полками, 6-мъ и 19-мъ егерскими. Всѣ войска въ городѣ были подчинены генералу Ермолову. Быстрыя и рѣшительныя его распоряженія были выполнены съ точностью, но, какъ пишетъ онъ самъ въ своихъ запискахъ, неустрашимо защищавшіяся войска, „преодолевая, ваемая превосходствомъ, должны были отступить, и, тѣснимые, съ трудомъ вывели мы нашу артиллерію“. Противникъ вытѣснилъ насъ совершенно изъ города и занялъ его южную окранию.

Подошедшая къ Дельзону дивизія Брусье начала переправляться черезъ Лужу и втягиваться въ городъ, несмотря на жестокія потери, наносимыя ей во время переправы нашей артиллеріей, которая, огибая кольцеобразно городъ, была сосредоточеннымъ огнемъ по мосту.

На поддержку Ермолову присланы были полки Либавскій и Софійскій. Вмѣстѣ съ отбитыми егерями, неудержимой лавиной бросились они къ городу, поддерживаемые несмолкаемою канонадой нашихъ батарей. Все сокрушила, все смела передъ собою молодецкая лихая атака, въ которой особенно отличились софійцы; противникъ былъ потѣсненъ къ мосту; но здѣсь отборные стрѣлки, занимавшіе у самага входа на мостъ упомянутые выше дома съ церковью, оказывали неодолимое сопротивленіе, пользуясь которымъ французы поражали отбитыхъ ими атакующихъ жестокимъ огнемъ въ тылъ, нанося намъ убійственныя потери.

Однако, все-таки, большую часть города удалось вырвать изъ рукъ непріятеля. Наша конная артиллерія полковника Никитина, занявъ высоту у кладбища, разила противника съ близкаго разстоянія, пользуясь тѣмъ, что дѣйствіе французской артиллеріи съ сѣвернаго берега рѣки было слабое, а переправить орудія черезъ мостъ вице-король не рѣшался, опасаясь ихъ потерять.

Любопытная подробность для современныхъ артиллеристовъ: огонь батарей Никитина направлялся съ возвышеннаго наблюдательнаго пункта (колокольня) специально назначеннымъ туда офицеромъ (поручикомъ Поздѣвымъ), на подобіе того, какъ это дѣлается въ настоящее время!

Третья итальянская дивизія, которую ввелъ въ бой вице-король, генерала Пинб, ни разу еще не была въ дѣлѣ съ самага начала кампаніи. Съ необыкновеннымъ увлеченіемъ и восторгомъ бросилась она, съ криками „Vive l'Empereur“, бѣглымъ шагомъ на высоту; съ нашей стороны введена была въ дѣло свѣжая бригада, и снова мы отбили непріятеля и ворвались въ городъ, но немедленно же были изъ него вытѣснены.

Такимъ то образомъ тянулся *восемнадцать часовъ* отчаянный, кровопролитный бой за Малоярославецъ, во время котораго городъ *восемь разъ* переходилъ изъ рукъ въ руки...

Сраженіе при Мало-Ярославцѣ, 12-го октября.

Съ картаны П. Гессъ.

Какъ только французы, овладѣвъ городомъ и отбросивъ наши войска отъ южной его окраины на окаймлявшія городъ высоты, пытались выйти изъ города и атаковать нашу позицію, ихъ тотчасъ же встрѣчали съ фронта и фланговъ градомъ картечи нашихъ кольцомъ расположенныхъ батарей и загоняли въ городъ обратно, врываясь въ него на плечахъ у преслѣдуемыхъ...

Обратно, стоило намъ какъ будто утвердиться въ городѣ и попробовать проникнуть въ долину рѣки Лужи, какъ мы натыкались на упомянутый выше непріятельскій опорный пунктъ, и французскія батареи съ того берега въ свою очередь засыпали насъ снарядами, не давая удержаться на сѣверной окраинѣ города.

Около полудня, по распоряженію Наполеона, начали возводить выше города новый мостъ на плотахъ... Къ городу подходили съ сѣвера войска корпуса Даву и гвардія, густыя колонны которыхъ покрывали противоположный берегъ... Въ городѣ продолжалъ кипѣть ожесточенный штыковый бой; всюду разгорались пожары, всѣ улицы переполнены были сплошь трупами, по которымъ ступали бойцы...

Видя серьезность положенія, Ермоловъ испросилъ разрѣшеніе генерала Дохтурова донести фельдмаршалу о положеніи дѣлъ и просить объ ускореніи движенія арміи, дабы не отдать Малоярославецъ французамъ.

Однако, соображенія Кутузова были нѣсколько иныя. Онъ предвидѣлъ, что если подойдетъ всѣми силами на поддержку Дохтурова, то очень трудно, если не совершенно невозможно будетъ ему удержать войска отъ „генеральнаго боя“, въ который они такъ рвались и котораго онъ, единственный изъ всѣхъ начальниковъ, всѣми мѣрами желалъ избѣжать, глубже другихъ проникая своимъ опытомъ въ неизбежное будущее.

Втянуться въ рѣшительный бой всѣми силами, при данномъ положеніи вещей, было главнокомандующему гораздо легче, чѣмъ воздержаться отъ этого; а между тѣмъ, онъ рисковалъ бы, въ случаѣ неудачи, не только арміею, но и невыполненіемъ той главной идеи, которая ложилась въ основу его плана — не допустить Наполеона проникнуть на югъ.

Поэтому Кутузовъ, хотя и находился всего въ пяти верстахъ отъ Малоярославскаго поля сраженія, не двинулся туда всѣми

силами, а ограничился направлением туда одного VII корпуса Раевского, с прибытием которого перевес в силах оказался снова на нашей стороне.

Раевский ввел сразу в дело обе свои дивизии — 12-ю и 26-ю; неприятель был снова совершенно вытеснен из Малоярославца; итальянская гвардия понесла страшные потери...

Наполеон, еще с полудня находившийся на высотах левого берега реки Лужи и наблюдавший за ходом боя, получил донесение о трудном положении корпуса вице-короля, но приказал ему ответить: „пусть вице-король проглатывает кубок, раз он начал его пить: я приказал Даву поддержать его“...

Две дивизии корпуса Даву, были направлены Наполеоном на тот импровизированный мост, который приказано было им соорудить выше города, в полу-версте от постоянного моста.

Пользуясь этою сильною поддержкой, войска вице-короля снова перешли в наступление и на этот раз окончательно овладели Малоярославцем, ворвавшись в него по грудам трупов.

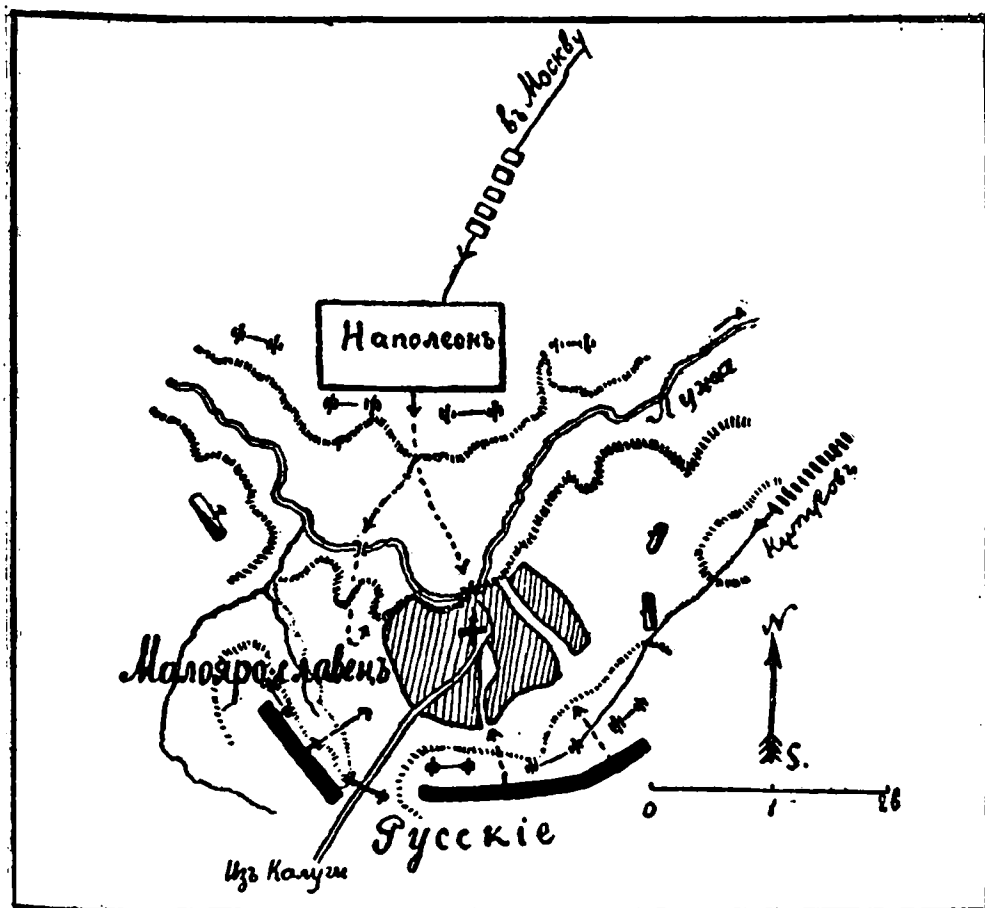
Но полки Дохтурова и Раевского, отойдя на пушечный выстрел от города, выполнили свою задачу до конца: до глубокой ночи удерживали они полукольцо высот, преграждавшее доступ на юг, в направлении на Калугу.

Несколько раз французы производили попытки дебушировать из города и атаковать нашу позицию, но каждый раз густые их колонны были разстреливаемы картечным огнем батарей наших и отбиваемы огнем и штыком преследующей их пехоты до самого города. Конная наша артиллерия подсккивала к самой его окраине и громила французов чуть не в упор.

Тем временем Кутузов, наконец, тронулся с остальными силами и прибыл к месту боя уже к наступлению темноты. Войскам VIII корпуса Бороздина приказано было сместить изуренные полки корпуса Дохтурова. Заняв позицию по обе стороны Калужской дороги, в 2¹/₂ верстах от города, армия Кутузова сделала все же попытку овладеть городом, для чего Коновницину приказано было поддержать гренадерской дивизией князя Шаховского корпус Бороздина. Но французы тоже успели

водрузить на южной окраинѣ Малоярославца сильныя батареи, и попытка эта успѣхомъ не увѣнчалась. Къ тому же наступила темная осенняя ночь.

Схема боя подъ Малоярославцемъ.

Обѣ стороны оставались другъ отъ друга въ самомъ близкомъ разстояіи, мѣнѣ версты: французы въ Малоярославцѣ, русскіе, обигая его съ юга. Къ ночи, послѣ пятидесятиверстнаго усиленнаго перехода, къ Кутузову присоединился Милорадовичъ и, такимъ образомъ, на Калужской дорогѣ оказывались сосредоточенными всѣ наши силы, кромѣ небольшого числа конницы, выдѣленной въ составъ партизанскихъ отрядовъ.

У Наполеона стянуты были здѣсь въ то же время только корпуса вице-короля, Даву и гвардія, а также резервная конница.

Въ бою подъ Малоярославцемъ съ обѣихъ сторонъ было введено въ дѣло примѣрно по 24.000 человекъ. Потери французовъ и наши были приблизительно одинаковы и достигали 6.000 человекъ у каждой изъ сторонъ. Плѣнныхъ было чрезвычайно мало, такъ какъ бой отличался необыкновеннымъ упорствомъ и безпощадностью... Городъ, въ которомъ главнымъ образомъ и происходило побоище, былъ почти совершенно истребленъ пожаромъ и разрушенъ огнемъ артиллеріи; множество раненыхъ, укрывшихся въ строеніяхъ, погибло въ огнѣ. Груды истерзанныхъ и раздавленныхъ орудійными колесами тѣлъ и обугленныхъ костей переполняли собою улицы...

Обращаясь къ оцѣнкѣ боя, надлежитъ отмѣтить, что, при видимой тактической неудачѣ его для насъ, — въ стратегическомъ отношеніи онъ доставилъ намъ крупнѣйшій успѣхъ, быть можетъ, — наиболѣе важный за всю кампанію.

Если упорный и продолжительный бой за Малоярославецъ, кончившійся въ результатѣ уступкой города французамъ, и требовалъ отъ насъ большихъ жертвъ, то, съ другой стороны, онъ привлекъ къ себѣ всѣ наличныя силы французовъ и далъ возможность *выиграть время* для сосредоточенія всей Кутузовской арміи на томъ направленіи, которое мы стремились преградить...

Собственно говоря, если въ чемъ и можно упрекать Кутузова, такъ никакъ не въ томъ, что онъ не спѣшилъ ввести всѣ силы свои въ дѣло подъ Малоярославцемъ, а скорѣе въ томъ, что онъ не прекратилъ бесполезнаго уже съ приходомъ его силъ кровопролитія въ борьбѣ за этотъ городъ, владѣніе которымъ уже теряло для насъ смыслъ.

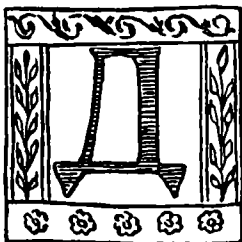
Но и этотъ упорный, безпощадный и кровопролитный бой также сыгралъ свою долю пользы. Несомнѣнно, что характеръ его съ нашей стороны, постоянный успѣхъ въ отбитіи непріятельскихъ атакъ, который мы каждый разъ одерживали съ меньшими силами противъ ббльшихъ, — все это сильно повліяло на то рѣшеніе, которое принято было впослѣдствіи Наполеономъ.

*Положеніе сторонъ 13 октября послѣ боя подъ Малоярославцемъ.
Рѣшеніе Кутузова. Цѣль дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій.*

Рѣшеніе Наполеона и его распоряженія. Набѣгъ Платова.

Отступленіе обѣихъ сторонъ 14 октября. Первые морозы.

ень 13 октября обѣ стороны провели въ бездѣйствіи, и онъ посвященъ былъ тяжелой внутренней работѣ обоихъ полководцевъ, которыхъ сложившееся положеніе дѣлъ вынуждало рѣшиться на что либо одно изъ двухъ: искать ли съ противостоящимъ противникомъ рѣшительнаго боя или дѣйствовать какъ-либо иначе.

Другими словами — ставить ли все разомъ на карту или избѣжать такого рискованнаго исхода.

Для Кутузова, казалось бы, многое говорило въ пользу перваго рѣшенія. Дать генеральное сраженіе французской арміи — къ чему стремилось большинство нашихъ генераловъ — сулило надежду окончить кампанію сразу, однимъ блестящимъ ударомъ.

У Кутузова было 97 тысяч при 622 орудіяхъ, не считая 20 тысячъ казаковъ; тогда какъ Наполеонъ подъ Малоярославцемъ имѣлъ только 63 тысячи. Остальныя его силы 12 октября были расположены слѣдующимъ образомъ:

Корпусъ Нея силою около 15 тысячъ — между Городнею и Боровскомъ; корпусъ Понятовскаго, силою около 5.700 человекъ — въ Вереѣ; Мортье (8 тысячъ) — на маршѣ между Москвою и Вереей; Жюно, съ 5.700 чел., — въ Можайскѣ.

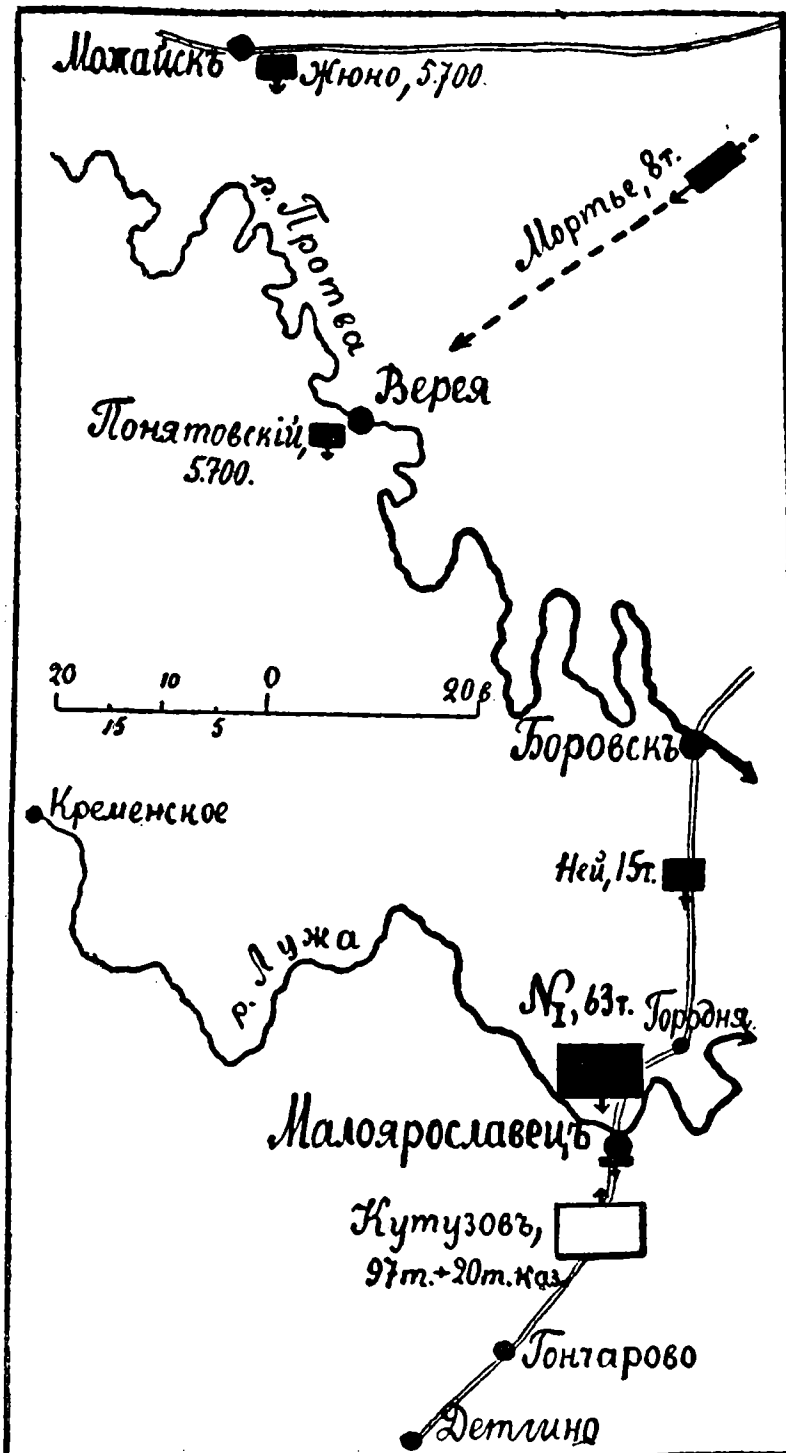
Силою своей артиллеріи мы значительно превосходили французовъ: у насъ было 622 орудія, у французовъ только 360; къ тому же у нихъ истощеніе артиллерійскихъ лошадей почти совершенно лишало ея способности къ маневрированію (т. е. къ передвиженіямъ на полѣ сраженія) и превращало въ мѣстную или позиціонную артиллерію. Такимъ образомъ на нашей сторонѣ было не только количественное, но и качественное превосходство.

Точно также огромнымъ нашимъ преимуществомъ было превосходство въ конницѣ. Французская кавалерія, какъ мы уже упоминали, была въ жалкомъ положеніи. У насъ же было 10 тысячъ превосходной регулярной конницы, не считая 20-тысячной неподражаемой казачьей силы.

Естественно, что при такихъ условіяхъ: количественнаго и качественного превосходства, въ общемъ, и по отдѣльнымъ родамъ войскъ, а равно сосредоточеннаго положенія, при разбросанности силъ противника, въ арміи раздавалось много вліятельныхъ голосовъ въ пользу рѣшительнаго образа дѣйствій, въ томъ числѣ и голосъ наиболѣе близкаго совѣтника главнокомандующаго, генераль-квартирмейстера арміи, ген.-м. Толя.

Какъ только окончилось сраженіе подъ Малоярославцемъ, и Кутузовъ прибылъ на приготовленный для него бивакъ, тотчасъ же Толь обратился къ фельдмаршалу съ предложеніемъ атаковать на разсвѣтѣ слѣдующаго дня всѣми силами французовъ. Кутузовъ оспаривалъ своего любимца, стараясь умѣрить его пылъ; въ это время пришелъ Беннигсенъ, начальникъ штаба арміи (еще не отозванный отъ своего поста). „Желаю вашей свѣтлости успѣха во „второмъ Эйлаускомъ сраженіи“ — сказалъ онъ; — „французы, „повидимому, хотятъ во что бы то ни стало удержаться въ Мало-

Схема положенія сторонъ послѣ Малоярославца.

„ярославцѣ и завтра атаковать васъ“: — „Вотъ, слышалъ, — обратился Кутузовъ къ Толю съ обычной насмѣшливой улыбкой: „опытный генераль доносить мнѣ, что непріятель завтра хочетъ атаковать меня, а ты предлагаешь, чтобы я поступилъ, какъ „отчаянный гусарь. Нѣтъ, нѣтъ! Лучше приготовиться его встрѣ- „тить“...“

Отсюда видно, что Кутузовъ принялъ уже внутри себя болѣе осторожное рѣшеніе, сущность котораго заключалась въ томъ, чтобы самому не *искать* рѣшительнаго боя съ французами, а лишь постоянно и неуклонно *угрожать* имъ этимъ боемъ, въ то же время упорно и неотступно загоразживая имъ доступъ на югъ и тѣмъ самымъ вынуждая ихъ вернуться на старую, разоренную Смоленскую дорогу.

Послѣдующія событія показали, насколько правъ былъ Кутузовъ, кладя въ основу своихъ рѣшеній *осторожность*. Сохраненіе арміи явилось для насъ огромнымъ козыремъ, особенно въ послѣдующихъ событіяхъ 1813 — 1814 годовъ, когда вся главная тяжесть борьбы съ Наполеономъ на поляхъ Германіи и Франціи, въ сущности, пала всего болѣе опять же на плечи русскаго воинства.

Кутузовъ, своимъ прозорливымъ умомъ и огромнымъ военнымъ опытомъ, видѣлъ то, чего не видѣли другіе: онъ видѣлъ, что французская армія быстрыми шагами, но неуклонно и неизбежно, идетъ къ полному разложенію. Вотъ почему онъ неустанно повторялъ: „Все это растаетъ и безъ меня“ (*tout cela se fondera sans moi*) и всѣми силами старался удерживать пылія головы отъ сколько-нибудь рискованныхъ шаговъ или предпріятій.

Оцѣнивая рѣшеніе Кутузова послѣ Малоярославца, Г. А. Лееръ говоритъ:

„Оба рѣшенія вели къ одной и той же цѣли, уничтоженію „французской арміи: *одно*, въ случаѣ успѣха, — къ болѣе полному „и быстрому; *другое* — къ болѣе медленному; но, рядомъ съ этимъ, „*первое* было рискованно и сомнительно, *второе* — осторожно и „несомнѣнно. Кутузовъ еще во время пребыванія въ Москвѣ „французской арміи видѣлъ, что она разрушается. Какіе мотивы „имѣлъ онъ, чтобы ускорить разрушеніе и безъ того разлагав- „шейся арміи? Никакихъ. Къ чему же послѣ этого торопиться и

Въ Городѣ, проливается или ослушана.

Съ картины В. В. Верещагина.

„рисковать? Слѣдовательно, осторожность, положенная Кутузовымъ въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ его дѣйствій, начиная съ Мало-ярославца и до конца кампаніи, была вполнѣ целесообразна, вполнѣ отвѣчала требованіямъ обстановки, тѣмъ болѣе, что передъ Кутузовымъ былъ первый полководецъ и армія, пользовавшаяся до этой минуты, вполнѣ заслужено, репутаціей непобѣдимой. Конечно, если бы Кутузовъ побѣдилъ подъ Мало-ярославцемъ, то война окончена была бы сразу и блестящимъ образомъ; но Кутузовъ предпочелъ *вѣрный* расчетъ *рискованному* блеску, въ чемъ и былъ совершенно правъ“.

* * *

Послѣ сраженія при Мало-ярославцѣ Наполеонъ уже ночью возвратился въ Городню, гдѣ и расположился въ приготовленномъ для него крестьянскомъ домѣ. Онъ немедленно призвалъ къ себѣ на совѣщаніе наличныхъ старшихъ начальниковъ (Бертье, Мюрата, Бессьера). Объявивъ имъ, что прибытіе всей русской арміи на Калужскую дорогу совершенно измѣнило положеніе дѣлъ, Наполеонъ оперся головою на обѣ руки и, облокотясь на разложенную на столѣ карту театра войны, въ совершенномъ безмолвіи устремилъ глаза свои на эту карту *). Маршалы долго ожидали отъ своего властителя какого либо отвѣта или рѣшенія: спустя часъ, Наполеонъ отпустилъ своихъ сподвижниковъ, не сказавъ имъ ни слова. Однако, сдѣланныя имъ затѣмъ распоряженія (о смѣнѣ войсками Даву корпуса вице-короля въ Мало-ярославцѣ, о приближеніи съ разсвѣтомъ гвардіи къ этому городу, о придвиженіи корпуса Нея между Боровскомъ и Мало-ярославцемъ, оставя одну дивизию въ Боровскѣ для прикрытія обозовъ), повидимому, указывали на намѣреніе вступить въ рѣшительный бой.

13-го утромъ, въ пять часовъ, изъ Мало-ярославца прибылъ одинъ изъ адъютантовъ Наполеона, Гурго, съ донесеніемъ, что русскіе остаются на занятой позиціи южнѣе города и что ночью слышно было движеніе значительной конницы, повидимому, на Мединь.

Наполеонъ снова призвалъ къ себѣ Мюрата и Бессьера, и, наконецъ, Мутона (графа Лобау). „Кажется, непріятель удерживается на занятомъ имъ мѣстѣ, и намъ придется дать сраженіе“, —

*) Моментъ этотъ изображенъ на извѣстной картинѣ В. В. Верещагина.

*

сказалъ онъ. „Выгодно ли это будетъ для насъ и не лучше ли „уклониться отъ боя?“ Бессьеръ и Мюратъ, считая ошибочно, что наша армія состоитъ только изъ необученныхъ ополченій (о чемъ только что сообщалъ самъ Наполеонъ въ официальномъ бюллетенѣ послѣ Малоярославца*), въ побѣдѣ не сомнѣвались; но все-таки находили, что и послѣ нея войска будутъ настолько разстроены, что едва ли возможно будетъ продолжать дальнѣйшее наступленіе къ Калугѣ и неизбежнымъ окажется все-таки, отходить къ Смоленску. Когда же Наполеонъ обратился къ Мутону, то послѣдній съ чисто солдатской откровенностью, отвѣчалъ: *„Отступать по кратчайшей и извѣстнѣйшей дорогѣ на Можайскъ къ Нѣману и какъ можно поспѣшнѣе“*.

Въ прямодушныхъ словахъ Мутона звучало настроеніе всей арміи.

Тѣмъ не менѣе Наполеонъ объявилъ, что прежде принятія окончательнаго рѣшенія, онъ намѣренъ осмотрѣть поле сраженія и тотчасъ же отправился въ Малоярославецъ.

Тѣмъ временемъ Кутузовъ, оставшись съ арміей 13-го числа неподвижнымъ подъ Малоярославцемъ, загоразживая путь на Калугу, выдѣлилъ въ этотъ день два сильныхъ казачьихъ отряда, возложивъ на нихъ слѣдующія задачи.

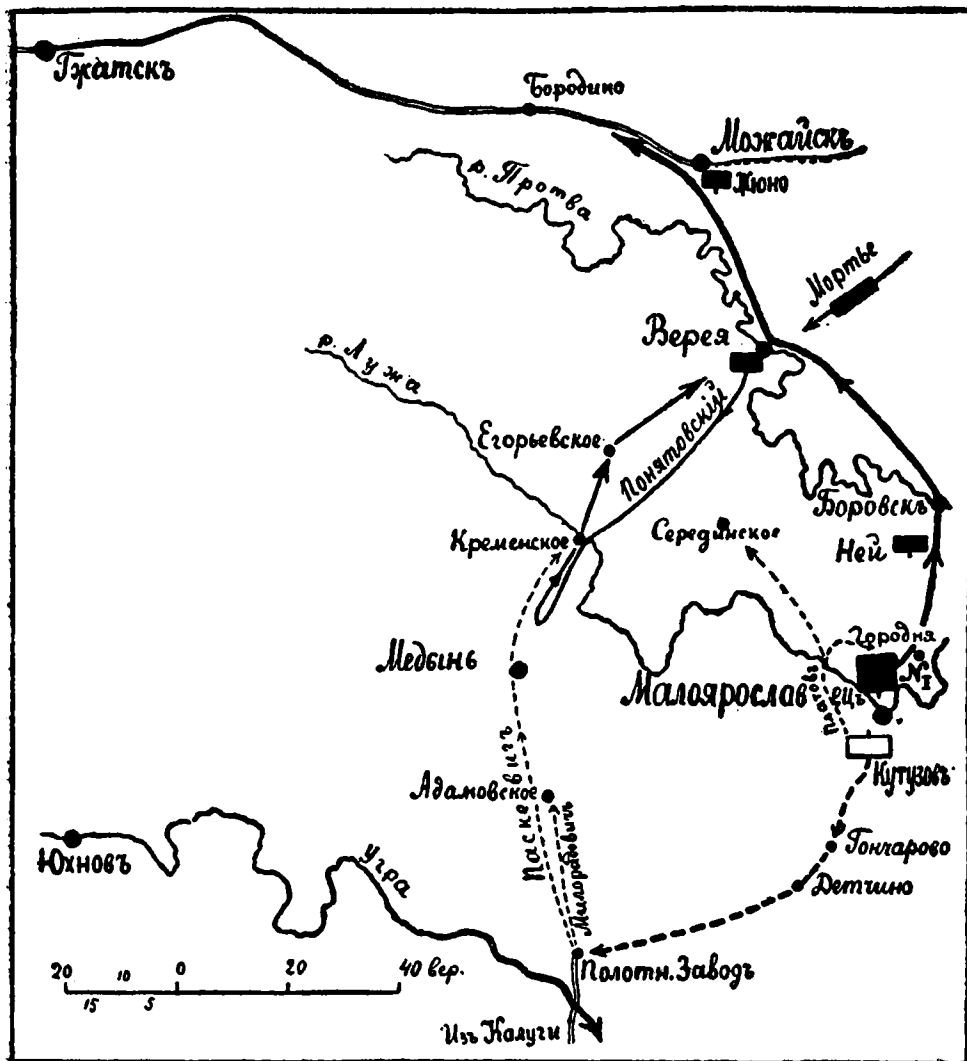
Полковнику Иловайскому, съ тремя казачьими полками, приказано было выдвинуться къ Медыни, для наблюденія за противникомъ, который этимъ путемъ (черезъ Медынь—Полотняный заводъ) могъ обойти Кутузова слѣва и направиться на Калугу, или же, черезъ Медынь—Юхновъ, двинуться на Смоленскую дорогу.

*) Этотъ XXVII бюллетень „великой арміи“, описывающій сраженіе при Малоярославцѣ, служитъ образчикомъ той официальной лжи, которая распространялась Наполеономъ, съ одной стороны, для укрѣпленія духа своихъ солдатъ, а съ другой для поддержанія своего престижа въ Европѣ.

Вотъ какъ, между прочимъ, заканчивается этотъ бюллетень:

„Въ Малоярославскомъ дѣлѣ отличилась итальянская гвардія; она овладѣла позиціею и удержалась на ней. Генераль Дельзонъ, отличный офицеръ, убитъ тремя пулями. Потеря наша состоитъ изъ 1.500 человекъ убитыми и ранеными; непріятель же лишился „6 или 7 тысячъ... На мѣстѣ сраженія найдено 1.700 русскихъ, между коими 1.100 рекрутъ въ сѣрыхъ мундирахъ, служившихъ едва ли два мѣсяца. Старая русская пѣхота истреблена. Русская армія имѣетъ нѣкоторое существованіе только по однимъ „сильнымъ подкрѣпленіямъ казаковъ, прибывшихъ къ ней съ Дона. Свѣдущіе люди утверждаютъ, что въ русской пѣхотѣ только первая шеренга состоитъ изъ солдатъ, а вторая „и третья изъ рекрутъ, вписанныхъ въ полки вопреки даннаго имъ обѣщанія“..

Схема положенія сторонъ 13—14 октября.

Занятіе Медыни коннымъ отрядомъ позволяло намъ заранѣе выяснитъ, въ какомъ направленіи двинутся французы, и своевременно предупредитъ нашего главнокомандующаго.

Другой конный отрядъ (всѣ остальные казачьи полки и 20-й егерскій полкъ), подъ начальствомъ самого атамана Платова, получилъ приказаніе произвести поискъ въ тылъ непріятелю, съ очевидною цѣлью вызвать тамъ переполохъ и тревогу и этимъ задержать дальнѣйшее наступленіе и вообще повліять невыгодно на рѣшимость противника.

Платовъ, въ ночь съ 12 на 13 октября, перешель рѣчку Лужу по плотинѣ у мельницы въ пяти верстахъ выше Малоярославца; оставивъ 20-й егерскій полкъ для прикрытія переправы, казаки, еще до разсвѣта, тремя большими партіями бросились въ направленіи на Боровскую дорогу, напали внезапно у Городни на паркъ гвардейской артиллеріи, откуда отбили и увезли одиннадцать орудій, а также одно знамя.

При этомъ нападеніи подвергся серьезной опасности самъ Наполеонъ, какъ разъ въ это время только что выѣхавшій изъ Городни со своимъ штабомъ на развѣдку, подъ прикрытіемъ трехъ эскадроновъ гвардейской конницы.

Онъ шагомъ подвигался по дорогѣ къ Малоярославцу и уже поднялся на высоту, командуемую селеніемъ Городня, какъ вдругъ слѣдовавшій въ головѣ взводъ конно-егерей замѣтилъ вправо отъ себя на равнинѣ множество всадниковъ, приближавшихся къ большой дорогѣ. Едва начинало разсвѣтать, а потому сразу трудно было распознать, что это за конница, такъ что конные егеря повернули назадъ, для предупрежденія Императора и его свиты объ опасности, когда казаки уже были близко. Наполеонъ, повернувъ назадъ лошадь, поскакалъ во весь опоръ навстрѣчу къ своему конвою, а свита, вмѣстѣ съ бывшими непосредственно при ней взводами, самоотверженно бросилась, подъ начальствомъ маршала Бессьера, навстрѣчу казакамъ. Началась свалка, во время которой на подмогу прилетѣли сперва эскадроны конвоя, а вслѣдъ за ними и вся гвардейская конница. Наполеонъ велѣлъ Бессьеру преслѣдовать казаковъ, но они быстро укрылись подъ прикрытіемъ своихъ егерей, засѣвшихъ въ кустахъ на берегу рѣки Лужи.

Тѣмъ временемъ другая казачья партія, подъ начальствомъ генераль-маіора Кутейникова, проникла въ тылъ французской арміи между Боровскомъ и Малоярославцемъ, взяла здѣсь нѣсколько плѣнныхъ и отбила цѣлый обозъ съ награбленною церковною утварью. Между прочимъ, въ числѣ захваченныхъ казаками бумагъ, была собственноручная записка начальника штаба „великой арміи“ маршала Бертье къ начальнику топографическаго депо, генералу Сансону, слѣдующаго содержанія:

„Постарайтесь собрать свѣдѣнія о старой дорогѣ изъ Москвы „черезъ Боровскъ, Малоярославецъ и Пески, изъ Песковъ въ „Медынь, изъ Медыни въ Вязьму, изъ Вязьмы и Калуги въ Ма- „сальскъ, изъ Масальска въ Ельню и Смоленскъ“.

Записка эта проливала намъ свѣтъ на намѣреніе Наполеона достигнуть Смоленска иными путями, избѣгая разоренной дороги черезъ Можайскъ.

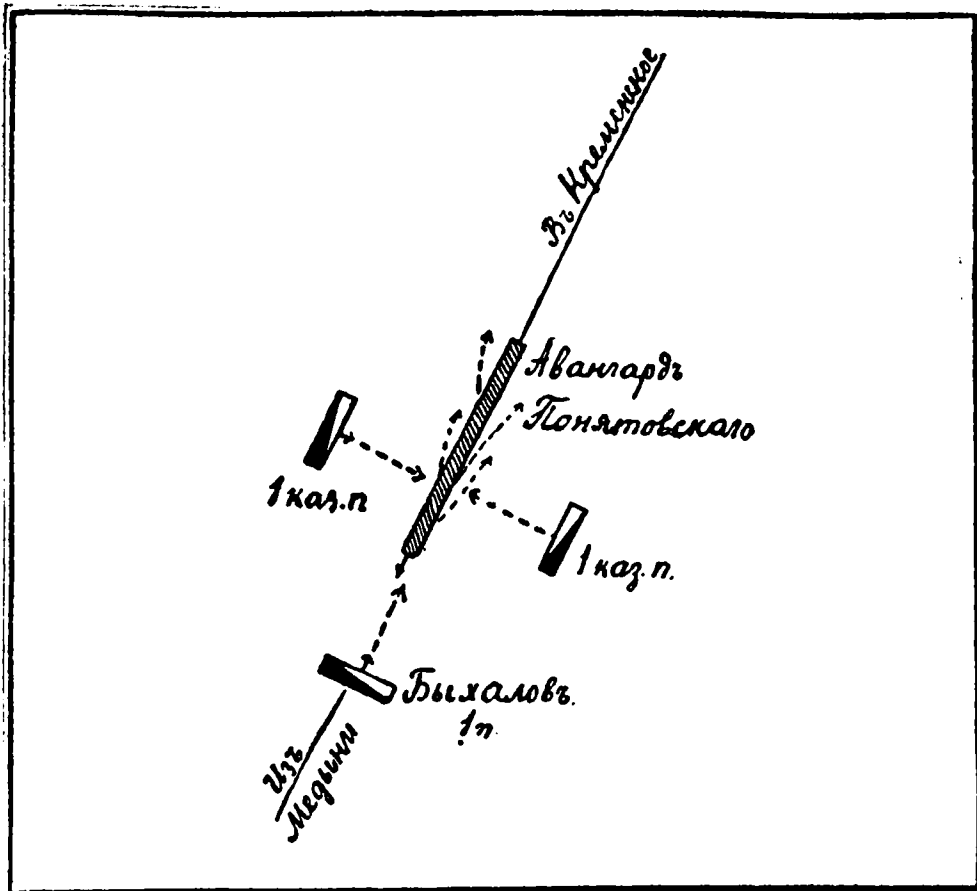
Что касается коннаго отряда Иловайскаго, то, достигнувъ Медыни, онъ выдвинулъ впередъ, въ направленіи села Кременскаго, т. е. по дорогѣ на Верею, авангардъ (полкъ) подъ командою полковника Бухалова. Этотъ авангардъ, утромъ 13-го числа, обнаруживъ движеніе къ Кременскому со стороны Вереи значительныхъ силъ французовъ, извѣстивъ объ этомъ генерала Иловайскаго, а самъ началъ постепенно отходить на своихъ. Иловайскій, въ свою очередь, получивъ донесеніе Бухалова, поспѣшилъ всѣми силами къ нему на поддержку,

Необходимо пояснить, что за войска непріятельскія двигались навстрѣчу Бухалову. Дѣло въ томъ, что Понятовскій, находившійся со своимъ корпусомъ въ Вереѣ, получилъ приказаніе изслѣдовать дорогу на Медынь—Калугу. Для этого онъ передвинулся со всѣмъ своимъ корпусомъ къ селу Кременскому (переправа черезъ рѣку Лужу), а авангардъ подъ начальствомъ генерала Лефевра-Денуэтта, силою въ 4 полка конницы и 1 полкъ пѣхоты съ артиллеріей, направилъ на Медынь.

Приблизясь къ Медыни и осмотрѣвшись, генераль Иловайскій рѣшилъ устроить засаду, чему благопріятствовали не только мѣстныя условія, но также и то, что противникъ очень небрежно охранялся на походѣ. Вправо и влѣво отъ пути слѣдованія непріятели Иловайскій укрылъ по полку казаковъ, совершенно незамѣченныхъ непріателемъ, который продолжалъ увлекаться преслѣдованіемъ отступавшаго передъ нимъ Бухалова. Наконецъ, когда авангардъ Лефевра прошелъ мимо засадъ, оба спрятанныхъ полка ринулись на него въ атаку съ обоихъ фланговъ, а Бухаловъ ударилъ съ фронта, въ голову колонны.

Растерявшіеся отъ неожиданности, поляки были совершенно разбиты и обращены въ бѣгство, потерявъ пять орудій и много плѣнныхъ, въ томъ числѣ генерала Тышкевича.

Схема дѣла у Медыни.

Медынское дѣло имѣло для насъ то весьма важное значеніе, что оно внушило французамъ мысль объ основательномъ занятіи нами этого пути, которымъ въ особенности, какъ видно, интересовался Наполеонъ, какъ для того, чтобы попытаться обойти Кутузова съ лѣваго фланга, такъ и съ цѣлью выигрыша въ свою пользу доступа къ Смоленску по еще не истощенной войною мѣстности.

Впослѣдствіи мы увидимъ, какое впечатлѣніе произвело это дѣло на Кутузова.

Благополучно ускользнувъ отъ нападенія Платовскихъ казаковъ, Наполеонъ возвратился въ Городню; но въ десять часовъ утра снова выѣхалъ отсюда по направленію къ Малоярославцу и

Генераль-маіоръ
Г. Д. Иловайскій 9-й.

возвратился въ свою главную квартиру только къ пяти часамъ вечера, посвятивъ весь этотъ промежутокъ времени осмотру мѣстности будущаго поля битвы.

Трудно было, какъ видно, великому полководцу примириться съ мыслью о необходимости, въ виду противника, не искать съ нимъ столкновенія, а наоборотъ, — уклоняться отъ такового...

Группировка силъ Наполеона, въ противоположность Кутузову, силы котораго были сосредоточены, въ этотъ день была такова.

Корпусъ *Даву* и два кавалерійскихъ корпуса были впереди Малоярославца. Самый городъ и долину рѣки Лужи занималъ корпусъ *вице-короля*. *Гвардія* съ двумя кавалерійскими корпусами находилась между Малоярославцемъ и Городней. *Ней* имѣлъ двѣ свои дивизіи между Городнею и Боровскомъ, а двѣ другія дивизіи его находились: одна въ самомъ Боровскѣ, а другая позади этого города. Корпусъ *Понятовскаго* снова отошелъ къ Вереѣ. Корпусъ *Мортве* направлялся также къ Вереѣ со стороны Москвы; корпусъ *Жюно* былъ по прежнему въ Можайскѣ.

Еще 12 октября, въ день сраженія при Малоярославцѣ, Наполеонъ писалъ маршалу Виктору, чтобы онъ направилъ одну изъ своихъ дивизій навстрѣчу арміи черезъ Ельню, такъ какъ послѣдняя пойдетъ на Смоленскъ черезъ Юхновъ и Ельню. Такимъ образомъ, вопросъ объ отходѣ на Смоленскъ, какъ о конечномъ неизбежномъ исходѣ предстоящихъ дѣйствій, уже былъ *предрѣшенъ* великимъ полководцемъ: дѣло было лишь въ томъ, какими путями этотъ отходъ совершится и будетъ ли сдѣлана предварительная попытка открыто помѣряться силами съ русскими.

Если числительность войскъ Наполеона въ ближайшихъ окрестностяхъ Малоярославца и была нѣсколько ниже, чѣмъ у Кутузова, — около 70 тысячъ человекъ, то притянувъ на слѣдующій день къ себѣ Мортве, Понятовскаго и дивизію Нея, оставленную за Боровскомъ, онъ могъ достигнуть, примѣрно, той же числительной силы.

Но духъ арміи уже былъ настолько пониженъ, что о рѣшительномъ боѣ врядъ ли возможно было бы серьезно помышлять, и вѣрнѣе предположить, что всѣ приготовления къ бою, которыя дѣлалъ Наполеонъ 14-го числа, имѣли характеръ демонстративный,

съ цѣлью ввести въ заблужденіе противника и лучше замаскировать свой предстоящій отходъ назадъ; кромѣ того, онъ надѣялся этими мѣрами отчасти провѣрить свои впечатлѣнія о настроеніи арміи и ея команднаго состава.

Настроенія эти были зловѣщаго свойства. Изъ попавшихъ въ наши руки частныхъ писемъ многихъ начальствующихъ лицъ французской арміи къ роднымъ и друзьямъ во Францію явствуетъ, что господствующимъ у всѣхъ стремленіемъ уже тогда было только одно: *нанъ можно скорѣе возвратиться во Францію*, что на совѣщаніи 13-го числа такъ откровенно и выразилъ простодушный Мутонъ. Такъ какъ всѣ письма, отсылаемая изъ арміи, по распоряженію Наполеона, прежде ихъ отправки, распечатывались и прочитывались на почтѣ, то содержаніе ихъ не могло не быть извѣстнымъ полководцу-императору...

Все это, вмѣстѣ взятое, въ связи съ донесеніемъ о дѣлѣ при Медыни, заставило въ концѣ концовъ Наполеона принять роковое рѣшеніе: отходить на Можайскъ, т. е. на старую, разоренную Смоленскую дорогу, отказавшись не только пробиться на Калугу, но даже выиграть болѣе выгодные пути для отхода на Смоленскъ.

Но какъ только приступлено было къ исполненію этого рѣшенія и отдѣльнымъ эшелонамъ арміи разосланы были соответствующія приказанія для передвиженія ихъ, вмѣсто южнаго, въ сѣверо-западномъ направленіи, Наполеону доставлено было странное извѣстіе объ отступленіи на югъ также и арміи Кутузова...

12 октября вечеромъ, послѣ Малоярославскаго боя, Кутузовъ доносилъ Императору Александру, между прочимъ, слѣдующее:

„Завтра, я полагаю, должно быть генеральному сраженію, „безъ коего ни подъ какимъ видомъ непріятеля въ Калугу не „пушу“...“

Но на слѣдующій день получено было донесеніе о дѣлѣ при Медыни. Кутузовъ вывелъ изъ этого дѣла заключеніе, что Наполеонъ пытался обойти его съ лѣваго фланга и потому, чтобы надежнѣе прикрыть Калугу, Кутузовъ рѣшилъ 14-го отойти черезъ Гончарово и Детчино къ Полотнянымъ заводамъ, т. е. къ пункту, гдѣ сходились дороги отъ Малоярославца и отъ Медыни...

Такимъ образомъ незначительное само по себѣ дѣло при Медыни имѣло весьма важное значеніе для обѣихъ сторонъ: на Кутузова оно произвело впечатлѣніе готовящагося обхода слѣва; на Наполеона, наоборотъ — справа.

По словамъ Г. А. Леера, „крайняя осторожность Кутузова, „его опасеніе за Калугу и рядъ передвиженій влѣво, для противодѣйствія ожидаемому обходу слѣва, объясняются еще и тѣмъ, „что Кутузовъ въ эту минуту еще не былъ вполне убѣжденъ, „что движеніе Наполеона на югъ есть *начало его отступательнаго движенія*. Вся операція Наполеона могла имѣть тоже характеръ только наступленія на югъ, съ цѣлью овладѣнія Калугою „и возвращенія опять въ Москву. Кутузовъ въ эту минуту еще „не зналъ, что Москва уже снова была въ нашихъ рукахъ. „11 октября вышелъ изъ нея Мортъе; 12 она уже занята была „казаками изъ отряда Винцингероде; Кутузовъ же узналъ объ этомъ „только въ Полотняныхъ заводахъ. Тогда ему окончательно выяснилось, что неприятель *отступаетъ*, но не выяснилось пока, „въ какомъ направленіи“.

Принятое Кутузовымъ рѣшеніе было для Наполеона весьма выгодно, ибо оно давало послѣднему возможность воспользоваться для отхода на Смоленскъ тою самою дорогою на Медынь—Юхновъ, которою онъ такъ интересовался.

Но Наполеонъ, не имѣя точныхъ свѣдѣній о дѣйствительности положенія дѣла, — что во многомъ зависѣло отъ слабости его конницы, — не воспользовался этимъ выгоднымъ для себя упущеніемъ Кутузова и началъ отступленіе на Можайскъ, т. е. на старую, уже разоренную Смоленскую дорогу.

Такимъ образомъ 14-го числа обѣ арміи одновременно разошлись въ разныя стороны.

Отходя на Гончарово—Детчино, Кутузовъ оставилъ у Малоярославца арьергардъ Милорадовича, въ составѣ II и IV пѣхотныхъ и II и IV кавалерійскихъ корпусовъ, а также казаковъ Платова.

На разсвѣтѣ 15-го числа Малоярославецъ былъ очищенъ французами и занятъ нашими войсками. Получивъ объ этомъ донесеніе, а также извѣстіе о движеніи противника „отъ Боровска „и Верей къ Медыни“ (что оказалось ложнымъ), фельдмаршалъ

передвинулъ на Медынскую дорогу, черезъ Полотняные заводы, къ Адамовскому, отрядъ генерала Паскевича, въ составѣ его 26-й пѣхотной дивизіи, Нѣжинскаго драгунскаго полка и 18 орудій. Платову съ казаками приказано было идти и преслѣдовать противника съ тыла, а Милорадовичъ былъ направленъ прямо на Медынь, но вмѣсто того, вслѣдствіе полученныхъ ложныхъ извѣстій, попалъ также къ Адамовскому.

На слѣдующій день 16 октября Кутузовъ съ арміей продолжалъ оставаться у Полотняныхъ заводовъ; авангардъ Милорадовича прибылъ въ Адамовское; Паскевичъ съ 26-й дивизіей миновалъ Медынь, двинувъ на Кременское свою конницу, гдѣ уже находились казаки Иловайскаго 9-го, которыми теперь начальствовалъ графъ Орловъ-Денисовъ. Платовъ, съ другимъ сильнымъ казачьимъ отрядомъ, занялъ село Серединское, въ промежуткѣ между дорогами Верея—Медынь и Верея—Боровскъ.

Во всеподданнѣйшемъ донесеніи своемъ отъ 16-го числа Кутузовъ такъ мотивируетъ свою остановку на Медынской дорогѣ:

„Сейчасъ полученными извѣстіями подтверждается, что „непріятель находится около Вереи и Боровска, что большыхъ и обозы свои отправляетъ назадъ по Смоленской „дорогѣ. Изъ сего хотя и заключить должно, что непріятель, не успѣвъ въ своемъ предпріятіи на Калугу, возьметъ направленіе черезъ Можайскъ на Смоленскъ, но, „не взирая на то, остаюсь я еще нѣкоторое время на „Медынской дорогѣ. А чтобы совершенно затруднить „отступный его маршъ, усилены партизаны, съ сей стороны дѣйствующіе, да сверхъ сихъ назначается летучій „корпусъ, состоящій изъ новоприбывшихъ Полтавскихъ „казаковъ, перемѣшанныхъ съ Донскими казаками, съ „двумя полками пѣхоты, подъ командою генераль-адъютанта Ожаровскаго, для дѣйствія прямо на Смоленскъ“.

Осторожный Кутузовъ, такимъ образомъ, выжидалъ, пока совершенно точно не выяснится для него направленіе отступления противника; выжиданіе это вполне согласовалось и съ тѣмъ планомъ преслѣдованія непріятеля, который уже былъ къ этому времени обдуманъ фельдмаршаломъ и о которомъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Въ тотъ же день Кутузовъ получилъ официальное донесеніе о занятіи Москвы войсками отряда Винцингероде. Немедленно донесъ объ этомъ фельдмаршалъ Государю и далъ предписаніе начальнику Владимірскаго ополченія, князю Голицыну, выступить со своими полками въ Москву и устроить тамъ управленіе, до прибытія подлежащихъ военныхъ и гражданскихъ властей.

* * *

Тѣмъ временемъ французская армія, въ тотъ же день 16 октября, вышла въ Можайскъ на прежній свой путь слѣдованія, на большую Смоленскую дорогу.

Наканунъ, 15-го числа, главная квартира Наполеона была перенесена въ Верею, гдѣ къ „великой арміи“ присоединились: корпусъ Понятовскаго, находившійся съ 11 октября въ окрестностяхъ этого города, и сводный корпусъ Мортъе, прибывшій изъ Москвы.

Здѣсь, между прочимъ, Наполеонъ приказалъ привести къ себѣ взятыхъ въ Москвѣ въ плѣнъ генераль-адъютанта Винцингероде и его адъютанта Нарышкина, при чемъ осыпалъ перваго оскорбительными выраженіями, приказавъ его разстрѣлять, если онъ окажется подданнымъ какого-либо изъ государствъ Рейнскаго союза. Но, такъ какъ Винцингероде былъ прусскимъ уроженцемъ, то эта угроза не была приведена въ исполненіе, и обоихъ военнопленныхъ приказано было отвезти въ крѣпость Мецъ.

Императоръ Александръ, по полученіи извѣстія о взятіи въ плѣнъ Винцингероде, особымъ рескриптомъ на имя Кутузова предписывалъ фельдмаршалу, если Винцингероде будетъ разстрѣлянъ, непременно подвергнуть той же участи французскаго генерала Феррейра и сообщить въ непріятельскій лагерь, что „впредь „пять французовъ будутъ отвѣчать за одного носящаго російскій „мундиръ и лишеннаго жизни, начиная всегда съ старшихъ чиновъ „изъ имѣющихся у насъ плѣнныхъ“.

16 октября — день рѣшительнаго перелома всей кампаніи 1812 года, роковой для французовъ. Съ выходомъ на старую, разоренную Смоленскую дорогу и принятіемъ рѣшенія отступить именно по ней, тогда какъ возмозженъ былъ выборъ болѣе сѣвернаго направленія (на Зубцовъ и Бѣлый), къ Западной Двинѣ, Наполеонъ обрекалъ свою армію на неисчислимыя бѣдствія.

Въ тотъ же день 16 октября адмиралъ Чичаговъ (какъ увидимъ ниже) выступилъ изъ Бреста на Пружаны — Минскъ къ рѣкѣ Березинѣ, оставивъ заслонъ Сакена противъ Ренье и Шварценберга. Такимъ образомъ грозная опасность назрѣвала уже и въ тылу французовъ.

Наконецъ, въ тотъ же день 16 октября, вооружились противъ нашествія непріятельскаго и самая силы природы. Задулъ рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ, и термометръ упалъ до 4 градусовъ ниже нуля. Плохо одѣтые и непривычные къ холоду французы уже начали, особенно по ночамъ, сильно страдать отъ стужи...

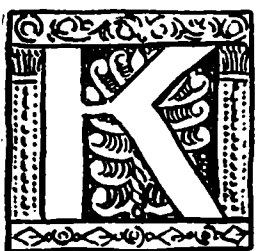
16 октября, по выраженію Г. А. Леера, — это „первый шагъ „въ могилу французской арміи“. Такъ какъ принятое въ этотъ день Наполеономъ роковое рѣшеніе является непосредственнымъ слѣдствіемъ боя подъ Малоярославцемъ, то отсюда ясно все огромное значеніе этого боя въ ходѣ всей кампаніи. Малоярославецъ — это рубежъ, съ котораго начинается полный *переворотъ* въ стратегическомъ положеніи обѣихъ сторонъ, и потому съ полнымъ основаніемъ этому бою присваивается значеніе *перелома* всей кампаніи.

Начало преслѣдованія французской арміи. Идея Кутузова о параллельномъ преслѣдованіи.

Порядокъ отступленія французовъ. Положеніе сторонъ 22 октября. Бой 22 октября у Вязьмы. Разстройство французской арміи.

кузовъ 16 октября окончательно убѣдился, что Наполеонъ *отступаетъ*; но еще не было ясно, каково именно *направленіе* этого отступленія.

Кутузовъ до послѣдней минуты не допускалъ мысли, что Наполеонъ можетъ пойти назадъ по той же разоренной и истощенной Смоленской дорогѣ, по которой онъ наступалъ къ Москвѣ. Фельдмаршалу казалось болѣе вѣроятнымъ, что, разъ какъ намѣреніе выиграть болѣе южный путь черезъ Юхновъ постигла неудача, то Наполеонъ изберетъ болѣе сѣверный путь, который выведетъ его къ линіи Западной Двины.

Такое направленіе отступленія давало бы французамъ крупныя преимущества.

Оно позволяло, во-первыхъ, присоединить къ себѣ по пути сравнительно болѣе свѣжія силы войскъ С. Сира и Удино, давало нѣкоторые шансы на возможность нанесенія частнаго пораженія Витгенштейну и избавляло отъ столкновенія съ болѣе сильною чѣмъ онъ, арміей Чичагова, которая должна была преградить французамъ путь на Березинскихъ переправахъ...

Выжиданіемъ выясненія обстановки въ указанномъ смыслѣ, т. е. — по какому именно пути поведетъ отступленіе Наполеонъ, объясняется прежде всего какъ дневка Кутузова 16-го въ Полотняныхъ заводахъ, такъ и послѣдующее его движеніе прямо на сѣверъ, на Адамовское и Кременское, для сближенія съ сѣвернымъ направленіемъ на случай, если бы оно оказалось Наполеономъ избрано...

Что же касается *основной идеи* преслѣдованія, то она уже свѣтлѣйшимъ была намѣчена заранѣе, что и явствуетъ изъ его письма графу Витгенштейну, писаннаго 16-го числа. Извѣщая графа о сраженіи при Малоярославцѣ, фельдмаршалъ прибавлялъ:

„Таковыя обстоятельства принудили его (противника) отступить вчерашняго числа передъ разсвѣтомъ. „Кавалерія наша, подъ командою генерала Милорадовича, его сильно преслѣдуетъ. Онъ повидимому, беретъ „направленіе обратно къ Боровску, пробираясь фланговымъ маршемъ къ Гжатску. *Полагаю ему нанести „величайшій вредъ параллельнымъ движеніемъ и, наконецъ, „дѣйствовать на его операціонномъ пути“...*

Что же такое это *параллельное преслѣдованіе*, которое, со времени его примѣненія Кутузовымъ въ 1812 году, сдѣлалось достояніемъ военной науки и вошло въ учебники тактики?

Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать врага сзади и гнать его передъ собою, преслѣдующій настигаетъ врага только сравнительно слабыми силами, а главную массу свою ведетъ по пути *параллельному* его пути отступленія.

При такихъ условіяхъ движеніе преслѣдующаго не зависитъ отъ остановокъ преслѣдуемаго; наоборотъ, каждая такая остановка, вызываемая необходимостью передохнуть, грозитъ преслѣдуемому *обходомъ*, если преслѣдующій будетъ только *продолжать*

свое движеніе. Короче говоря, параллельное преслѣдованіе грозитъ отступающему *обходомъ въ каждой точнѣ его пути* и, вынуждая его отходить безостановочно, не даетъ ему, такъ сказать, ни отдыха, ни срока, а это неминуемо должно привести войска преслѣдуемаго къ быстрому разстройству.

Если же принять во вниманіе, что Наполеонъ избралъ себѣ путемъ отступленія разоренную Смоленскую дорогу, а Кутузовъ, двигаясь южнѣе его, все время неотступно прикрывалъ южныя, нетронутыя войною, области государства, получая оттуда въ изобиліи самъ все необходимое, то станетъ яснымъ, что идея параллельнаго преслѣдованія въ данномъ случаѣ была лишь дальнѣйшимъ развитіемъ основного плана Кутузова, плана „постепеннаго истребленія“ непріятеля.

Этимъ способомъ достигалась та же цѣль, какъ и путемъ фланговаго передвиженія на Калужскую дорогу, какъ и при помощи выдерживанія французовъ въ развалинахъ Москвы, съ широкимъ развитіемъ работы партизановъ и народныхъ дружинъ въ цѣляхъ *лишенія врага жизненныхъ средствъ*.

Такимъ образомъ основная мысль Кутузова оставалась все та же, но, съ переходомъ Наполеона отъ *стоянки* въ Москвѣ къ *движенію*, она приобрѣла лишь новую, отвѣчающую новой обстановкѣ, форму.

* * *

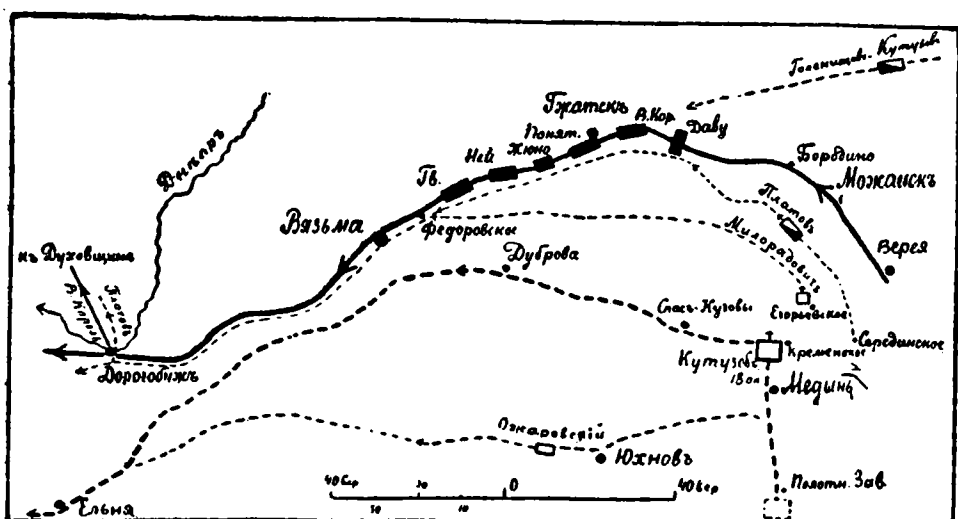
Выйдя на большую Смоленскую дорогу, французская армія продолжала отступательный маршъ въ одной колоннѣ, разбитой, для удобства расквартированія подъ крышей и сбора продовольствія, на отдѣльные эшелоны, шедшіе въ полу-переходѣ одинъ отъ другого.

Впереди слѣдовала гвардія, при которой, обыкновенно, находился и самъ императоръ; далѣе корпуса Нея, Жюно, Понятовскаго и вице-короля; въ арьергардѣ же шель корпусъ Даву.

На разсвѣтъ 17-го числа Наполеонъ съ гвардіей и частью резервной кавалеріи преслѣдовалъ черезъ Бородинское поле. Прошло уже пятьдесятъ два дня со времени побоища, но зрѣлище ужаса смерти потрясало по прежнему душу. На каждомъ шагу попадались трупы; всюду разбросаны были обломки оружія, разбитыхъ

повозокъ, осколковъ снарядовъ. Дома опустѣлыхъ окрестныхъ деревень переполнены были также трупами позабытыхъ и умершихъ здѣсь отъ голода и истощенія тяжело раненыхъ... Попадались на глаза потрясающія картины. Очевидецъ рассказываетъ, что видѣлъ трупъ знакомаго ему капитана, до кости обглодавшего свою собственную руку и застывшего такъ, съ зубами, впившимися въ мясо...

Схема отступленія къ Вязьмѣ.

Нечего и говорить, что зрѣлище этихъ ужасовъ и нечеловѣческихъ страданій отнюдь не способствовало укрѣпленію духа и безъ того уже разложившейся арміи Наполеона. Наоборотъ, животный инстинктъ самосохраненія, этотъ естественный врагъ нравственной силы всякаго войска, и безъ того уже начавшій громко заявлять о себѣ, заговорилъ въ каждомъ еще сильнѣе...

Проходя мимо Колоцкого монастыря, гдѣ со времени Бородинскаго боя, устроенъ былъ обширный госпиталь, Наполеонъ приказалъ всѣ имѣвшіяся въ войскахъ повозки и даже собственные его экипажи отдать подъ раненыхъ, которыхъ оставалось въ монастырѣ до пятисотъ человекъ. Но обозные рядовые, дорожа награбленною добычей, по большей части сбрасывали раненыхъ съ повозокъ и оставляли ихъ гибнуть отъ голода и стужи, въ жестокихъ страданіяхъ.

Къ вечеру 17-го числа Наполеонъ съ гвардіей и резервной конницей прибылъ въ Гжатскъ, а 19-го въ Вязьму, гдѣ сдѣлалъ 20 октября дневку. Въ этотъ день остальные корпуса „великой арміи“ занимали слѣдующее положеніе: Мортъе и Жюно—остановившись не доходя Вязьмы; Ней—въ Величевѣ, между Вязьмою и Гжатскомъ; вице-король и Понятовскій близъ Гжатска, арьергардъ Даву—у Гриднева. Послѣдній, по приказанію Наполеона, сжигалъ по уходѣ всѣ попадавшіяся на пути деревни и строенія, дабы затруднить ночлеги непріятелю.

Температура со дня на день постепенно понижалась, но сильныхъ морозовъ еще не было; ниже пяти градусовъ мороза по ночамъ термометръ не падалъ. Уныніе и упадокъ духа во французскихъ войскахъ постепенно все болѣе и болѣе увеличивались; росло все быстрѣе и быстрѣе число больныхъ и просто людей, утратившихъ совершенно духовныя и физическія силы. Такіе люди попросту бросали оружіе, оставляли ряды свои и бродили въ сторонѣ отъ дороги, стараясь хоть гдѣ нибудь отыскать пропитаніе... Число такихъ безоружныхъ постепенно увеличивалось въ ужасающе-быстрой прогрессіи...

* * *

Въ тотъ день, когда Наполеонъ со своею арміей началъ у Можайска вытягиваться на большую Смоленскую дорогу, наши войска, какъ уже сказано, сгруппированы были такъ: Кутузовъ съ главными силами оставался у Полотняныхъ заводовъ; авангардъ Милорадовича—у Адамовскаго; Паскевичъ—за Медыню; графъ Орловъ-Денисовъ—у Кременскаго (на рѣчкѣ Лужѣ); Платовъ—у Серединскаго; въ то же время партизанскіе отряды по различнымъ направленіямъ устремились за непріателемъ, стараясь обложить его со всѣхъ сторонъ, подобно рою оводовъ. Въ данную минуту главнѣйшіе изъ нихъ находились: отряды Кайсарова и князя Кудашева—близъ Боровска; полковникъ Ефремовъ между Можайскомъ и Москвою; Сеславинъ и Фигнеръ у—села Купрова, между Медынской и Смоленскою дорогами; наконецъ, Денисъ Давыдовъ—между Гжатскомъ и Вязьмою.

Полагая, какъ выяснено выше, что Наполеонъ не изберетъ путемъ отступленія Смоленскую дорогу, а пойдетъ сѣвернѣе ея, направляясь къ линіи Западной Двины, Кутузовъ 17-го двинулся

*

на сѣверъ и 18-го занялъ Кременское, имѣя авангардъ Милорадовича (два пѣхотныхъ и два кавалерійскихъ корпуса) въ этотъ день у Егорьевскаго; здѣсь Милорадовичъ присоединилъ къ себѣ Паскевича и казаковъ Карпова, которые все время неотступно шли по пятамъ за арьергардомъ Даву. Отрядъ Ожаровскаго (о которомъ упоминалъ Кутузовъ въ вышеприведенномъ всеподданнѣйшемъ донесеніи) былъ еще прежде двинуть черезъ Юхновъ и Ельню прямо къ Смоленску,

19-го числа Милорадовичъ двинулся отъ Егорьевскаго на Гжатскъ, имѣя впереди себя казаковъ Орлова-Денисова; Платовъ же, пройдя правѣе его на Смоленскую дорогу, на разсвѣтъ того же дня нагналъ хвостъ французовъ, по пути на Гжатскъ, напалъ на нихъ, отбилъ 25 орудій, истребилъ цѣлыхъ два батальона и захватилъ два знамени.

Ермоловъ, находившійся въ авангардѣ Милорадовича, свидѣтельствуешь, что „множество плѣнныхъ доставалось ежедневно“ и что „всякаго рода недостатки обнаруживали худое состояніе послѣшно отступающей французской арміи“. Платовъ, продолжая преслѣдовать противника до Гжатска, вошелъ въ соприкосновеніе съ Милорадовичемъ.

Ермоловъ еще изъ Егорьевскаго писалъ Кутузову, что „армія „можетъ сократить путь и прямо идти на городъ Вязьму, будучи „совершенно закрытою авангардомъ“.

Предложеніе это совершенно согласовалось съ идеей параллельнаго преслѣдованія, усвоенной Кутузовымъ. Поэтому фельдмаршалъ въ Кременскомъ отдалъ слѣдующія распоряженія:

1) Арміи идти прямо на Вязьму, въ западномъ направленіи: черезъ Спасъ-Кузовы — Орлово — Силенки — Дуброву и Быково.

2) Платову (впослѣдствіи усиленному дивизіей Паскевича) преслѣдовать французовъ съ тыла.

3) Авангарду Милорадовича (превратившемуся теперь въ боковой авангардъ) взять направленіе на Гжатскъ — Царево-Займище, по дорогѣ, промежуточной между путемъ слѣдованія главныхъ силъ Кутузова и Смоленскою дорогой, а именно на села. Никольское — Воронцово — Спасское — Федоровское.

На етапѣ. Дурныя вѣсти изъ Франціи.

Съ картины В. В. Верещагина.

4) Отряду Ожаровскаго продолжать идти черезъ Юхновъ — Ёльню прямо на Смоленскъ, при чемъ онъ долженъ былъ по пути истреблять непріятельскіе магазины и отряды.

5) Партизанамъ указаны такіе районы дѣйствія, чтобы они продолжали окружать непріятеля кольцомъ.

6) Бывшій отрядъ Винцингероде (уже вышедшій изъ Москвы), ввѣренный теперь генераль-адъютанту П. В. Кутузову, былъ направлень сѣвернѣе пути слѣдованія арміи Наполеона, имѣя то же назначеніе, что и отрядъ Ожаровскаго...

Такимъ образомъ, общее направленіе, данное нашимъ силамъ 18-го октября, вполне уже осуществляло идею параллельнаго преслѣдованія.

* * *

Наполеонъ, какъ уже сказано, прибылъ въ Вязьму 19 октября и остался здѣсь еще и на слѣдующій день; эшелоны же его арміи продолжали отступление.

Въ Вязьмѣ императоръ французовъ получилъ рядъ весьма для него непріятныхъ извѣстій. Отъ С. Сира пришло донесеніе объ очищеніи имъ Полоцка (о чемъ узнаемъ подробно впоследствии); отъ Виктора — о движеніи его къ линіи Западной Двины на помощь С. Сиру; отъ герцога Бассано (Марэ) изъ Вильны — объ успѣхахъ, одержанныхъ Чичаговымъ надъ Шварценбергомъ.

Отъ опытнаго взора Наполеона не могло укрыться грозное значеніе этихъ вѣстей: роковыя клещи у него въ тылу начинали постепенно зажиматься.

Поэтому, медлить съ отступленіемъ было нельзя, тѣмъ болѣе, что направленіе, взятое Кутузовымъ, о чемъ вскорѣ тоже доставлены были Наполеону свѣдѣнія, грозило отрѣзать отъ Смоленска его самого.

Наполеонъ рассчитывалъ, что съ поддержкою Виктора С. Сиръ задержитъ Витгенштейна, а съ прибытіемъ „великой арміи“ къ Смоленску положеніе на сѣверномъ фронтѣ можетъ быть и вовсе исправлено; что же касается Чичагова, то Наполеонъ думалъ, что Шварценбергъ все-таки сумѣетъ отвлечь его на себя и задержать въ лѣсистыхъ пространствахъ Литвы. Во всякомъ случаѣ, необходимо было какъ можно ускорить отступательное движеніе

арміи, цѣною крайняго напряженія, тѣмъ болѣе, что въ Смоленскѣ можно было рассчитывать хоть нѣсколько оправиться, подкрѣпиться, отдохнуть и пополнить продовольствіе.

Напомнимъ, что Наполеонъ особенно заботился о томъ, чтобы Смоленскъ былъ превращенъ въ обильно снабженный базистый пунктъ. Изъ Вязьмы онъ далъ предписаніе Смоленскому губернатору, генералу Шарпантье, доставить къ 22 октября (3 ноября н. ст.) въ Дорогобужъ точныя свѣдѣнія о продовольственныхъ и боевыхъ запасахъ, вообще о средствахъ всякаго рода, находящихся въ Смоленскѣ. Въ то же время приказано было извѣстить комендантовъ Могилевскаго и Витебскаго о заготовленіи для арміи возможно большаго количества хлѣба и другихъ припасовъ. Къ этимъ распоряженіямъ добавлялось, что „движеніе „арміи добровольное, что это есть только маневръ для приближенія на 400 верстъ къ арміямъ, дѣйствующимъ на флангахъ и „что съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили окрестности Москвы, намъ „попадаются только одни казаки“.

Маршалу Виктору вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалось, что армія направляется по тому самому пути, о которомъ онъ былъ извѣщенъ ранѣе, при чемъ цѣлью ея марша является сближеніе съ войсками, дѣйствующими на флангахъ, *на время зимовки*; по прибытіи въ пространство между Днѣпромъ и Западною Двиною, главныя силы должны будутъ войти въ связь съ корпусами, находящимися подъ его начальствомъ.

Такимъ образомъ, притягивая къ себѣ Виктора, Наполеонъ рассчитывалъ усилить себя свѣжими войсками, численность которыхъ въ то время была еще довольно значительна, и, быть можетъ, дѣйствительно получить возможность удержаться до весны въ предѣлахъ Россіи.

Тѣмъ временемъ эшелоны французской арміи, кромѣ уже достигшихъ Вязьмы, продолжали отступать безостановочно; арьергардъ Даву, пройдя 20 октября черезъ Гжатскъ, продолжалъ отходить далѣе, спѣша миновать тѣснину у Царева-Займища. Въ свою очередь начальникъ нашего авангарда, генералъ Милорадовичъ рѣшилъ, что съ однѣми своими силами перехватить ему путь отступленія большей части арміи Наполеона будетъ рискованно;

поэтому направился на Царево-Займище, рассчитывая атаковать здѣсь во флангъ, совмѣстно съ Платовымъ, только непріятельскій арьергардъ.

Дѣйствительно, то разстройство, въ которое съ необычайною быстротою приходила французская армія, еще не было намъ въ полной мѣрѣ извѣстно; мы не знали о толпахъ ежедневно бросающихъ ряды людей, и потому Милорадовичъ считалъ численность французскихъ корпусовъ гораздо большею, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ *). А самъ онъ, вмѣстѣ съ Платовымъ и Паскевичемъ, располагалъ не болѣе, какъ 25 тысячами человекъ.

Намѣреваясь какъ можно болѣе скрытно подойти къ Цареву-Займищу, дабы атаковать непріятеля неожиданно, Милорадовичъ на послѣднемъ ночлегѣ, въ ночь на 21 октября приказалъ въ передовыхъ частяхъ даже не разводить огней. Но начальникъ головной 4-й дивизіи, принцъ Евгений Виртембергскій, по свойственной ему смѣлости, выдвинулся почти вплотную къ большой дорогѣ, по которой въ это время съ полною безопасностью и безъ всякой охраны слѣдовали колонны непріятеля.

Произошло случайное столкновеніе; завязалась перестрѣлка. Принцъ Евгений развернулъ свою дивизію; къ ней справа пристроилась 26-я дивизія Паскевича; но дальнѣйшія дѣйствія были прекращены съ наступленіемъ темноты.

Это случайное столкновеніе, произошедшее вслѣдствіе пылкости принца Евгенія, имѣло для насъ неблагопріятное послѣдствіе, такъ какъ встревоженные неожиданнымъ появленіемъ нашихъ передовыхъ частей французы, вмѣсто того, чтобы стать на ночлегъ, продолжали непрерывно двигаться всю ночь.

Если бы Милорадовичъ, какъ онъ и располагалъ это сдѣлать, атаковалъ французовъ 21-го на разсвѣтѣ у Царева-Займища, то онъ захватилъ бы ихъ по сю сторону плотины, и легко предвидѣть, какія трудности претерпѣлъ бы непріятель, вынужденный отходить черезъ неѣ подъ натискомъ врага, да еще, можетъ быть, въ сумерки. А теперь французы совершенно безнаказанно миновали эту плотину,

*) Корпуса Даву, Нея, Жюно, Понятовскаго и вице-короля, насчитывавшіе при выступленіи изъ Москвы въ общей сложности до 70 тыс., теперь имѣли въ своихъ рядахъ всего около 57.500 человекъ.

такъ что къ вечеру арьергардъ Даву ночевалъ уже впереди села Федоровскаго; въ шести верстахъ за этимъ селомъ остановились корпуса вице-короля и Понятовскаго, а въ самой Вязьмѣ—Ней, которому приказано было удерживать этотъ городъ и, пропустивъ мимо себя остальные войска, остаться въ арьергардѣ.

Такимъ образомъ Наполеонъ возлагалъ тяжелую арьергардную службу поочередно на тѣ изъ своихъ корпусовъ, которые сохраняли наиболѣе порядка и въ искусство и твердость воли начальниковъ которыхъ онъ наиболѣе вѣрилъ.

Въ тотъ же день Кутузовъ съ главными силами достигъ села Дубровы, отстоящаго отъ Вязьмы въ двадцати семи верстахъ, прикрываясь выдвинутымъ впередъ авангардомъ Раевского. Высланный отъ арміи летучій отрядъ графа Орлова-Денисова произвелъ набѣгъ въ направленіи на Вязьму, при чемъ захватилъ орудіе, канцелярскую повозку самого Наполеона и болѣе сотни плѣнныхъ.

Платовъ съ Паскевичемъ остановились на ночлегъ по большой Смоленской дорогѣ, между Царево-Займищемъ и Федоровскимъ; Милорадовичъ заночевалъ у села Спасскаго, верстахъ въ 10 отъ Вязьмы.

Ермоловъ, находившійся при отрядѣ Платова, написалъ Кутузову записку, прося убѣдительно придти съ арміей къ Вязьмѣ 22 октября. Настоянія эти объясняютъ тѣмъ, что обстановка давала намъ полную возможность, обрушившись съ трехъ сторонъ *всѣми силами* въ направленіи на Вязьму, нанести рѣшительное пораженіе хвостовымъ корпусамъ французовъ.

Но Кутузовъ, какъ извѣстно, все время держался другого взгляда; его основная мысль была: *избѣгать рѣшительнаго боя и предоставить времени разрушеніе французской арміи*. Онъ потому и избралъ систему параллельнаго преслѣдованія, чтобы, преграждая своею арміею всякій доступъ французамъ на югъ, и въ то же время неотступно угрожая отрѣзать имъ путь отступленія, заставлялъ ихъ истощаться въ *непрерывномъ бѣгствѣ*. А бѣгство это само по себѣ истребляло непріятельскую армію быстрѣе и вѣрнѣе всякихъ сраженій, съ тою несомнѣнною для насъ выгодною, что мы *сохраняли свои силы*.

Сподвижники Кутузова совершенно не понимали этих его мыслей и стремились все время къ обратному, т. е. *задержать* движеніе Наполеона и затѣмъ захватить его по пути. Каждый изъ нихъ, видя близкую возможность хотя бы частнаго успѣха, въ своемъ патріотическомъ рвеніи и въ жаждѣ отличій, стремился воспользоваться каждымъ подходящимъ случаемъ, чтобы ввязаться въ бой...

Въ настоящемъ случаѣ оба начальника, отряды которыхъ оказались къ противнику ближайшими, условились совмѣстно атаковать 22 октября утромъ у Федоровскаго арьергардъ Даву. Они не знали при этомъ, что между нимъ и Вязьмой, а также въ самой Вязьмѣ, находятся еще три непріятельскихъ корпуса и, такимъ образомъ, противникъ можетъ въ скорости сосредоточить силы превосходныя.

Въ виду того, что Милорадовичу отъ Спасскаго нужно было пройти до Федоровскаго больше, чѣмъ Платову, то условлено было, что первый выступить раньше (въ 4 часа утра); Платовъ же двинулъ впередъ только казаковъ съ посаженными на коней 300 егерями, а самъ тронулся съ бивака только въ 7 часовъ утра, рассчитывая подоспѣть одновременно съ Милорадовичемъ.

Послѣдній подвелъ свой авангардъ къ большой дорогѣ въ трехъ колоннахъ: правой, состоявшей изъ II и IV кавалерійскихъ корпусовъ и 17-й пѣхотной дивизіи Олсуфьева, онъ начальствовалъ самъ; средней командовалъ принцъ Евгений Виртембергскій (его дивизія и егерская бригада 11-й дивизіи); наконецъ, въ лѣвой колоннѣ шелъ IV пѣхотный корпусъ графа Остермана-Толстого.

Около 8 часовъ утра, конница правой колонны, пройдя деревню Максимову, начала разворачиваться на высотахъ между Федоровскимъ и Мясоѣдовымъ; пѣхота подтягивалась сзади. Въ это время корпуса вице-короля и Понятовскаго уже прошли Мясоѣдово и приближались къ Вязьмѣ, а Даву, преслѣдуемый съ тыла казаками Платова, подходилъ къ Федоровскому.

Какъ только наша конница правой колонны развернулась, Милорадовичъ пустилъ её въ атаку. Ахтырскіе гусары, не смотря на крайне-неудобную для дѣйствій конницы, изрытую и поросшую кустами, мѣстность, разсѣяли и частью поплѣнили одну изъ непріятельскихъ бригадъ. Харьковскіе драгуны перешли по

ту сторону большой дороги и обрушились на части противника, уклонившіяся туда. Поставленные Милорадовичем на высотах конная батарея наносила своимъ огнемъ сильный уронъ густымъ колоннамъ французовъ; но, руководимыя мастеромъ своего дѣла Даву, послѣднія быстро оправились и сами перешли въ наступленіе, очищая себѣ путь къ Вязьмѣ. Харьковскій драгунскій полкъ оказался даже, на нѣкоторое время отрѣзанъ отъ прочей нашей конницы, но на полномъ карьерѣ онъ обскакалъ колонны противника и присоединился къ своимъ, почти не потерпѣвъ урона.

Тѣмъ не менѣе положеніе Даву было очень трудное. Подходила наша пѣхота, сперва 17-я дивизія, а затѣмъ и средняя колонна принца Виртембергскаго, который, около десяти часовъ утра обошелъ правый флангъ Даву и, ставъ поперекъ дороги, отрѣзалъ ему связь съ остальными войсками и путь отступленія. Надо прибавить, что всю дорогу по направленію къ Вязьмѣ запруживали толпы повозокъ и безоружныхъ, что, конечно, задержало отходъ Даву и дало возможность принцу Евгенію *успѣть* перегородить ему дорогу.

Въ то же время Ермоловъ, бывшій при войскахъ Платова, усилилъ казаковъ драгунами князя Вадбольскаго и открылъ съ высоты канонаду; Курляндскій драгунскій полкъ атаковалъ весьма успѣшно непріятельскую пѣхоту, высланную Даву для прикрытія съ тыла, но былъ отброшенъ картечнымъ огнемъ французской артиллеріи. Но полки 26-й дивизіи спѣшили драгунамъ на помощь бѣгомъ...

Такимъ образомъ корпусу Даву грозила опасность быть захваченнымъ между двухъ огней. Но вице-король Евгений, какъ только замѣтилъ движеніе нашей конницы на перерѣзъ пути отступленія Даву, тотчасъ же остановилъ свои походныя колонны, повернулъ ихъ кругомъ и началъ развертывать въ боевой порядокъ близъ деревни Мясоѣдовой. Вскорѣ къ итальянской пѣхотѣ стали примыкать возвращенные съ пути на Вязьму польскіе полки корпуса Понятовскаго и остатки резервной кавалеріи.

Такъ какъ развертываніе этихъ войскъ могло грозить флангу и даже тылу наступающихъ на Даву колоннъ Милорадовича, то послѣдній поспѣшилъ пріостановить наступленіе своихъ войскъ, и они ограничились обстрѣливаніемъ Даву продольно съ фланга, въ то время, какъ Платовъ и Паскевичъ тѣснили ихъ съ фронта.

Сраженіе при Вязьмѣ, 22-го октября.

Съ картины П. Гессъ.

Будь у Милорадовича нѣсколько болѣе силъ, то онъ успѣлъ бы, по условіямъ времени, разгромить Даву совмѣстно съ Платовымъ, сдерживая вице-короля и Понятовскаго частью силъ. Но мы располагали въ общей сложности не болѣе, какъ 25 тысячами человѣкъ, тогда какъ у противника (не считая корпуса Нея)—уже было болѣе 30 тысячъ...

Собранные подъ Вязьмою корпуса французовъ, по всегдашней ошибкѣ Наполеона, не были подчинены одной общей власти кого либо изъ маршаловъ. Вице-король, Понятовскій и Даву, съѣхавшись вмѣстѣ и посовѣщавшись между собою, рѣшили, разѣ какъ путь на Вязьму для всѣхъ былъ открытъ, продолжать отступленіе какъ можно скорѣе.

Тѣмъ временемъ егеря 4-й дивизіи, сойдя съ большой дороги, разсыпались по кустамъ вдоль Нея, а остальные полки дивизіи, съ артиллеріей, заняли позицію на высотахъ, откуда открытъ былъ по дорогѣ огонь. Чтобы обезпечить себѣ возможность пройти на Вязьму, французы попытались перейти въ контръ-атаку, но она была молодецки отражена Тобольскимъ полкомъ, въ то время какъ прочіе полки съ фланга обстрѣливали густыя колонны Даву, шедшія по дорогѣ. Затѣмъ Милорадовичъ, видя, что противникъ продолжаетъ отступленіе, атаковалъ его самъ съ фланга всѣми силами, при чемъ 17-я дивизія вошла въ связь съ 26-ю, продолжавшею тѣснить непріятеля съ тыла, а казаки Платова обскакали лѣвый флангъ французовъ.

Корпусъ Даву, совершенно разстроенный и потерявшій болѣе половины людей, побросавшихъ оружіе и покинувшихъ ряды вслѣдствіе упадка духа, поспѣшно отошелъ къ Вязьмѣ, тѣснимый нашими войсками; но здѣсь у самаго города, приготовился къ отпору корпусъ вице-короля, подкрѣпленный одной дивизіей Нея.

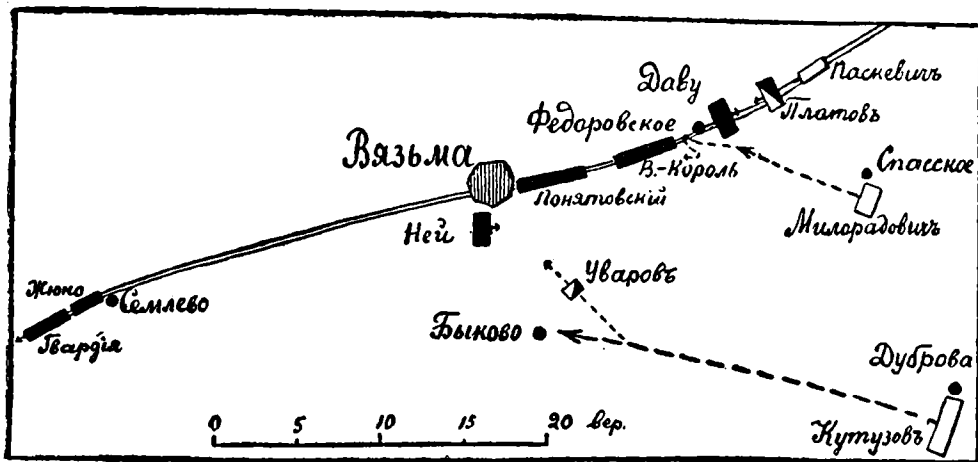
Обозы и отсталые, загромождавшіе путь на Вязьму, уклонились вправо и, обойдя лѣвый флангъ войскъ, занявшихъ для обороны окраину города, достигли Вязьмы долиною рѣки Черногрязья. Тѣмъ же путемъ направились, нестройными толпами, и войска корпуса Даву, которыя, при этомъ движеніи, наслѣдкомъ жестоко потерпѣли отъ продольнаго огня нашихъ батарей и отъ повторныхъ атакъ нашей конницы, во время которыхъ особенно отличился Каргопольскій драгунскій полкъ, опрокинувшій сильную непріятельскую колонну.

Къ часу пополудни французы заняли слѣдующее расположе-
ніе: корпусъ вице- короля — по обѣ стороны большой дороги, лѣ-
вымъ флангомъ къ хутору Рибоьера; корпусъ Даву правѣе, подъ
острымъ угломъ къ большой дорогѣ и до края города.

Эту позицію Милорадовичъ атаковалъ всѣми силами своего
авангарда и отряда Платова въ совокупности, чему предшествова-
ла канонада болѣе восьмидесяти орудій.

Противникъ ограничился здѣсь весьма незначительнымъ со-
противленіемъ, послѣ котораго снялся съ позиціи и отошелъ къ
самому городу Вязьмѣ.

Схема боя у Вязьмы.

Тѣмъ временемъ главныя наши силы дошли до деревни Бы-
кова и находились, такимъ образомъ, всего въ 10 верстахъ отъ
поля сраженія. Но Кутузовъ пріостановилъ здѣсь дальнѣйшее
движеніе и ограничился высылкою на поддержку авангарду кон-
ницы (двухъ кирасирскихъ дивизій Уварова).

Уваровъ появился какъ разъ въ то время, когда французы
стали отходить къ самой Вязьмѣ, на лѣвомъ берегу болотистой
рѣчки Улицы, съ южной стороны города, противъ войскъ корпуса
Нея, занявшихъ её, и ограничился пока обстрѣливаніемъ ихъ
огнемъ своей конной артиллеріи.

Французы сперва вознамѣрились было оборонять упорно
Вязьму, но сильный огонь нашей превосходной артиллеріи, по-

явленіе конницы Уварова съ юга, предвѣщавшее возможность прибытія съ этой стороны и всей арміи Кутузова, наконецъ — появленіе въ тылу ихъ партизанскихъ отрядовъ Фигнера и Сеславина, заставило ихъ отказаться отъ этого намѣренія...

Какъ только замѣчено было у насъ, что противникъ бросаетъ городъ, тотчасъ же всѣ наши войска, какъ бы по сигналу одновременно пробѣжавшей электрической искры, бросились на штурмъ его. Дивизіи: 26-я Паскевича и 11-я Чоглокова первыя бросились въ атаку, имѣя въ головѣ храбрые полки Перновскій и Кексгольмскій, которые вторглись въ Вязьму съ барабаннымъ боемъ, музыкой и распущенными знаменами. Съ противоположной стороны ворвались въ городъ партизаны Сеславинъ и Фигнеръ. Паскевичъ, во главѣ 26-й дивизіи, штыками проложилъ себѣ путь, тѣсня остатки противившихся частей противника, и пройдя до самой западной окраины города, очистилъ его весь.

Французы бились геройски, но всюду сдавали передъ неужимымъ, могучимъ натискомъ нашихъ войскъ. Отступая, поджигали они деревянные дома, и пламя, быстро распространяясь, охватило большую часть городскихъ строеній, въ томъ числѣ госпиталь, переполненный ранеными французами...

Наступившая темнота, въ седьмомъ часу вечера, прекратила кровопролитную бойню, завязавшуюся въ городѣ. Французы успѣли еще задержаться нѣкоторое время у городского кладбища, откуда нанесли намъ извѣстный вредъ своей артиллеріей, открывшей огонь по городской площади, гдѣ скопились наши войска; но появленіе съ сѣвера казаковъ Платова, обошедшихъ городъ и грозившихъ лѣвому флангу французовъ, заставило ихъ окончательно отойти по дорогѣ къ Смоленску, укрывшись въ придорожныхъ лѣсахъ.

Потери непріятеля въ бою подъ Вязьмою достигаютъ *четыре* тысячъ убитыхъ и раненыхъ; въ плѣнъ же взято было болѣе *трехъ* тысячъ человекъ, въ томъ числѣ генераль Пелетье и свыше тридцати штабъ и оберъ-офицеровъ.

Мы потеряли 1800 человекъ выбывшими изъ строя.

Несмотря на то, что результатъ сраженія подъ Вязьмою не вполне оправдалъ ожиданій, все-таки послѣдствія этого боя были весьма велики, главнымъ образомъ въ *моральномъ отношеніи*.

Противникъ нашъ былъ этимъ боемъ поколебленъ; духъ его потрясенъ. Ему пришлось не только быть въ роли обороняющагося, но прямо таки отбиваться отъ рѣшительныхъ атакъ русскихъ и даже съ большимъ трудомъ выбраться изъ положенія, близкаго къ критическому.

Для нашихъ войскъ Вязьминское сраженіе было первымъ, въ которомъ мы отъ начала до конца вели бой въ чисто-активномъ духѣ; нѣкоторая осторожность была только въ распоряженіяхъ самого главнокомандующаго, по причинамъ, намъ уже извѣстнымъ. Но войска и военачальники, принявшіе участіе въ бою, соперничали другъ съ другомъ въ смѣлости и доблести, особенно во время заключительнаго штурма самага города.

Упадокъ духа и уныніе, овладѣвшіе французами со времени начатія рокового отступательнаго движенія по Старой Смоленской дорогѣ теперь, послѣ пораженія подъ Вязьмой, достигли ужасающей степени... Надо понять, что значило для этихъ самоувѣренныхъ, гордыхъ людей, привыкшихъ въ теченіе столькихъ лѣтъ быть неизмѣнными побѣдителями на всѣхъ поляхъ сраженій Европы и надъ всѣми арміями, при чемъ они всегда были атакующими, оказаться въ такомъ положеніи, что врагъ едва не окружилъ цѣлаго ихъ корпуса, при чемъ только счастливой случайности, близости сосѣдняго эшелона, успѣвшаго повернуть на поддержку, обязанъ былъ онъ тѣмъ, что выскользнулъ благополучно изъ тисковъ...

Надо отдать, все-таки, справедливость тому искусству, съ которымъ французскіе военачальники организовали въ этомъ бою послѣдовательное отступление частями, самоотверженно прикрывая одинъ другого.

Въ свою очередь наши генералы соперничали другъ передъ другомъ въ смѣлости своихъ ударовъ, свято блюдя важнѣйшій на полѣ брани принципъ взаимной выручки. Молодецкій и дружный штыковый ударъ на Вязьму, какъ рѣшительное проявленіе наступательной энергіи, поднялъ духъ нашихъ войскъ и окрылилъ ихъ увѣренностью въ томъ, что теперь слава непобѣдимости врага уже окончательно померкла.

Разстройство французскихъ войскъ послѣ Вязьминскаго сраженія описано въ такихъ выраженіяхъ однимъ изъ полковыхъ командировъ корпуса Нея: „IV и I корпуса проходили черезъ

„наши ряды въ величайшемъ безпорядкѣ; мнѣ и въ голову не приходило, чтобы они могли пострадать и разстроиться до такой степени. Только итальянская гвардія находилась еще въ довольно хорошемъ состояніи; остальные войска казались унылыми и изнемогавшими отъ усталости. Несмѣтное число отсталыхъ тянулось вразбродъ и большею частью безъ оружія, многіе изъ нихъ ночевали вмѣстѣ съ нами въ лѣсу подѣ Вязьмою. Я старался убѣдить ихъ къ выступленію до прибытія авангарда; имъ надлежало уйти какъ можно дальше, и къ тому же мы не могли допускать, чтобы они врывались въ наши ряды и вносили въ нихъ разстройство... Едва лишь стало разсвѣтать, какъ III корпусъ выступилъ съ ночлега, и въ это самое время отсталые, оставя свои биваки, бросились къ войскамъ. Толпы больныхъ и раненыхъ, тѣснясь кругомъ огней, заклинали насъ не оставлять ихъ на жертву непріятелю, но мы не имѣли никакихъ средствъ увести ихъ вслѣдъ за арміею, а потому вынуждены были притвориться, что не слышимъ ихъ жалобъ. Негодяевъ, бывшихъ въ состояніи сражаться, и, несмотря на то, бросившихъ свои знамена, я приказалъ отгонять прикладами и предупредить, что въ случаѣ непріятельскаго нападенія буду стрѣлять въ нихъ, если они будутъ мѣшать дѣйствию моихъ солдатъ“...

На другой день послѣ сраженія, самъ Ней, доносилъ Наполеону: „всего досаднѣе, что мои солдаты были свидѣтелями разстройства I корпуса. Такой бѣдственный примѣръ поколебалъ ихъ духъ“ и т. д.

Насколько сильна была паника въ войскахъ, участвовавшихъ въ сраженіи, доказывается тѣмъ, что они продолжали еще долго послѣ боя, во мракѣ ночи, двигаться по запруженной орудіями и обозами дорогѣ, несмотря на страшную усталость,—лишь бы подальше только уйти отъ нашихъ войскъ и избавиться отъ возможности ихъ нападенія въ ближайшемъ будущемъ.

Стоило пасть какой нибудь злосчастной лошади, какъ ближайшіе къ ней люди бросались къ ней и съ жадностью дикихъ звѣрей дѣлили между собою еще трепещущую конину, уже нѣсколько дней служащую имъ единственною пищею...

Увеличеніе числа безоружныхъ, которые постепенно образовывали все болѣе и болѣе тяжкое бремя для отступающей арміи, началось съ того времени, какъ поддавшіеся разложенію спѣшенные, за недостаткомъ коней, кавалеристы, стали бросать свои ружья, считая ихъ для себя бесполезнымъ бременемъ. Этотъ дурной примѣръ оказался заразительнымъ, и, какъ только, послѣ сраженія подъ Малоярославцемъ и поворота на Можайскъ, войскамъ стало ясно истинное положеніе дѣлъ, животный инстинктъ самоохраненія окончательно поборолъ чувство долга, и всѣ сколько нибудь слабые духомъ люди превращались въ полузвѣрей, единственною заботою которыхъ являлось удовлетвореніе физическихъ потребностей въ теплѣ и пищѣ... А эти потребности какъ разъ и вопіяли всего больше...

Стремясь какъ можно быстрѣе достигнуть Смоленска, являвагося для него и для его арміи теперь какъ бы своего рода „землей обѣтованной“, Наполеонъ шель усиленными переходами, а образъ дѣйствій Кутузова, съ его искуснымъ параллельнымъ преслѣдованіемъ, вынуждалъ его форсировать ихъ еще больше. Взятые изъ Москвы запасы истощились; на разоренной Смоленской дорогѣ нечего было и думать добыть что нибудь, тѣмъ болѣе, когда со всѣхъ сторонъ грозили партизаны и ополчившееся населеніе... Немудрено, что еще до Вязьмы многіе солдаты вышли изъ повиновенія своихъ офицеровъ и, разбредаясь по сторонамъ въ поискахъ пищи, либо становились легкою добычею нашихъ народныхъ дружинъ, либо дѣлались злѣйшимъ бичемъ своихъ же войскъ, такъ какъ, не найдя ничего въ селеніяхъ, бросались грабить свои же обозы, что, очевидно, еще болѣе усиливало распадъ дисциплины и деморализацію.

Въ довершеніе бѣды, температура стала еще болѣе понижаться. Въ ночь съ 22 на 23 октября началась жестокая мятель, и усилились морозы; хотя послѣдніе и были легкіе (не болѣе 8° по показаніямъ Жомини), но для французовъ, лишенныхъ пищи, не имѣвшихъ теплой одежды, вообще не привычныхъ къ суровостямъ зимы, и такой холодъ уже былъ губительнымъ.

Биваки ихъ съ этого момента походили на поля сраженій, такъ какъ оставлялись усѣянные человѣческими и конскими трупами... Некормленные и истомленные лошади, къ тому же не под-

кованныя на острые шипы, падали сотнями, служа пищею голоднымъ людямъ и поддерживая ихъ существованіе, но заставляя бросать повозки и даже орудія, обломками которыхъ, а также трупами людей и лошадей, какъ зловѣщею гекатомбой, окаймлялся съ этихъ поръ путь слѣдованія злосчастной французской арміи...

Дальнѣйшее отступленіе „великой арміи“ къ Дорогобужу. Распоряженія Кутузова. Отряженіе корпуса вице-короля на поддержку Виктора и злосчастная переправа его черезъ р. Воль. Трофеи Платова. Истребленіе партизанами отряда Ожеро.

ще наканунѣ Вязьминскаго сраженія Наполеонъ выѣхалъ изъ Вязьмы и ночевалъ въ Семлевѣ; извѣстіе же о боѣ онъ получилъ на слѣдующемъ ночлегѣ, въ Славковѣ, гдѣ простоялъ весь день 23-го числа, послѣ чего перешелъ 25-го со старою гвардіей въ Дорогобужъ.

Наканунѣ выпалъ сильный снѣгъ, продолжавшій падать и въ слѣдующіе дни; морозы усилились до 12°; образовалась гололедица, вслѣдствіе которой количество гибнущихъ ежедневно лошадей еще болѣе увеличивалось.

Недаромъ самъ Наполеонъ (уже изъ Смоленска) писалъ въ Вильно герцогу Бассано:

„Лошадей, лошадей и еще лошадей! или кирасирскихъ, или драгунскихъ, легко-конныхъ, артиллерійскихъ или обозныхъ! Вотъ „въ чемъ состоитъ наша величайшая нужда“.

*

Наполеонъ поручалъ нѣкоему Бурсе закупить и направить на Кенигсбергъ и Варшаву „лошадей тысячь съ тридцать, а если „возможно, то и болѣе“ *).

Продолжая развивать свой планъ параллельнаго преслѣдованія, Кутузовъ направился съ своими главными силами прямо къ Ельнѣ, а Платовъ съ Милорадовичемъ продолжали тѣснить противника съ тыла, партизанскіе же отряды по прежнему явились его съ боковъ.

Чтобы надежнѣе прикрыть пути, ведущіе въ южномъ направленіи, Кутузовъ далъ предписаніе Тульскому губернатору перейти со своимъ ополченіемъ къ Рославлю; Калужское ополченіе, усиленное двумя казачьими полками, было направлено на Ельню, оттуда, соединясь съ Смоленскимъ ополченіемъ, должно было идти къ Мстиславлю. Графу Гудовичу, съ ополченіемъ Черниговскимъ и Полтавскимъ, приказано придвинуться къ Бѣлоруссіи; генерала Эртеля, отрядъ котораго находился, какъ извѣстно, у Мозыря, фельдмаршалъ направилъ къ Бобруйску, если онъ не имѣетъ особаго приказанія отъ адмирала Чичагова. Послѣднему предложено, оставя часть силъ для наблюденія за Шварценбергомъ, идти какъ можно быстрѣе черезъ Минскъ къ *Борисову* (на рѣкѣ Березинѣ).

Всѣми этими передвиженіями создавалась какъ бы опора съ южной стороны той арміи (Чичагову), которой, по всей видимости, приходилось перегораживать Наполеону выходъ изъ Россіи.

Впослѣдствіи мы увидимъ, что Чичаговъ не могъ въ полной мѣрѣ выполнить всѣхъ этихъ указаній: онъ прибылъ къ Березинѣ съ запозданіемъ, едва успѣвъ предупредить на ней французовъ, а силы его, за неприсоединеніемъ, по недоразумѣнію, генерала Эртеля, оказались слабѣе, чѣмъ было предположено.

Графу Витгенштейну, отъ котораго только что пришло донесеніе о новой побѣдѣ подъ Полоцкомъ (см. ниже), дано предписаніе, въ случаѣ отступленія бывшаго передъ нимъ непріятели на Лепель—Борисовъ, преслѣдовать его сперва всѣми силами, а потомъ, выдѣливъ часть ихъ для этой цѣли, съ остальными придви-

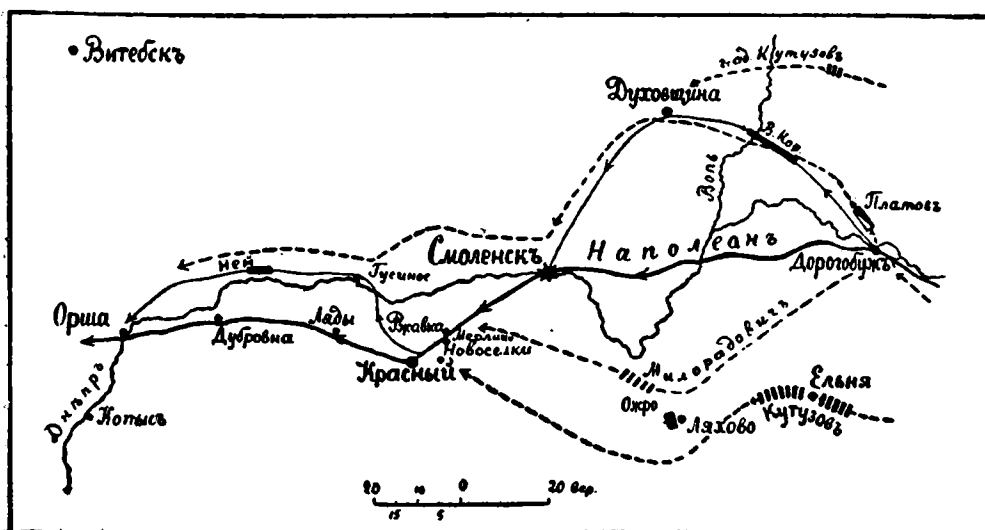
*) Дубровинъ: 1812 годъ въ письмахъ современниковъ. № 218.

гаться къ Днѣпру, угрожая Наполеону съ фланга. Если же С. Сирь отступить навстрѣчу Наполеону (т. е. черезъ Сѣнно на Оршу), то Витгенштейнъ долженъ былъ преслѣдовать его всѣми силами, не давая соединиться съ „великой арміей“.

Витгенштейну, какъ и Чичагову, тоже не удалось достигнуть вполне намѣченныхъ для него цѣлей. Онъ одержалъ надъ своимъ противникомъ рядъ успѣховъ, но не смогъ помѣшать ему присоединиться къ главнымъ силамъ Наполеона, о чемъ въ своемъ мѣстѣ будетъ подробно изложено.

Соображенія Кутузова относительно направленія движенія главныхъ его силъ видны изъ нижеслѣдующихъ словъ его предписанія Милорадовичу.

Схема отступленія отъ Дорогобужа къ Оршѣ.

„Въ настоящее время (писалъ онъ ему) выгоднѣйшій путь дѣйствія главной арміи есть тотъ, который, перерѣзавъ дорогу изъ Ельни въ Дорогобужъ, выходитъ на дорогу, ведущую отъ Ельни въ Смоленскъ, а потомъ оставя Смоленскъ вправо, пролегаеть на Красный къ Оршѣ. Избравъ сей путь, мы приобрѣтаемъ слѣдующія выгоды: во-первыхъ, можемъ достигнуть города Орши кратчайшимъ путемъ и переправясь только одинъ разъ черезъ Днѣпръ у сего города, между тѣмъ какъ непріятель бу-

„детъ принужденъ переправляться три раза, именно: при Со-
ловьевѣ, Смоленскѣ и Оршѣ; во-вторыхъ, двигаясь по этому
направленію сближаемся съ краемъ, изъ котораго идутъ запасы
къ нашимъ войскамъ“...

Въ свою очередь Наполеонъ 25 октября получилъ донесеніе
отъ Виктора о понесенномъ имъ, вмѣстѣ съ С. Сиромъ, новомъ
пораженіи отъ Витгенштейна при Чашникахъ 19 октября и о томъ,
что всѣ эти войска отходятъ къ Сѣнно. Эта тяжелая вѣсть побу-
дила полководца, наконецъ, раскрыть Виктору правду о положе-
ніи своей арміи, что онъ до сихъ поръ тщательно избѣгалъ.

„Его Величеству угодно,—писалъ Бертье—чтобы вы, собравъ
ваши шесть дивизій, безотлагательно атаковали непріятеля, отбро-
сили его за Двину и овладѣли Полоцкомъ. Это движеніе весьма
важно: черезъ нѣсколько дней вся страна въ тылу у васъ мо-
жетъ быть наводнена казаками. Армія и главная квартира завтра
придутъ въ Смоленскъ, но мы очень утомлены безостановоч-
нымъ походомъ въ пятьсотъ верстъ. Дѣйствуйте наступательно:
отъ этого зависитъ спасеніе арміи; всякій потерянный день есть
бѣдствіе. Кавалерія наша спѣшилась; всѣ лошади пали отъ
стужи“...

Но отдавая это приказаніе, Наполеонъ, видимо, самъ не
очень то вѣрилъ въ возможность его выполненія; по крайней
мѣрѣ, выходя съ остатками арміи изъ Дорогобужа, онъ отдѣлилъ
отъ большой Смоленской дороги корпусъ вице-короля и направи-
лъ его на Духовщину, въ направленіи на Витебскъ, дабы этотъ
корпусъ могъ поддержать Виктора. Въ то же время этимъ дости-
галось уменьшеніе количества силъ, двигающихся по одной дорогѣ,
что облегчало расквартированіе на ночлегахъ и продовольствіе.

28 октября Наполеонъ съ гвардіей прибылъ въ Смоленскъ
и въ этотъ же самый день французы потерпѣли два жестокихъ
пораженія, на Духовщинской и Ельнинской дорогахъ. Въ первомъ
случаѣ бѣда постигла отдѣленный только что корпусъ вице-
короля...

Надо сказать, что послѣ боя при Вязьмѣ, Платовъ съ каза-
ками неотступно преслѣдовалъ непріятеля, настигая его при каж-
домъ удобномъ случаѣ, нанося ему каждый разъ существенный

уронъ и захватывая плѣнныхъ. Милорадовичъ съ авангардомъ своимъ слѣдовалъ непосредственно за Платовымъ, который, подходя къ Дорогобужу, свернулъ съ большой дороги въ сторону и пошелъ къ этому городу кратчайшимъ путемъ, а Милорадовичъ нагналъ противника на переправѣ черезъ рѣку Осьму и здѣсь атаковалъ тыльный отрядъ французовъ своими передовыми войсками и опрокинулъ къ Дорогобужу.

Маршалъ Ней, корпусъ котораго былъ теперь арьергарднымъ, понимая необходимость выиграть время, чтобы дать остальнымъ силамъ совершить переправу черезъ Днѣпръ у Соловьевой, рѣшилъ удерживаться у Дорогобужа. Онъ занялъ восточную окраину города дивизіей Розу, а съ остальными силами сталъ въ резервъ за городомъ.

Милорадовичъ атаковалъ съ фронта городъ егерскими полками 30-мъ и 48-мъ, а принца Виртембергскаго съ его 4-й дивизіей послалъ влѣво, чтобы обойти противнику правый флангъ.

Французы бились весьма упорно, но въ концѣ концовъ, вынуждены были очистить городъ. При преслѣдованіи захвачено было нами шесть орудій.

Отступая, противникъ зажегъ Дорогобужъ, но шедшій густой снѣгъ не далъ распространиться огню, и онъ былъ быстро нами потушенъ.

Занявъ Дорогобужъ и продолжая преслѣдовать противника конницей, Милорадовичъ остался здѣсь ночевать; узнавъ же о томъ, что вице-король со своимъ корпусомъ отдѣлился въ направленіи на Витебскъ, Милорадовичъ передалъ его преслѣдованіе Платову.

Послѣдній, съ шестью казачьими полками, 20-мъ егерскимъ полкомъ и конною артиллерією, направился по пятамъ за итальянскимъ корпусомъ, а пять полковъ казаковъ ген.-м. Грекова 1-го оставилъ въ прежнемъ направленіи на Смоленскъ.

Предварительно направленія корпуса вице-короля на Витебскъ, Наполеонъ распорядился произвести развѣдку ведущей туда черезъ Духовщину дороги, при чемъ посланнымъ инженернымъ офицерамъ приказано было обратить особое вниманіе на переправу черезъ рѣку Вопь. Но офицеры эти, вмѣстѣ съ конвоировавшимъ ихъ небольшимъ отрядомъ, цѣли не достигли: они на пути были

захвачены въ плѣнъ однимъ изъ казачьихъ разъѣздовъ, шедшихъ въ головѣ отряда ген.-адъютанта П. Кутузова, при чемъ вмѣстѣ съ ними досталось намъ въ руки много плановъ и картъ.

Напомнимъ, что этотъ отрядъ, принятый въ командованіе генераль-адъютантомъ П. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ послѣ взятія въ плѣнъ Винцингероде, направленъ былъ прямо отъ Москвы кратчайшимъ путемъ такъ, чтобы выйти правѣе (сѣвернѣе) пути отступленія Наполеона и въ данную минуту, послѣ ряда усиленныхъ переходовъ, подходилъ на одну высоту съ противникомъ.

Путь слѣдованія этого отряда шель черезъ Звенигородъ—Рузу—Гжатскъ на Духовщину.

26-го числа войска корпуса вице-короля перешли у Дорогобужа на правый берегъ Днѣпра, втащивъ съ большими трудностями свои пушки на обледенѣлый крутой подъемъ этого берега; что же касается повозокъ, то множество ихъ было здѣсь брошено, и солдаты-мародеры съ жадностью бросились на грабежъ. По обѣ стороны пути слѣдованія итальянскаго корпуса разбросаны были опустошенные чемоданы, одежда и всякая вывезенная изъ Москвы утварь, словомъ—все то, что грабители не смогли унести съ собою...

На 28 ноября вице-королю предстояла переправа черезъ рѣку Воль, притокъ Днѣпра. Наканунѣ онъ послалъ саперную команду подъ начальствомъ генерала Пуатевена, чтобы построить мостъ. Когда же утромъ 28-го колонна вице-короля приближалась къ мѣсту переправы, то оказалось, что пловучій мостъ былъ прорванъ внезапнымъ подъемомъ воды въ рѣкѣ, и исправить его не было никакой возможности. А слѣдившіе неотступно за вице-королемъ Платовскіе казаки, замѣтивъ столпленіе непріятели у берега, тотчасъ же открыли по немъ артиллерійскій огонь своими конными батареями! Въ то же время сами они стали тѣснить противника съ тыла, выславъ сильныя партіи и на противоположный берегъ рѣки. Опасаясь быть совершенно окруженнымъ нашими войсками (которыя могли приблизиться, какъ онъ думалъ вслѣдъ за казаками), вице-король рѣшилъ рискнуть переправиться вбродъ. Оставивъ въ арьергардѣ дивизію Брусье, онъ поручилъ ей сдерживать казаковъ съ тыла, а самъ приступилъ немедленно

П. Н. Кутузовъ.

къ переправѣ. Его штабъ и гвардія первые показали примѣръ, бросившись по поясъ въ ледяную воду; за ними начали переправлять обозы. Первыя повозки и орудія были перетащены благополучно; но они образовали въ мягкомъ днѣ рѣки глубокія выбоины, въ которыхъ и застѣла слѣдовавшая затѣмъ грузная артиллерія, загромоздивъ единственный доступный бродъ. А между тѣмъ казаки съ тыла настѣдали все назойливѣе и назойливѣе...

Пораженные ужасомъ и видя, что положеніе безвыходное, обезпамятѣвшіе солдаты, думая только о собственной безопасности, рѣшили бросить всѣ орудія и обозы, которые еще не были переправлены. Почти по горло въ водѣ, поверхность которой покрывалась тонкимъ льдомъ, перебирались несчастные по бокамъ завязшихъ на бродѣ пушекъ, а брошенный на томъ берегу обозъ подвергался разнузданному грабежу. Въ теченіе ночи постепенно перебрались на тотъ берегъ почти всѣ войска корпуса вице-короля, кромѣ арьергардной дивизіи Брусье, которая переправилась утромъ. Но что осталось отъ этого корпуса? Почти весь обозъ и *шестьдесятъ четыре орудія* было брошено на лѣвомъ берегу Воппи; болѣе половины корпуса разбрелось, побросавъ оружіе или погибло въ волнахъ рѣки, либо замерзло отъ холода на ужасномъ ночлегѣ подъ открытымъ небомъ на снѣжной полянѣ... Послѣ переправы у вице-короля осталось подъ ружьемъ не болѣе *шести тысячъ человекъ*.

На утро 29 октября Платовъ, замѣтивъ отступленіе неприятельскаго арьергарда, немедленно самъ перешелъ рѣку Воппь, нагнавъ его и отбилъ еще *двадцать три орудія*.

Трудность положенія остатковъ корпуса вице-короля усугубилась еще и тѣмъ, что, приближаясь къ Духовщинѣ, они остановлены были преградившимъ имъ дорогу новымъ казачьимъ отрядомъ. Это былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ авангардъ отряда ген.-адъютанта П. Кутузова.

Появленіе казаковъ не только сзади, но еще и впереди себя, поселило смятеніе и ужасъ въ средѣ злосчастныхъ итальянцевъ; но мужественный пасынокъ Наполеона не растерялся и, построивъ въ каре сохранившую еще нѣкоторый порядокъ свою гвардію, направилъ ее противъ казаковъ и вынудилъ послѣднихъ очистить себѣ путь на Духовщину, хотя они и захватили до 500 плѣнныхъ.

Чтобы ободрить своихъ солдатъ и показать имъ примѣръ бодрости духа, вице-король Евгений, когда пришлось чинить испорченный мостъ на пути къ Духовщинѣ, слѣзъ съ коня и принялъ лично участіе въ этой работѣ.

Занятіе Духовщины дало возможность остаткамъ итальянскаго корпуса хоть нѣсколько оправиться. Городъ былъ, хотя и покинутъ жителями, но въ немъ все же можно было укрыться и обогрѣться въ прочныхъ домахъ, въ которыхъ нашлись и кое-какія, впрочемъ всегда скудныя, средства къ пропитанію.

Но отдыхать здѣсь пришлось недолго: Витебскъ оказался уже взятъ русскими, о чемъ вице-король получилъ извѣстіе въ эту же ночь. Такимъ образомъ, дальнѣйшее его движеніе въ направленіи къ Западной Двинѣ теряло смыслъ, а потому Евгений рѣшился, не выжидая приказаній своего отчима, безотлагательно, въ ночь съ 30 на 31 октября, выступить на Смоленскъ.

Платовъ настигъ снова вице-короля у Духовщины, тревожилъ непріятеля на ночлегѣ, нападая на сторожевые посты, а затѣмъ, на всемъ пути отъ Духовщины до Смоленска, не давалъ отступающимъ ни минуты покоя, отбивъ у нихъ еще два орудія...

Извѣщая въ приказѣ по арміи отъ 29 октября обо всѣхъ этихъ успѣхахъ Платова, Кутузовъ, между прочимъ, писалъ:

„Послѣ такихъ чрезвычайныхъ успѣховъ, одерживаемыхъ нами ежедневно и повсюду надъ непріателемъ, остается только „быстро его преслѣдовать и тогда, можетъ быть, земля русская, „которую мечталъ онъ поработить, усѣется костями его“.

„Итакъ, мы будемъ преслѣдовать неутомимо. Настаетъ зима, „выюги и морозы: — вамъ ли бояться ихъ, дѣти сѣвера? Желѣзная грудь ваша не страшится ни суровости погоды, ни злобы „враговъ: она есть надежная стѣна отечества, о которую все „сокрушится. Вы будете умѣть переносить и кратковременныя „недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпѣніемъ: старые служивые дадутъ примѣръ молодымъ. Пусть всякій помнитъ Суворова: онъ научалъ сносить „голодь и холодъ, когда дѣло шло о побѣдѣ и славѣ русскаго „народа. Идемъ впередъ! Съ нами Богъ, передъ вами разбитый „непріятель; да будетъ за нами тишина и спокойствіе“.

* * *

Пока изложенныя событія совершались на Духовщинской дорогѣ, на Ельнинской дорогѣ, по которой двигалась главная армія Кутузова, произошло слѣдующее:

Авангардъ Милорадовича, выславъ для преслѣдованія непріятеля съ тыла часть своей конницы, поддержанной егерями, а остальную — а именно казаковъ Карпова и драгунъ Черниговскихъ и Новороссійскихъ, — пославъ къ Соловьевой переправѣ, самъ, съ корпусами II и IV и остальною конницей, взялъ направленіе на д.д. Касково — Алексѣево, куда и прибылъ 28 октября.

Главные силы Кутузова направлялись отъ Быкова черезъ Бѣлый Холмъ на Ельню, которой достигли 27-го числа и оставались тамъ на дневкѣ также и слѣдующій день 28-го.

Отрядъ графа Ожаровскаго теперь двигался впереди главныхъ силъ Кутузова и 27 октября вышелъ на Рославльскую дорогу.

Графъ Орловъ-Денисовъ съ казаками и партизанскіе отряды Давыдова, Сеславина и Фигнера держались впереди авангарда, между Алексѣевымъ и Ельнинскою дорогою (т. е. путемъ слѣдованія арміи Кутузова).

Еще за нѣсколько дней до прибытія Кутузова въ Ельню, находившійся тамъ отрядъ Калужскаго ополченія князя Яшвиля былъ настигнутъ французскимъ отрядомъ генерала Ожеро. Генералъ Ожеро собралъ подъ свое начальство нѣсколько такъ называемыхъ „рекрутскихъ депо“, т. е. командъ рекрутовъ, прибывающихъ къ Смоленску послѣдовательно съ тыла и размѣщенныхъ въ окрестностяхъ города для постепеннаго образованія изъ нихъ командъ, отсылаемыхъ на пополненіе арміи.

Бывшій недалекъ отъ Ельни, Орловъ-Денисовъ со своими казаками прискакалъ на выручку ополченцевъ и вынудилъ генерала Ожеро отойти къ Ляхову, гдѣ послѣдній былъ поддержанъ бригадою, высланной изъ Смоленска. Но при томъ состояніи, въ какомъ находилась у французовъ конница, они не могли совершенно нести развѣдочной службы, а потому ничего не знали, ни о преслѣдованіи мимо ихъ отряда Ожаровскаго, ни тѣмъ болѣе о прибытіи въ окрестности Ляхова нашихъ партизановъ.

Развѣдчики Дениса Давыдова тѣмъ временемъ, въ ночь съ 26 на 27 октября нащупали расположеніе Ожеро и донесли о немъ подробно своему начальнику отряда. Согласившись съ Сеславинымъ и Фигнеромъ, Давыдовъ рѣшилъ совмѣстно напасть на Ожеро; но, въ виду того, что соединенныя силы всѣхъ трехъ партизанскихъ отрядовъ не превышали 1.280 человекъ съ 4 орудіями, а у Ожеро было болѣе 2.000 человекъ, предложено было принять участіе въ нападеніи также и Орлову-Денисову, отрядъ котораго состоялъ изъ шести казачьихъ и Нѣжинскаго драгунскаго полковъ.

27 октября партизаны получили отъ Орлова-Денисова извѣщеніе о томъ, что онъ съ своимъ отрядомъ идетъ къ нимъ на поддержку. Захваченные непріятельскіе фуражиры съ точностью подтвердили имѣвшіяся свѣдѣнія о силахъ и расположеніи отряда Ожеро, который, безопасно бивакируя около Ляхова, ничуть не подозрѣвалъ о грозившей ему опасности.

Всѣ наши силы были направлены такъ, чтобы отрѣзать отрядъ Ожеро отъ прочихъ войскъ дивизіи Бараге д'Илье, находившейся въ Смоленскѣ. Внезапное нападеніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, при чемъ Орловъ-Денисовъ, своевременно замѣтивъ движеніе непріятельской колонны кирасиръ на поддержку Ожеро въ тылъ атакующимъ, оборотился противъ нее, атаковалъ и обратилъ въ полное бѣгство. Снятыя съ убитыхъ въ этой свалкѣ кирасиръ семьсотъ кирасъ были впослѣдствіи переданы въ Псковскій драгунскій полкъ.

Окруженный и на половину истребленный отрядъ Ожеро, послѣ переговоровъ, для которыхъ отправился къ нему самъ Фигнеръ, сложилъ оружіе. Сдалось девятнадцать офицеровъ и 1.650 нижнихъ чиновъ.

Донося объ этомъ дѣлѣ Государю, Кутузовъ, между прочимъ, писалъ: „Побѣда сія тѣмъ болѣе знаменита, что въ первый „разъ, въ продолженіе нынѣшней кампаніи, непріятельскій корпусъ положилъ предъ нами оружіе“.

Французы въ Смоленскѣ. Невозможность продолжительнаго здѣсь пребыванія. Выходъ изъ Смоленска. Состояніе обѣихъ армій. Дѣло при р. Ржавкѣ.

В тотъ самый день 28 октября, когда произошли эти два печальныхъ для французовъ событія—т. е. поражение Ожеро и переправа вице-короля черезъ р. Вопь,—Наполеонъ со своею гвардіей вступилъ въ Смоленскъ.

Двѣнадцати-градусный морозъ, съ сильнымъ вѣтромъ, заставилъ Наполеона и всю его свиту слѣзть съ лошадей и идти на послѣднемъ переходѣ нѣсколько верстъ пѣшкомъ...

Смоленскъ, какъ мы уже говорили, казался французамъ своего рода „землей обѣтованной“. Здѣсь они рассчитывали, что настанетъ конецъ ихъ бѣдственному отступленію. Одно время думалъ это и самъ Наполеонъ, надѣявшійся на возможность остановиться здѣсь на зимнихъ квартирахъ, подтянуть подкрѣпленія и къ веснѣ, съ освѣженной, усиленной и отдохнувшей арміей, начать новую кампанію.

Мысль о возможности удержаться до слѣдующей весны гдѣ либо въ предѣлахъ Россіи, сохранивъ въ рукахъ хоть часть захваченной территоріи съ тѣмъ, чтобы возобновить кампанію весною, господствовала надъ Наполеономъ съ момента выхода изъ Москвы. Какъ увидимъ ниже, онъ окончательно отказался отъ этой мысли только передъ самой Березинской переправой.

Да это вполне понятно. Трудно было великому полководцу, избалованному успѣхами, мириться съ полнымъ крушеніемъ своего, давно лелѣяннаго и тщательно обдуманнаго замысла о походѣ въ Россію; трудно было полновластному хозяину Западной Европы подвергать свое предпріятіе такому исходу, который, внѣ всякаго сомнѣнія, сильно колебалъ его политическій и военный престижъ.

Однако, не только о зимовкѣ, но даже о сколько-нибудь продолжительномъ пребываніи въ Смоленскѣ нечего было и думать при дѣйствительно сложившихся обстоятельствахъ. Армія Кутузова, взявъ направленіе на Ельню и Красный, грозила отрѣзать Наполеона отъ его тыла и отъ войскъ его праваго крыла, если бы онъ замѣшкался въ Смоленскѣ. Извѣстія съ фланговъ шли въ то же время самыя неутѣшительныя: русскіе (какъ увидимъ подробно въ дальнѣйшемъ изложеніи) вездѣ одерживали верхъ.

При такихъ условіяхъ, остановка въ Смоленскѣ могла быть лишь самой кратковременной, и нужно было озаботиться лишь организаціей хоть сколько-нибудь равномерной и правильной раздачи войскамъ находившихся въ Смоленскѣ запасовъ.

Во избѣжаніе безпорядка, Наполеонъ приказалъ не вводить войскъ въ городъ, а либо пріостановиться не доходя его, либо обойти и ожидать доставки къ нимъ запасовъ изъ магазиновъ. Но никакія усилія не могли сдержать оголодавшія толпы безоружныхъ, которыя вскорѣ переполнили собою городъ и, какъ дикіе звѣри, бросались на все, что только могло утолить терзанія голода. Какъ ни отгоняли этихъ несчастныхъ ружейными прикладами отъ магазиновъ, часть послѣднихъ все же была ими разграблена, а интендантскіе чиновники ежеминутно ожидали, что будутъ растерзаны этими обезумѣвшими, озвѣрѣвшими людьми.

Наполеонъ въ зимнемъ одѣяніи.

Съ картины В. В. Верещагина.

Въ теченіе одной ночи, съ 28 на 29 октября солдаты зарѣзали и съѣли 250 обозныхъ лошадей. При выступленіи изъ Смоленска недостатокъ послѣднихъ заставилъ бросить здѣсь часть фургоновъ, артиллеріи и частныхъ экипажей.

Самая раздача припасовъ не могла быть произведена равномерно. Наполеонъ прежде всего позаботился о своей гвардіи и приказалъ, чтобы ей выданъ былъ двухнедѣльный запасъ продовольствія; что же касается другихъ корпусовъ, то ихъ велѣно было удовлетворить только шестидневною дачею. Такое распоряженіе поселило въ войскахъ глухое недовольство; къ тому же корпуса Даву и вице-короля, ожидая очереди, оставались двое сутокъ совершенно безъ хлѣба... А тѣмъ временемъ нахлынули отсталые, которымъ не приказано было давать ничего; а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, они разграбили львиную долю всѣхъ запасовъ.

1 ноября морозъ усилился до 17°; непріятельскія войска, собранныя въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ, не могли найти себѣ убѣжища въ немногихъ уцѣлѣвшихъ строеніяхъ, и къ тому же они цѣлыми днями простаивали на холодѣ, вокругъ магазиновъ, надѣясь добыть хоть что нибудь съѣстное. Наиболѣе смѣлые и отчаянные попросту пробивались къ складамъ оружіемъ, захватывали мѣшки съ мукою или сухарями и затѣмъ точно также штыкомъ или саблей прокладывали себѣ обратный путь, не щадя жизни товарищей...

На бивакахъ ужасающія сцены нисколько не прекращались. Ежедневная потеря людьми была огромна. Непривычнымъ, не снабженнымъ одеждою людямъ, еле прикрытымъ лохмотьями прежнихъ мундировъ и укутаннымъ во всякое подъ руку попавшее тряпье, семнадцати-градусный морозъ причинялъ ужасныя страданія.

Одинъ изъ участниковъ похода воспроизводитъ такія устрашающія картины.

„Отморозившіе руки не находили себѣ мѣста у бивачныхъ „костровъ, потому что не могли принести свою долю топлива „для поддержанія огня... Деморализація арміи проявлялась ужасующимъ образомъ... Несчастные, отталкиваемые своими собра-

„тѣми по оружію, умирали тутъ же, за ихъ спиною, и немедленно „подвергались полному ограбленію... Мнѣ приходилось видѣть, „какъ отморожившіе себѣ руки падали ничкомъ и пальцы ихъ „ломались, точно стеклянные; иные слишкомъ приближались къ „огню и отмороженныя части тѣла обугливались. Одинъ изъ „моихъ товарищей отморозилъ себѣ ноги; когда онъ сталъ сн- „мать съ одной изъ нихъ тряпье, то отвалились три пальца; онъ „снялъ тряпки съ другой ноги, схватилъ себя за большой палецъ, „вернулъ его и выдернулъ вонъ, не испытывая ни малѣйшей „боли...

„Наши биваки были ужасны. Каждый сгорѣвшій домъ въ „деревняхъ, гдѣ намъ приходилось останавливаться, былъ окру- „женъ трупами, полузанесенными снѣгомъ. Трупы валялись и подъ „еще дымящимся пепломъ, на который ложились солдаты, чтобы „согрѣться, нерѣдко умирая на мертвыхъ тѣлахъ своихъ товари- „щей. А тѣ, кому удалось настолько сохранить силы, чтобы отпра- „виться на фуражировку, гибли отъ рукъ крестьянъ и казаковъ“.

Такимъ образомъ, надежды, возлагаемая на Смоленскъ, какъ на мѣсто, въ которомъ можно было бы пріостановить отступление и дать войскамъ хоть нѣкоторый отдыхъ и возможность пополнить свои запасы и обогрѣться—совершенно не оправдались.

Убѣдясь въ невозможности удержаться въ Смоленскѣ, Наполеонъ намѣренъ былъ выступить оттуда какъ можно скорѣе, но медленность раздачи запасовъ и необходимость дожидаться присоединенія корпуса вице-короля заставили отложить выступленіе главной квартиры до 2 ноября.

Несмотря на извѣстіе о потерѣ Витебска и на ужасающее состояніе бывшей „великой арміи“, Наполеонъ не покидалъ еще мысли о расположеніи на зимнія квартиры между Двиною и Днѣпромъ. Въ этомъ смыслѣ дано было предписаніе маршалу Виктору, которому Наполеонъ приказывалъ перейти въ наступленіе и атаковать графа Витгенштейна, чтобы не дать возможности Кутузову, двинувшись въ направленіи на Витебскъ, соединиться съ нимъ на Двинѣ. Это заставило бы, по мнѣнію Наполеона, французскую армію „при расположеніи на зимнихъ квартирахъ, „уступить русскимъ теченіе Двины и часть Литвы“...

На большой дороге — отступление, бегство.

Съ. картины В. В. Верещагина.

Отсюда видно, что Наполеонъ, отказавшись отъ пріостановки на зиму въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ, еще не бросилъ въ принципѣ этой мысли и лишь изыскивалъ болѣе выгодный способъ и болѣе удобное мѣсто для приведенія ея въ исполненіе.

* * *

Въ свою очередь у насъ, особенно въ Петербургѣ, господствовало какъ разъ опасеніе, что Наполеонъ отъ Смоленска направится на поддержку Виктора и С. Сира и можетъ всѣми силами обрушиться на Витгенштейна. Эти опасенія, въ связи съ неудовольствіемъ дѣйствіями Кутузова, которое начинало все сильнѣе и сильнѣе проявляться въ Государѣ подъ вліяніемъ свѣдѣній, доходившихъ до него изъ арміи разными окольными путями, нашли себѣ, между прочимъ, выраженіе въ нижеслѣдующемъ *собственно-ручномъ* Высочайшемъ рескриптѣ:

30 октября 1812 г.

„Князь Михаилъ Паріоновичъ! получилъ Я донесенія ваши до 24 октября; съ крайнимъ сѣтованіемъ „вижу Я, что надежда изгладить общую скорбь о потерѣ „Москвы пресѣченіемъ врагу возвратнаго пути совершенно исчезла *). Непонятное бездѣйствіе ваше послѣ „счастливаго сраженія 6-го числа передъ Тарутинымъ, „чѣмъ упущены тѣ выгоды, кои оно предвѣщало, и „ненужное и пагубное отступленіе ваше, послѣ сраженія „подъ Малымъ - Ярославцемъ, до Гончарова, уничтожили „всѣ преимущества положенія вашего, ибо вы имѣли „всю удобность ускорить непріятеля въ его отступленіи „подъ Вязьмою и тѣмъ отрѣзать по крайней мѣрѣ путь „тремъ корпусамъ: Давуста, Нея и вице-короля, сражавшимся подъ симъ городомъ. Имѣвъ столь превосходную „легкую кавалерію, вы не имѣли довольно отрядовъ на „Смоленской дорогѣ, чтобы быть извѣщенну о настоящихъ „движеніяхъ непріятеля, ибо въ противномъ случаѣ „вы бы увѣдомлены были, что 17-го числа Наполеонъ „съ гвардіею своею уже прошелъ Гжатскъ...

*) Едва ли есть надобность объяснять, насколько такое утвержденіе преувеличено, особенно, когда составленный самимъ Государемъ планъ перехвата Наполеону пути отступленія на линіи рѣки Березины только что началъ приводиться въ исполненіе...

„Нынѣ семи упущеніями вы подвергли корпусъ „графа Витгенштейна очевидной опасности, ибо Наполеонъ, оставя передъ вами вышеупомянутые три корпуса, которые единственно вы преслѣдуете, будетъ въ „возможности съ гвардіею своею усилить бывшій корпусъ „С. Сира и напасть превосходными силами на графа „Витгенштейна.

„Обращая все ваше вниманіе на сіе, столь справедливое опасеніе, Я напоминаю вамъ, что всѣ несчастія, „отъ сего проистечь могутъ, останутся на личной „вашей отвѣтственности. Пребываю вамъ всегда благо„склонный

АЛЕКСАНДРЪ“.

Этотъ проникнутый явною немилостію Высочайшій рескриптъ показывалъ, во 1-хъ, насколько усердствовали враги Кутузова, а затѣмъ — до какой степени трудно составить себѣ истинное представленіе о дѣйствительной обстановкѣ военныхъ событій, находясь отъ нихъ въ отдаленіи...

Дѣйствительное состояніе французской арміи, извѣстное намъ теперь по многочисленнымъ показаніямъ очевидцевъ и участниковъ злосчастнаго похода въ Россію, воочию видѣвшихъ и на себѣ испытывшихъ ужасы бѣдственнаго отступленія, не было и не могло быть въ полной мѣрѣ извѣстно даже Кутузову. Нечего и говорить, что о немъ не имѣли истиннаго представленія и въ Петербургѣ...

При той числительности и томъ состояніи корпусовъ „великой арміи“, которое обнаружилось въ Смоленскѣ, Наполеону нечего было и думать о какихъ либо смѣлыхъ планахъ или предпріятіяхъ. Если впоследствии, на Березинѣ, онъ могъ снова проявить свой блистательный военный геній и показать себя достойнымъ своей славы, то это во многомъ зависѣло отъ присоединенія къ нему сравнительно менѣе потерпѣвшихъ корпусовъ Виктора и Удино...

Поэтому, опасенія, высказанныя Императоромъ Александромъ въ вышеприведенномъ рескриптѣ, едва ли можно считать основательными; съ другой стороны, не вполне справедливы и тѣ упреки, которымъ подвергался Кутузовъ за свое уклоненіе отъ рискованныхъ движеній и дѣйствій.

Генералъ-отъ-кавалеріи
М. И. Карпенковъ.

Въ Петербургѣ не считались еще и съ тѣмъ, что если армія Наполеона переносила ужасающія страданія и гибла въ непомерно-быстрой прогрессіи, то и армія Кутузова, несмотря на неизмѣримо лучшія условія, въ которыхъ ей приходилось дѣйствовать, также быстро и равномерно таяла, но только медленнѣе.

Главная и наиболѣе существенная разница заключалась въ томъ, что французамъ все ослабѣвшее физически и морально приходилось, волей-неволей, тащить за собою, и уже одинъ видъ этой разнузданной толпы безоружныхъ производилъ на остальныхъ войска самое пагубное, разлагающее вліяніе; у насъ же, наоборотъ, въ рядахъ естественнымъ путемъ оставались только лучшіе, наиболѣе крѣпкіе духомъ и тѣломъ, такъ сказать, закаленные люди; все же слабое; недостаточно выносливое, не выдерживающее непомерно тяжелыхъ тягостей безостановочнаго зимняго похода, съ ночлегами зачастую подъ открытымъ небомъ, отпадало и оставалось позади, въ тылу, не бременя собою арміи и не производя на нее вреднаго впечатлѣнія.

* * *

Имѣя въ виду выждать у Смоленска присоединенія вице-короля, Наполеонъ приказалъ Нею, остававшемуся у Соловьевой переправы въ арьергардѣ, отступать шагъ за шагомъ и какъ можно долѣе задерживать наши войска на дорогѣ къ Смоленску.

Выдѣленный Милорадовичемъ для преслѣдованія съ тыла генераль-маіоръ Юрковскій, на пути отъ Дорогобужа къ Соловьеву, отбилъ все-таки у непріятеля орудія, а затѣмъ, исполняя приказаніе Милорадовича, оставилъ на Смоленской дорогѣ только полковника Карпенкова съ 1 егерскимъ, Московскимъ драгунскимъ и однимъ казачьимъ полками, при 4 орудіяхъ; самъ же, съ остальными силами, присоединился къ Милорадовичу.

28 октября Карпенковъ подошелъ къ Соловьевой переправѣ; его егеря сбили непріятельскихъ стрѣлковъ съ лѣваго берега и огнемъ своимъ не давали французамъ разобрать мостъ; вскорѣ подвезены были и орудія, но артиллерія непріятеля была значительно сильнѣе, такъ что она одержала надъ нами верхъ, открывъ канонаду изъ укрѣпленія, сооруженнаго по приказанію Нея на правомъ Днѣпровскомъ берегу...

*

Благодаря этому, французамъ удалось сломать мостъ и отойти по направленію къ Смоленску. Но наши преслѣдующіе на другой же день перебрались съ большимъ рискомъ на тотъ берегъ по тонкому слою льда, только что затаившаго рѣку, овладѣли брошенными 18 орудіями, 60 зарядными ящиками и множествомъ обозовъ, а также захватили около тысячи плѣнныхъ...

По пути къ Смоленску, Карпенковъ вошелъ въ связь съ казачьими отрядами Грекова и Платова *).

Покаместъ Наполеонъ въ теченіе четырехъ дней задерживался въ Смоленскѣ, главныя силы Кутузова продолжали двигаться параллельно большой Смоленской дорогѣ, постепенно все болѣе и болѣе грозя опередить французовъ.

30 октября главная квартира Кутузова была въ Лабковѣ, на Рославльской дорогѣ; здѣсь были только три пѣхотныхъ корпуса (IV, V и VI) и обѣ кирасирскія дивизіи; впереди, въ направленіи Смоленска по той же дорогѣ, находился Милорадовичъ, съ новымъ авангардомъ, составленнымъ изъ IV и VII пѣхотныхъ корпусовъ, а для наблюденія за Ельнинской дорогой оставлены были у Жуковщины корпуса IV и VIII пѣхотные и II кавалерійскій. Въ тотъ же день полковникъ Бистромъ, съ отрядомъ изъ двухъ батальоновъ л.-гв. егерскаго полка, эскадрона кирасиръ Его Величества и сотни Тульскихъ казаковъ (ополченцевъ) захватилъ въ селѣ Клементьевомъ большой непріятельскій складъ и 1300 плѣнныхъ.

1 ноября Кутузовъ перешелъ на Мстиславльскую дорогу къ Щелканову; Милорадовичъ передвинулся къ селу Червонному; IV корпусъ со II кавалерійскимъ прикрывали армію сбоку, къ сторонѣ Смоленска. Въ этотъ день Сеславинъ и графъ Орловъ-Денисовъ, двигаясь впереди авангарда, напали на двигавшійся къ Смоленску обширный транспортъ съ провіантомъ и винною порціей, при которомъ слѣдовало свыше тысячи артиллерійскихъ лошадей и 200 головъ рогатаго скота. При крайней нуждѣ арміи Наполеона въ конскомъ составѣ, захватъ этихъ лошадей составилъ немаловажный ущербъ для непріятели.

*) Грековъ былъ отдѣленъ Платовымъ въ направленіи на Смоленскъ, когда самъ онъ бросился по пятамъ за вице-королемъ въ направленіи на Духовщину.

Затѣмъ, въ селѣ Червонномъ, Орловъ-Денисовъ перехватилъ часть польскаго корпуса, подъ командою генерала Заіончека, направленную къ Могилеву для переформированія. Потерявъ нѣсколько сотъ человекъ и видя, что не можетъ достигнуть назначеннаго пункта, Заіончекъ повернулъ по проселочной дорогѣ къ Красному.

2 ноября главныя силы Кутузова двинулись къ Юрову, а Милорадовичу съ авангардомъ приказано идти къ Рогайлову, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день выйти на большую дорогу къ деревнѣ Ржавкѣ и здѣсь перехватить непріятелю путь отступленія. Боковой авангардъ Остермана-Толстого передвинулся къ Кобызеву.

* * *

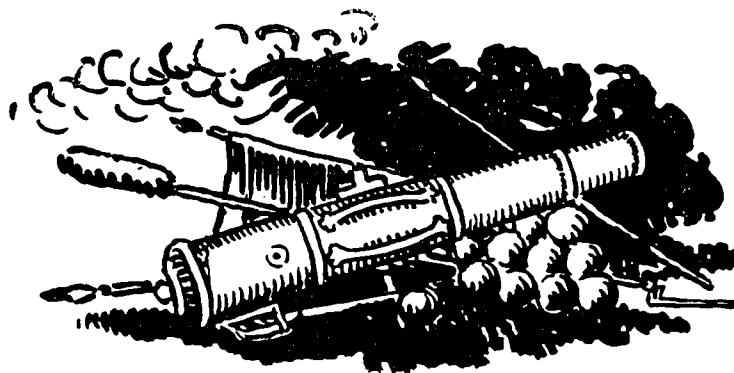
Такимъ образомъ пріостановка Наполеона на четыре дня въ Смоленскѣ дала нашимъ главнымъ силамъ возможность, двигаясь почти что въ условіяхъ мирнаго времени, т. е. давая дневки, стать на одну высоту съ непріятелемъ и даже нѣсколько опередить его передовыми частями.

Такое взаимное положеніе сторонъ само собою наталкивало насъ на попытку, теперь же, не ожидая приближенія фланговыхъ армій, намѣченнаго по плану Императора Александра, съ одними войсками, состоявшими подъ непосредственнымъ начальствомъ Кутузова, рѣшительно преградить Наполеону путь отступленія.

Попытка эта, хотя и не въ полной мѣрѣ осуществленная, привела къ ряду успѣшныхъ для насъ и роковыхъ для французовъ боевыхъ столкновеній близъ Краснаго.

Главнокомандующій, который, вообще, противился рѣшительнымъ дѣйствіямъ, находя излишнимъ рисковать хоть немного, когда безъ всякаго риска, путемъ одного только терпѣнія и выдержки, можно навѣрняка достигнуть „постепеннаго истребленія непріятеля“, противился и въ данномъ случаѣ настойчивымъ представленіямъ своихъ сподвижниковъ. Но обстановка сложилась настолько для насъ благопріятно, а впечатлѣніе выра-

женнаго Государемъ неудовольствія, по поводу недостаточно рѣшительныхъ дѣйствій нашихъ подъ Вязьмою, было настолько свѣже, что Кутузову пришлось поступиться своими убѣжденіями и согласиться принять образъ дѣйствій, которому, въ душѣ, онъ совершенно не сочувствовалъ.

Состояніе французской арміи и ея числительность при выступленіи изъ Смоленска. Состояніе русскихъ войскъ. Причины, побуждавшія Наполеона ускорить это выступленіе. Распоряженіе къ дальнѣйшему походу и порядокъ слѣдованія „великой арміи“.

Дѣло при Ржавкѣ. Бои у Краснаго: бой 4 ноября у деревни Мерлино. Распоряженія сторонъ на 5 ноября.

азложение французской арміи неудержимо подвигалось быстрыми шагами. При выступленіи изъ Смоленска общая числительность арміи не превышала 50 тысячъ подъ ружьемъ, въ томъ числѣ не болѣе 5.000 очень плохой конницы. Это были остатки всѣхъ четырехъ резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ, которые, по распоряженію Наполеона, сведены были въ Смоленскѣ въ одинъ отрядъ подъ начальствомъ Патуръ-Мобура. Артиллерию, за недостаткомъ конскаго состава, почти всю пришлось бросить, а оставшіяся въ незначительномъ числѣ орудія съ трудомъ могли двигаться даже по ровной мѣстности...

За арміей тянулась огромная толпа безоружныхъ, число которыхъ доходило уже до 30 тысячъ челоувѣкъ. Ббольшая часть

корпусовъ были таковыми лишь по названію. Такъ, въ корпусъ Жюно насчитывалось всего 700, а у Понятовскаго — 800 человекъ!

Болѣе точно составъ и численность французской арміи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1)	Гвардейская пѣхота	14.000	чел.
2)	„ конница	2.000	„
3)	I пѣхотный корпусъ (Даву).	10.000	„
4)	III „ „ (Нея)	6.000	„
5)	IV „ „ (вице-короля)	5.000	„
6)	V „ „ (Понятовскаго).	800	„
7)	VIII „ „ (Жюно)	700	„
8)	Спѣшенная конница	500	„
9)	Конница Латуръ-Мобура	1.900	„
10)	Конница при пѣхотныхъ корпусахъ	1.200	„

Итого пѣхоты 37.000, конницы 5.100.

Кромѣ того артиллеристовъ, инженерныхъ войскъ и жандармовъ 7.000 человекъ, что въ общей сложности даетъ около 50.000 человекъ.

Количество потерянныхъ французами орудій за это время исчислить довольно трудно. Въ вѣдомости, подписанной Кутузовымъ, общее число *взятыхъ* нами орудій исчислено въ 209, но изъ нихъ 71 захвачено еще до выступленія Наполеона изъ Москвы.

Кромѣ того, 112 орудій подобрано казаками на первомъ же переходѣ послѣ Смоленска; много найдено впоследствии брошенными въ воду или зарытыми въ землю.

И въ такое состояніе пришла армія въ мѣсячный срокъ по выходѣ изъ Москвы, при всей осторожности Кутузова, всячески избѣгавшаго рисковать своими силами.

Состояніе это вполне оправдываетъ взглядъ нашего главнокомандующаго, который не переставалъ повторять: „*все это развалится и безъ меня*“. Если же обратить вниманіе на то, въ какомъ положеніи была въ это время наша армія, то это еще болѣе подтвердитъ правильность образа дѣйствій Кутузова. Дѣйствительно, несмотря на то, что мы были снабжены теплой одеждой,

не нуждались въ продовольствіи и могли быть вполне увѣрены въ сочувствіи населенія, численность нашей арміи, за время ея выступленія изъ Тарутинскаго лагеря, т. е. за три недѣли, уменьшилась тоже на половину, и она насчитывала въ своихъ рядахъ не болѣе 50 тысячъ человѣкъ, при чемъ убыль въ бояхъ не превышала 10 тысячъ человѣкъ. Правда, эта убыль больными и отсталыми, зависѣвшая отъ усиленныхъ переходовъ по 25 и болѣе верстъ по заваленнымъ глубокимъ снѣгомъ проселкамъ, не падала для арміи: всѣ эти выбывшіе изъ строя, оправившись, могли снова вернуться въ ея ряды; но разумѣется, это могло случиться только впослѣдствіи, а никакъ не въ эту кампанію, такъ какъ при быстротѣ преслѣдованія догнать армію всѣмъ этимъ укомплектованіямъ не представлялось никакой возможности...

Наоборотъ, у отступающаго Наполеона всѣ отсталые и отдѣлившіеся отъ арміи дѣлались неминуемою добычей окружавшихъ ее сплошнымъ роемъ казаковъ, партизановъ и народныхъ дружинъ. Зато Наполеонъ могъ рассчитывать пополнить свои ряды всѣми тѣми, сравнительно болѣе свѣжими и менѣе пострадавшими войсками, которыя разбросаны были вдоль его сообщеній для ихъ обезпеченія, а также притянуть къ себѣ и боковые корпуса, которые, не отбывъ пагубной стоянки въ Москвѣ и не перенеся всѣхъ бѣдствій отступательнаго похода, могли составить подкрѣпленія, еще достаточно надежныя и грозныя...

Поэтому, въ числѣ задачъ, поставленныхъ, по плану Императора Александра, нашимъ фланговымъ арміямъ Витгенштейна и Чичагова, немаловажное значеніе имѣло отвлеченіе ими на себя этихъ крыловыхъ непріятельскихъ частей и такой образъ дѣйствій, который не дозволилъ бы имъ соединиться съ главными силами Наполеона.

Одною изъ главныхъ причинъ, побуждавшихъ Наполеона ускорить свое выступленіе изъ Смоленска, было,—какъ уже сказано въ предыдущей главѣ — направленіе, принятое Кутузовымъ, грозившее перехватить ему путь отступленія. Правда, Наполеонъ имѣлъ возможность, вмѣсто движенія къ Оршѣ и затѣмъ къ Березинѣ, пойти въ направленіи на Витебскъ, т. е. по тому пути, которымъ наступалъ лѣтомъ; такое движеніе сближало его съ отходившими отъ Полоцка и Витебска войсками С. Сира и Виктора и избавляло

его отъ необходимости, при дальнѣйшемъ своемъ отступленіи, форсировать линію рѣки Березины, которую готовился ему преградить Чичаговъ.

Надо сказать, что у насъ въ главной квартирѣ полагали, что Наполеонъ отъ Смоленска поведетъ отступленіе широкимъ фронтомъ и во всякомъ случаѣ воспользуется направленіемъ на Витебскъ хотя бы для части своихъ силъ.

Кутузовъ спеціально предупреждалъ объ этомъ графа Витгенштейна, при чемъ высказывалъ предположеніе, что въ этомъ случаѣ самъ, перейдя Днѣпръ, будетъ искать Наполеона гдѣ либо между Днѣпромъ, Березиной и Двиною и постарается разбить его здѣсь, при содѣйствіи Витгенштейна. Когда же пришло извѣщеніе отъ Чичагова о томъ, что онъ будетъ 7 ноября въ Минскѣ, Кутузовъ сдѣлалъ изъ этого выводъ, что Наполеонъ не пойдетъ на проломъ, а будетъ искать пробиться въ направленіи на Докшицы, т. е. обрушится на Витгенштейна. Поэтому Кутузовъ предлагалъ послѣднему занять на пути къ Докшицамъ крѣпкую позицію, на которой и стараться задержать противника до подхода самого Кутузова.

Изъ дальнѣйшаго изложенія мы увидимъ, насколько всѣ эти предположенія оказались согласными съ дѣйствительностью...

На самомъ дѣлѣ, извѣстія, полученныя Наполеономъ изъ своего тыла и отъ фланговыхъ корпусовъ, рисовали ему обстановку въ такомъ видѣ, что онъ не счелъ возможнымъ принять какое либо другое рѣшеніе, кромѣ *продолженія отступленія* по кратчайшему и удобнѣйшему пути, каковымъ въ данномъ случаѣ и является путь на Оршу и далѣе къ рѣкѣ Березинѣ.

Чтобы дать возможность войскамъ на ночлегахъ избѣгать бивакированія подъ открытымъ небомъ, Наполеонъ организовалъ дальнѣйшее отступленіе *эшелонами*.

Первый эшелонъ („корпуса“ Понятовскаго и Жюно) выступилъ изъ Смоленска 31 октября. На слѣдующій день 1 ноября, двинулся *второй* эшелонъ, въ составѣ молодой и старой гвардіи; съ нимъ отправился и самъ Наполеонъ; слѣдующіе эшелоны распределены были такъ: *третій* — корпусъ вице-короля, *четвертый* — корпусъ Даву и *пятый* — арьергардъ Нея. Они должны были выступить послѣдовательно черезъ день одинъ послѣ другого.

Такой порядокъ отступательнаго марша растягиваль французскую армію на четыре перехода, благодаря чему опасность поражения по частямъ была такая же, какъ и при отступленіи широкимъ фронтомъ, т. е. по нѣсколькимъ дорогамъ, удобство же движенія — значительно меньше.

При условіи же возможности для Кутузова предупредить французовъ въ Красномъ и, какъ бы карауля ихъ здѣсь, бить подходящіе эшелоны поочередно, — эта опасность становилась еще больше.

Головной эшелонъ Наполеоновской арміи — это и были тѣ самыя войска генерала Заіончека, которыя, какъ уже упомянуто выше, были атакованы нашею конницей по пути и вынуждены свернуть на большую дорогу въ направленіи на Красное, не выполнивъ приказанія, даннаго имъ, идти для переформированія къ Могилеву.

Такимъ образомъ не оправдался расчетъ Наполеона пополнить остатки польскаго корпуса мѣстными укомплектованіями и этимъ доставить себѣ черезъ нѣкоторое время свѣжій резервъ.

1 ноября выступила изъ Смоленска гвардія съ такъ называемыми „трофеями“, казною и обозомъ главной квартиры. Корпусъ Даву перешель на южный берегъ Днѣпра и расположился въ Смоленскихъ предмѣстьяхъ, оставивъ одну изъ своихъ дивизій на сѣверномъ берегу для поддержки арьергарда Нея, еще находившагося въ 15 верстахъ отъ города. Въ тотъ же день прибылъ въ Смоленскъ и вице-король, неотступно преслѣдуемый казаками Платова.

2 ноября, обогнавъ Вестфальцевъ, гвардія подошла къ Красному, который оказался занятъ отрядомъ генераль-адъютанта графа Ожаровскаго. Этотъ летучій отрядъ, двигавшійся теперь впереди всѣхъ другихъ, состоялъ изъ 19 егерскаго полка, Мариупольскаго гусарскаго и четырехъ казачьихъ полковъ, съ 6 конными орудіями. На разсвѣтъ 2 ноября Ожаровскій напаль на Красный, вытѣснилъ оттуда занимавшій городъ французскій батальонъ и, завладѣвъ множествомъ разнаго рода добычи, намѣренъ былъ удерживаться здѣсь; но подошедшія превосходныя силы головной дивизіи гвардіи Наполеона вытѣснили его оттуда.

Остальныя гвардейскія дивизіи, медленно подвигаясь постепенно въ теченіе всего дня, къ ночи были стянуты близь деревни Корытни, имѣя въ Красномъ только головную дивизию.

Въ этотъ день наши войска продолжали движеніе въ ранѣе указанныхъ направленіяхъ; Кутузовъ съ главными силами перешель къ селу Волкову, Милорадовичъ — къ Княгинину; графъ Остерманъ, выйдя къ дер. Кобозеву, встрѣтился тамъ съ непріятельскимъ отрядомъ (это были войска Заіончека), атаковалъ его конницею и захватилъ въ плѣнъ 5 офицеровъ и около 600 нижнихъ чиновъ.

Къ 3 числу Милорадовичъ вышелъ у деревни Ржавки на большую дорогу въ 4 часа пополудни, т. е. по позднему осеннему времени уже въ сумеркахъ, когда гвардія Наполеона уже шла отъ Корытни къ Красному. Хотя общее число непріятельскихъ войскъ, двигавшихся мимо Милорадовича, не превосходило двѣнадцати—тринадцати тысячъ человекъ, а у Милорадовича было шестнадцать тысячъ, онъ все же, въ виду отдаленія остальныхъ нашихъ силъ, не рѣшился открыто ударить на прославленную Наполеоновскую гвардію, предводимую самимъ императоромъ, грозную даже въ несчастіи ореоломъ своихъ бывшихъ побѣдъ, и ограничился тѣмъ, что проводилъ сильною канонадою своихъ батарей густыя колонны гвардейцевъ, а затѣмъ съ конницею своею атаковалъ ихъ арьергардъ, взялъ пять пушекъ и нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Шедшій на присоединеніе къ авангарду II пѣхотный корпусъ имѣлъ въ головѣ своей 4-ю пѣхотную дивизию принца Евгенія Виртембергскаго. Послѣдній, видя огромный непріятельскій обозъ, окруженный толпами безоружныхъ и отсталыхъ, выдвинулъ свои 28 орудій и началъ громить эту нестройную массу, бросивъ на нее конницу генерала Юрковскаго (полки Сумской и Елизаветградскій), которая вихремъ налетѣла на противника и нанесла ему жестокой уронъ, захватила еще много плѣнныхъ и 6 орудій.

Всего въ этомъ дѣлѣ у Ржавки взято 11 орудій и двѣ тысячи плѣнныхъ...

Къ ночи Милорадовичъ, оставя на большой дорогѣ конный отрядъ Юрковскаго, остановился близь д. Угрюмовой, въ 4 верстахъ отъ большой дороги.

Ермоловъ, находившійся при войскахъ Милорадовича, послалъ Кутузову донесеніе о послѣдствіяхъ дѣла 3 ноября, въ которомъ, между прочимъ, писалъ:

„Его Свѣтлости имѣю честь всепокорнѣйше донести, что „нынѣ бѣгущаго въ разстройствѣ непріятеля авангардъ генерала „Милорадовича атаковалъ на большой отъ Смоленска дорогѣ „при селеніи Ржавкѣ. Спротивленіе было самое слабое; все „бѣжитъ въ ужасѣ и страхѣ; взято нѣсколько пушекъ; одна ко- „лонна, атакованная генераль-адъютантомъ барономъ Меллеромъ- „Закомельскимъ, сдалась; взято много чиновниковъ, плѣнные „говорять, что въ Смоленскѣ осталось 25 тысячъ человекъ съ „маршаломъ Даву. Это все должно быть истреблено и принадле- „жать намъ. Сегодня однѣми батареями непріятель сбитъ съ „большой дороги и долженъ былъ идти въ поле совершенно „разсѣянный, гдѣ довольно одной холодной ночи и безъ преслѣ- „дованія для его гибели...

„Если гвардія непріятельская еще въ Красномъ, то нѣтъ „сомнѣнія, что, узнавъ о сегодняшнемъ происшествіи, она тамъ „не останется. Ваша Свѣтлость довершите пораженіе, если завтра „прибудетъ армія наша къ Красному и верстахъ въ двухъ оста- „новится въ позиціи отъ большой дороги. Непріятелю нѣтъ дру- „гаго пути къ отступленію, какъ на Красное, или правымъ бере- „гомъ Днѣпра. На Мстиславль, на Горки — невозможно. Сего- „дншнее движеніе отъемлетъ у нихъ всю надежду и безъ совер- „шенной гибели предпринять того невозможно. Не откажите, „ваша Свѣтлость, сего на Красное движенія. Завтра успѣхъ бу- „детъ совершенный. Отъ насъ зависитъ не подвергаться опас- „ности“.

Отсюда видно, что Ермоловъ настойчиво добивался того, чтобы рѣшительно обрушиться всѣми силами на непріятеля подъ Краснымъ.

То, что произошло въ дѣйствительности, не могло, понятно, удовлетворить этого пылкаго генерала и онъ, въ своихъ запискахъ, прямо называетъ наши дѣйствія въ Краснинскихъ бояхъ „нерѣшительными, медленными и робкими“.

Прибывъ вечеромъ этого же дня со всею своею гвардіей въ Красный, Наполеонъ сосредоточилъ здѣсь около 15 тысячъ чело-

вѣкъ. Узнавъ о расположеніи недалека, у Кутькова, отряда Ожаровскаго, онъ приказалъ атаковать его. Одна изъ дивизій молодой гвардіи (Роге) въ ночь на 4 ноября произвела на Ожаровскаго нечаянное ночное нападеніе, послѣ котораго онъ, съ большими потерями, отступилъ къ деревнѣ Палкиной.

Въ своихъ запискахъ Ермоловъ пишетъ про это дѣло такъ:

„Приблизившись къ Красному, не соблюлъ онъ (Ожаровскій) „должной осторожности, полагая, что отступающій непріатель „ничего не предприметь. Ночью графъ Ожаровскій стремительно „атакованъ гвардіею Наполеона въ большихъ силахъ. Велика „была потеря въ храбрѣмъ 19-мъ егерскомъ полку; особеннымъ „счастьемъ уцѣлѣла артиллерія и, при общемъ замѣшательствѣ, „темнота была спасительнымъ покровомъ“.

Узнавъ отъ захваченныхъ въ этомъ дѣлѣ плѣнныхъ о томъ, что Кутузовъ съ главными силами находится въ одномъ переходѣ отъ Краснаго, Наполеонъ принялъ смѣлое и вполне соответственное обстановкѣ рѣшеніе: остаться съ гвардіею въ Красномъ, чтобы обезпечить тѣ корпуса, которые еще не прошли этого пункта и, въ случаѣ надобности, прикрыть ихъ отступление.

Изъ предыдущихъ столкновеній подъ Вязьмою, при Духовщинѣ, на р. Воли, для Наполеона сдѣлалось уже яснымъ, что корпуса Даву и вице-короля пришли въ такое состояніе разстройства и дезорганизациі, что на серьезное ихъ упорство нечего было и рассчитывать.

Съ другой стороны, осторожный образъ дѣйствій Кутузова, а также нашихъ передовыхъ частей, когда они приходили въ соприкосновеніе съ гвардіею Наполеона и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ великій полководецъ находился на полѣ битвы и руководилъ дѣйствіями войскъ, показывалъ ему, что престижъ непобѣдимости его самого и его отборнаго войска еще стоитъ достаточно высоко. Подъ Краснымъ (какъ впоследствии на Березинѣ), Наполеонъ вознамѣрился воспользоваться всецѣло этою огромною силою психологическаго впечатлѣнія своего внезапнаго личнаго присутствія и, по выраженію извѣстнаго нѣмецкаго военнаго мыслителя Клаузевица, употребить въ дѣло „давно отложенный капиталъ — славу прежнихъ побѣдъ“...

**Генераль-лейтенантъ
Графъ А. П. Ожаровскій.**

Расположивъ въ самомъ городѣ Красномъ старую гвардію, дивизию молодой гвардіи онъ поставилъ впереди его, а конницу Латуръ-Мобура — правѣ ихъ.

* * *

Тѣмъ временемъ, 4 ноября Кутузовъ съ главными силами приблизился уже къ д.д. Новоселкамъ и Шилу, отъ Краснаго въ полу-переходѣ; Милорадовичъ же, со своимъ авангардомъ, передвинулся фланговымъ движеніемъ вдоль большой дороги къ деревнѣ Мерлино, около которой расположился опять во фланговой позиціи, гдѣ и ожидалъ до четырехъ часовъ пополудни слѣдующаго эшелона, корпуса вице-короля...

Корпусъ этотъ выступилъ изъ Смоленска 3 ноября, имѣя подъ ружьемъ не болѣе пяти тысячъ человекъ и множество безоружныхъ, окруженный со всѣхъ сторонъ тучами преслѣдующихъ ихъ казаковъ. Удрученные ужаснымъ зрѣлищемъ остатковъ „великой арміи“, окаймлявшихъ, на подобіе гигантскаго кладбища, дорогу, солдаты вице-короля (по ббльшей части впечатлительные итальянцы), сами на каждомъ шагу бросали оружіе, повозки и орудія, падая отъ изнеможенія и психическаго разстройства въ снѣгъ.

Принцъ Евгений Виртембергскій, дивизія котораго опять находилась въ головѣ, со свойственною ему пылкостью, не выждавъ приказанія, выдвинулъ сорокъ четыре орудія и, расположивъ ихъ за оврагомъ, *поперекъ* дороги, открылъ жесточайшій артиллерійскій огонь по приближавшемуся противнику. Позади артиллеріи стала 4-я дивизія, къ которой нѣсколько позже подошли 26-я дивизія Паскевича и 12-я дивизія. Первоначально головныя части итальянцевъ были разсѣяны, но вскорѣ прибывшій лично вице-король возбудилъ своихъ гвардейцевъ, примѣру которыхъ послѣдовали прочіе, еще не впавшіе въ апатію, воины, и повелъ ихъ въ атаку на позицію Милорадовича.

Ермоловъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ, что натискъ этихъ геройскихъ, воодушевленныхъ до отчаянія, войскъ, былъ настолько силенъ, что наши войска потерпѣли значительный уронъ; одна непріятельская колонна, первоначально отброшенная, оправилась, возвратилась и вышла въ тылъ 4-й дивизіи; но на выручку

прилетѣла, какъ буря, конница Меллера-Закомельскаго и безумно-смѣлая атака вице-короля была отражена. Во время этой атаки конницы Московскій драгунскій полкъ врубился въ наиболѣе отдаленную колонну непріятельской пѣхоты: но кони были истощены атакою до послѣдней степени, такъ что болѣе не могли скакать. Однако, сама пѣхота противника настолько была изнурена, что люди, не имѣя силъ защищаться, прямо бросали оружіе и сдавались въ плѣнъ.

Расчитывая побудить всѣ силы противника къ сдачѣ, Милорадовичъ послалъ къ вице-королю полковника князя Кудашева въ качествѣ переговорщика. Но на это предложеніе приказано отвѣтить рѣшительнымъ отказомъ...

Если бы Милорадовичъ рискнулъ преградить итальянцамъ путь на Красное всѣми бывшими въ его распоряженіи силами, то, надо думать, что корпусъ вице-короля уже въ этотъ день пересталъ бы существовать. Но Милорадовичъ слѣдовалъ указаніямъ главнокомандующаго, котораго все время рекомендовали избѣгать рѣшительнаго столкновенія съ непріателемъ.

Вице-король Евгенийъ между тѣмъ рѣшился, пользуясь наступившею уже темнотою, пробиться въ Красное окольнымъ путемъ, свернувъ отъ большой дороги вправо. Это удалось выполнить ему подъ покровомъ ночи, всего съ 3.500 человекъ, причемъ день боя подъ Мерлинымъ стоилъ вице-королю одними плѣнными болѣе двухъ тысячъ человекъ; кромѣ того, онъ потерялъ знамя (взятое Каргопольскими драгунами) и, по роковой ироніи судьбы, снова всю свою артиллерію. Взамѣнъ орудій, потерянныхъ на рѣкѣ Вопи, корпусу вице-короля дана была въ Смоленскѣ новая артиллерія — семнадцать орудій, которыя и сдѣлались опять нашею добычею...

Съ нашей стороны потери въ бою у Мерлина не превышали 800 человекъ.

Такимъ образомъ, вмѣсто полного истребленія остатковъ корпуса вице-короля, имъ, въ бою 4 ноября подъ Мерлинымъ, нанесенъ былъ только огромный ущербъ.

* * *

Видя, что противникъ, несмотря на всѣ выгоды своего положенія (возможность бить по одиночкѣ подходящіе эшелоны

одинъ за другимъ превосходными силами) не пользуется этими выгодами въ полной мѣрѣ, а ограничивается лишь нанесеніемъ проходящимъ эшелонамъ возможно ббльшихъ потерь однѣми передовыми частями, Наполеонъ рѣшилъ искупить недостатокъ своихъ силъ смѣлостью замысла.

Этотъ великій знатокъ сердца человѣческаго отлично зналъ, до какой степени подобная смѣлость, вполне понятная его искушеннымъ опытомъ бойцамъ, способна удесятерить ихъ духъ и дать надежду на успѣшный исходъ ихъ ударовъ даже противъ силъ превосходныхъ. Съ другой стороны, и на русскихъ рѣшительный переходъ въ наступленіе со стороны противника, къ которому уже начали привыкать относиться съ нѣкоторой свободой, долженъ былъ также подѣйствовать ошеломляюще.

Однако, Наполеонъ рѣшилъ перейти въ наступленіе вовсе не съ цѣлью ввязаться въ серьезное сраженіе съ Кутузовымъ. Онъ ставилъ себѣ задачей только выигрышь времени и мѣста для того, чтобы могли безнаказанно проскользнуть мимо Краснаго оставшіеся въ тылу корпуса Даву и Нея.

Въ свою очередь Кутузовъ, готовясь къ бою подъ Краснымъ не столько по собственному побужденію, сколько подъ давленіемъ настояній своихъ сподвижниковъ и подъ вліяніемъ опасенія навлечь на себя неудовольствіе Государя, всячески старался обставить дѣло такъ, чтобы не сдѣлать малѣйшаго рискованнаго шага.

Прежде составленія плана атаки непріятели подъ Краснымъ, фельдмаршалъ поручилъ графу Ожаровскому выяснить: остановилась ли непріятельская армія въ Красномъ или продолжаетъ движеніе далѣе, а также—гдѣ именно находится императорская гвардія? Точно также Сеслаvinу приказано было выяснить точно, захвативъ „языка“: какія именно войска находятся въ Красномъ и какія выступили оттуда, „ибо (прибавлялось въ предписаніи) безъ сего фельдмаршалъ не предполагаетъ атаковать непріятели“.

Сеславинъ доставилъ свѣдѣніе *), что Наполеонъ отошелъ къ Лядамъ. Только тогда Кутузовъ, уступая настоятельнымъ просьбамъ Коновницына и Толя (къ которымъ присоединился еще

*) Оказавшееся въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, невѣрнымъ: туда отошли лишь головные корпуса Жюно и Понятовскаго...

и голосъ Ермолова, записку коего мы уже приводили выше), согласился, наконецъ, атаковать непріятеля у Краснаго 5 ноября, направивъ главный ударъ на Оршинскую дорогу, къ д. Доброе, чтобы отрѣзать корпуса Даву и Нея.

Съ этою цѣлью, по составленной Толемъ диспозиціи:

1) V, VI и VIII пѣхотные корпуса, съ 1-ю кирасирскою дивизіей, подъ начальствомъ Тормасова, направлены были отъ Новоселокъ, черезъ Кутьково, къ Доброму, при чемъ авангардъ этой колонны долженъ былъ выступить въ 6 часовъ утра, а главныя силы въ 7 часовъ утра.

2) *Милорадовичъ*, съ его II и VII пѣхотными и II и IV кавалерійскими корпусами, долженъ былъ стать у деревень Никулиной и Паріоновой и, пропустивъ мимо себя непріятеля, атаковать его съ тыла.

3) *Няязю Голицыну* съ III пѣхотнымъ корпусомъ и 2-ю кирасирскою дивизіей, составляя, въ сущности, боковой авангардъ, прикрывающій фланговое движеніе Тормасова, приказано было атаковать непріятеля во флангъ, со стороны д. Уваровой.

4) *Остерманъ-Толстой*, съ его IV корпусомъ, долженъ былъ отъ дер. Кобозева передвинуться къ Корытнѣ и демонстрировать по направленію къ Смоленску.

* * *

Наполеонъ рассчитывалъ, что его неожиданная атака на Кутузова заставитъ послѣдняго притянуть къ себѣ Милорадовича, благодаря чему Даву, а затѣмъ, быть можетъ, и Нею, смогутъ пройти къ Красному.

Сообразно такимъ предположеніямъ, Наполеонъ, въ ночь съ 4 на 5 ноября, отдалъ нижеслѣдующія приказанія:

а) Маршалу Мортье, съ остатками двухъ дивизій молодой гвардіи, велѣно было двинуться вдоль большой Смоленской дороги; за нимъ должна была наступать старая гвардія съ 30 орудіями, а въ резервѣ оставлена была только конница: гвардейская и Латуръ-Мобура. Оборона города Краснаго возложена была на дивизию Клапареда, къ которой присоединены были отсталые различныхъ полковъ и нѣсколько орудій гвардейской артиллеріи.

Общее число всѣхъ войскъ, находившихся подъ личнымъ начальствомъ Наполеона, не превышало пятнадцати тысячъ человекъ, съ пятьюдесятью орудіями. Изъ этой артиллеріи только та, которая была при молодой гвардіи, могла двигаться вмѣстѣ съ войсками; остальные пушки, запряженныя каждая двѣнадцатью и даже болѣе изнуренными лошадьми, еле-еле тащившими ноги, могли передвигаться, и то съ большимъ трудомъ, только по дорогѣ. Остатки корпуса вице-короля, совершенно разстроеннаго боемъ у Мерлина и потерявшаго всю артиллерію, были оставлены въ Лядахъ, какъ неспособные къ бою.

При изложенныхъ обстоятельствахъ и при томъ состояніи, въ которомъ находилась армія Наполеона, составленный имъ планъ являлся, можно сказать, единственнымъ способомъ, помощью котораго можно было рассчитывать спасти остатки арміи.

Роль бокового авангарда для прикрытія фланговаго передвиженія оставшихся въ тылу корпусовъ Наполеонъ возлагаетъ на свои отборныя войска, наиболѣе крѣпкія духомъ и тѣломъ и еще почти ни разу не бывшія въ дѣлѣ. Зная же, каково огромное вліяніе его личнаго присутствія, какъ на свои собственныя войска, такъ и на непріятельскія, особенно же на предводителей, онъ беретъ самоотверженно это важное дѣло въ свои руки.

Надо отдать въ данномъ случаѣ полную справедливость нашему великому противнику: въ критическія минуты онъ проявлялъ поразительное величіе духа и этимъ достигалъ необычнаго подъема физическихъ и моральныхъ силъ у всѣхъ своихъ подчиненныхъ.

Что касается плана, составленнаго Кутузовымъ, то онъ, по существу, былъ весьма хорошъ и могъ привести, въ случаѣ удачи, къ весьма рѣшительнымъ результатамъ.

Кутузовъ располагалъ, безъ Милорадовича и Остермана, силами, вдвое превосходными противъ непріятеля, а если прибавить еще и ихъ, то — почти тройными силами и, при намѣченномъ имъ планѣ, могъ рассчитывать совершенно преградить Наполеону путь на Оршу, а также и обратный путь къ Смоленску; съ сѣверной же стороны преграждало дорогу теченіе Днѣпра, на которомъ между Оршей и Смоленскомъ не было мостовъ, а у Наполеона не имѣлось никакихъ средствъ для устройства переправы.

•

При такихъ обстоятельствахъ рѣшительный образъ дѣйствій съ нашей стороны могъ обѣщать самые полные результаты, т. е. можно было рассчитывать, какъ на то и надѣялись Ермоловъ и его единомышленники, достигнуть полного окруженія и плѣненія Наполеона со всею его арміею.

Бой 5 ноября подъ Краснымъ. Отступление французовъ. Бой у села Добраго.

Участь арьергарда Нея. Бой 6 ноября у Краснаго. Отступление Нея на сѣверный берегъ Днѣпра и прибытіе его кружнымъ путемъ въ Оршу.

Результаты и оцѣнка боевъ подъ Краснымъ.

аршалъ Даву, съ остатками своего корпуса, выступивъ изъ Смоленска 4 ноября, къ вечеру этого дня съ головною дивизіей заночевалъ за Корытней; остальные дивизіи остановились на дорогѣ въ томъ самомъ порядкѣ, какъ они двигались. Вскорѣ по прибытіи на ночлегъ, Даву получилъ одновременно два неутѣшительныхъ извѣстія: во-первыхъ, о разбитіи корпуса вице-короля близъ д. Мерлино, а затѣмъ — о присутствіи войскъ Милорадовича на путяхъ къ Красному. Ясно было, что Даву не имѣлъ возможности выждать прибытія арьергарда Нея, какъ предполагалъ раньше; ему нужно было, наоборотъ, спѣшить съ отступленіемъ, такъ какъ русскіе, заградившіе ему дорогу, могли еще усилиться.

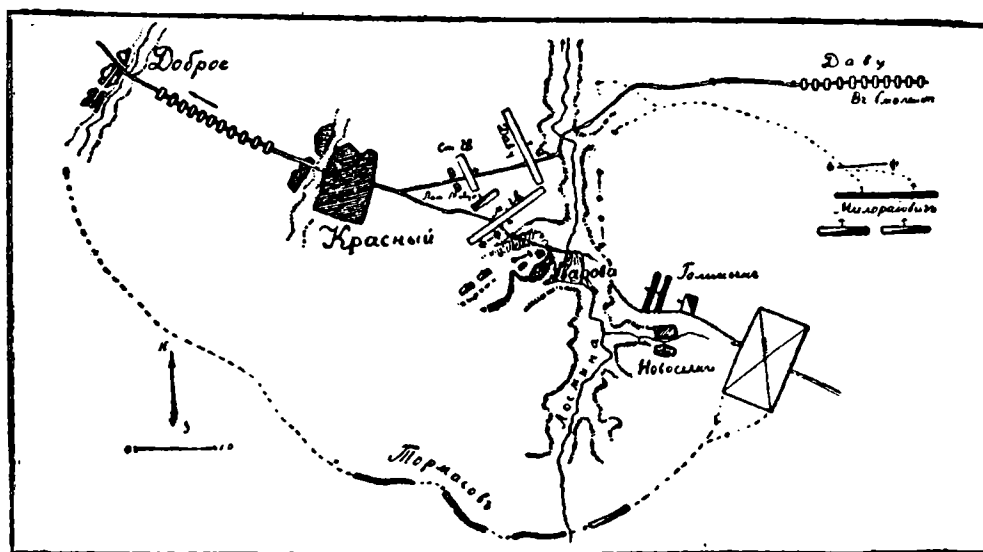
Поэтому Даву продолжалъ свое движеніе уже 5-го числа въ три часа утра, въ полной готовности къ бою.

На мѣстѣ боя у дер. Мерлино, гдѣ наканунѣ сражался вице-король, никакого сопротивленія встрѣчено не было; только казачьи партіи, показывавшіяся со всѣхъ сторонъ, слѣдили за движеніемъ французовъ.

Дѣло въ томъ, что Милорадовичъ ночью сдѣлалъ опять фланговое движеніе къ деревнѣ Паріоновой, около которой по прежнему расположился параллельно большой дорогѣ, карауля проходъ корпуса Даву.

Въ этомъ положеніи онъ находился значительно ближе къ остальнымъ силамъ Кутузова и потому, въ случаѣ нужды, могъ дѣйствовать съ ними въ связи.

Схема боя 5 ноября у Краснаго.

Около девяти часовъ утра головная колонна Даву поравнялась съ позиціей авангарда. Тотчасъ же нашъ II пѣхотный корпусъ, имѣвшій наготовѣ пятьдесятъ два орудія, засыпалъ непріятеля жестокимъ артиллерійскимъ огнемъ, а самъ устремился въ атаку на непріятеля. Французы, истребляемые нашей канонадой, наносившей сильный уронъ густымъ колоннамъ, разсѣивались, укрываясь въ лѣсахъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ дороги...

Сражение подъ Красныиъ, 5-го ноябри.

Съ картииы П. Гессъ.

Тѣ же колонны, которыя, все-таки попытались пробиться, встрѣчены были штыками нашихъ гренадеръ и полковъ 3-й пѣхотной дивизіи, которые въ этотъ день приданы были къ авангарду Милорадовича. Одну изъ колоннъ лихо атаковала наша гвардейская конница: полки лейбъ-гвардіи Драгунскій, Гусарскій и Уланскій, но глубокой снѣгъ, лежавшій по сторонамъ дороги во рвахъ, не далъ возможности совершенно истребить ее, такъ что часть ея, отстрѣливаясь, все-таки проскользнула къ Красному...

Тѣмъ временемъ колонна Тормасова, въ предшествіи авангарда Розена, двинулась въ назначенное диспозиціей время по указанному направленію; князь же Голицынъ, занявъ однимъ полкомъ селеніе Уварово, находившееся западнѣе глубокаго оврага съ ручьемъ Лосминой, пересѣкавшего большую дорогу въ трехъ верстахъ не доходя города Краснаго, готовился перейти тотъ же оврагъ остальными своими силами и затѣмъ атаковать непріятеля.

Этотъ ударъ, по замыслу Кутузовской диспозиціи, долженъ былъ привлечь вниманіе противника къ фронту и тѣмъ облегчить задачу обходной колоннѣ Тормасова.

Но Наполеонъ, какъ извѣстно, предупредилъ это намѣреніе своимъ переходомъ въ наступленіе.

Обѣ стороны совершенно правильно придавали первенствующее значеніе селенію Уварову, такъ какъ близъ деревни этой находилась командующая высота, обладаніе которой предоставляло обѣмъ сторонамъ значительныя выгоды.

Французы, овладѣвъ ею, могли имѣть въ ней прочную опору своей позиціи, которая, надежно прикрывая дорогу къ Красному, обстрѣливала бы всѣ подступы наступающаго, вынужденнаго подъ огнемъ съ нея переходить глубокой Лосминскій оврагъ.

Для русскихъ, наоборотъ, необходимо было предварительно завладѣть д. Уваровой и этою высотой, чтобы обезпечить себѣ свободный и сравнительно безопасный переходъ того же оврага.

Наполеонъ развернулъ свою гвардію тыломъ къ большой Смоленской дорогѣ почти параллельно ей. Въ боевую часть назначена была молодая гвардія, при чемъ ея правый флангъ находился впереди Краснаго, а лѣвый примыкалъ къ Лосминскому оврагу;

конница Латурь-Мобура поддерживала молодую гвардію сзади, а еще далѣе въ глубину, на самой дорогѣ, оставалась въ полковыхъ колоннахъ старая гвардія, съ двѣнадцатью орудіями гвардейской конной артиллеріи, прислуга которой давно уже потеряла своихъ коней.

Тутъ же находился и самъ Наполеонъ, въ томъ самомъ зимнемъ, такъ называемомъ „польскомъ“, костюмѣ, въ которомъ онъ уже совершилъ пѣшкомъ часть перехода передъ Смоленскомъ, опираясь на березовую палку. Костюмъ этотъ состоялъ изъ мѣхового, подбитаго соболемъ, польскаго кунтуша и польской же мѣховой шапки съ наушниками и назатыльникомъ.

Вмѣстѣ съ нимъ находились, также спѣшившись, Бертье и часть офицеровъ главной квартиры.

Когда одинъ изъ генераловъ, приближенныхъ Наполеона, замѣтилъ ему, что онъ можетъ подвергнуться здѣсь большой опасности, въ виду значительнаго превосходства непріятельскихъ силъ, императоръ сказалъ въ отвѣтъ:

„Довольно уже я побылъ императоромъ; пора снова сдѣлаться генераломъ!“ („J'ai assez fait l'empereur; il est temps de faire le général!“).

Этими словами полководецъ подчеркивалъ важность наступавшей минуты, когда спасеніе остатковъ арміи требовало самопожертвованія и отъ него самого. Такое поведеніе полководца-императора, способствуя напряженію духовныхъ и физическихъ силъ арміи до наивысшей степени, должно было служить для всѣхъ примѣромъ.

Молодая гвардія, поддержанная голландскими гренадерами изъ головного эшелона Даву, ворвалась въ деревню Уварову; но ей удалось овладѣть только частью селенія, несмотря на то, что Наполеонъ двинулъ на помощь всѣ войска головной дивизіи Даву, перебравшіяся черезъ Лосминскій оврагъ.

Князь Голицынъ поддержалъ занимавшій Уварову Черниговскій пѣхотный полкъ Селенгинскимъ, а съ праваго берега Лосмины дѣйствовала весьма успѣшно его артиллерія, продольно обстрѣливая атакующихъ французовъ и вырывая изъ ихъ рядовъ обильныя жертвы... Не довольствуясь этимъ и желая еще уси-

**Генераль-лейтенантъ
Баронъ И. М. Дука 1-й.**

лить дѣйствительность огня своей артиллеріи, Голицынъ перевелъ на ту сторону кирасирскую бригаду ген.-м. Дуки (полки Новгородскій и Малороссійскій), подъ прикрытіемъ которой, часть нашей артиллеріи перешла черезъ оврагъ, при чемъ конной артиллеріи полковникъ Никитинъ подскакалъ къ большой дорогѣ на дистанцію ружейнаго выстрѣла и билъ картечью по подходящимъ колоннамъ Даву.

Всѣ эти мѣры, особенно молодецкія самоотверженныя дѣйствія означенной артиллеріи, позволили Голицыну удержать въ своихъ рукахъ часть селенія Уварова и, главное, командующую высоту.

Расчитывая совершенно основательно, что авангардъ Милорадовича, перейдя въ наступленіе прогивъ Даву, прикроетъ его правый флангъ, Голицынъ рѣшилъ дѣйствовать наступательно.

Весь III пѣхотный корпусъ, кромѣ одной гренадерской бригады, оставленной на правомъ берегу Лосмины въ резервѣ, былъ направленъ на ту сторону оврага; въ это самое время французы повторили попытку овладѣть Уваровымъ, бросивъ въ атаку гвардейскій вольтижерскій полкъ.

На выручку ринулись кирасиры Дуки, задержавшіе эту атаку, но все же потомъ отраженные огнемъ вольтижеровъ, быстро свернувшись въ каре.

Тѣмъ временемъ Тормасовъ со своею колонной продолжалъ движеніе обходнымъ путемъ; однако Кутузовъ, получивъ точное свѣдѣніе о нахожденіи у Краснаго самого Наполеона со старою гвардіей, приказалъ пріостановить обходную колонну.

Одинъ изъ очевидцевъ дѣла подъ Краснымъ, Щербининъ, въ своихъ запискахъ рассказываетъ, что Кутузовъ изъявилъ согласіе на направленіе Тормасова съ частью арміи въ глубокой обходъ только при томъ условіи, если не самъ Наполеонъ командуетъ войсками въ Красномъ.

Во время боя приведенъ былъ плѣнный баварскій капитанъ, котораго фельдмаршалъ лично разспрашивалъ, чтобы выяснить, что именно находится въ числѣ французскихъ войскъ впереди Краснаго. Отвѣты плѣннаго офицера не были достаточно опредѣленны; но вскорѣ Кутузовъ получилъ другія извѣстія, убѣдившія его въ томъ, что самъ императоръ французовъ находится именно здѣсь...

Въ свое время мы будемъ подробно останавливаться на выясненіи образа дѣйствій нашего главнокомандующаго въ этотъ второй періодъ войны, образъ дѣйствій, навлекшій на него градъ упрековъ и осужденій, какъ со стороны ближайшихъ его сотрудниковъ, такъ и въ средѣ тогдашняго образованнаго общества и, въ концѣ концовъ, повліявшій на ухудшеніе отношеній къ нему самого Императора Александра.

Кутузовъ все время держался неуклонно своей первоначальной идеи: „*постепеннаго истребленія непріятеля*“ и потому всячески избѣгалъ такихъ положеній, въ которыхъ можно было, рискуя, пожертвовать вѣрнымъ и несомнѣннымъ, хотя и менѣе блестящимъ успѣхомъ, въ погонѣ за быстрою и рѣшительною побѣдою, въ которой, однако, никогда нельзя быть вполне увѣреннымъ.

Зная отлично смѣлость и рѣшительность Наполеона, особенно въ критическіе моменты, Кутузовъ ни минуты не могъ сомнѣваться въ томъ, что пребываніе его самого въ Красномъ, въ роли какъ бы начальника бокового авангарда арміи, знаменуетъ съ его стороны какой либо отчаянный замыселъ.

А такъ какъ задуманный имъ планъ наступленія, несмотря на все превосходство нашихъ силъ приводилъ все-таки къ ихъ раздѣленію, и такъ какъ — что самое главное — *дѣйствительное состояніе войскъ непріятеля и ихъ истинная численность въ данную минуту* не могли быть Кутузову извѣстны, то ясно, что упреки въ „робости и нерѣшительности“, которые такъ охотно раздавались у насъ по адресу Кутузова за его образъ дѣйствій при Красномъ, приходится значительно смягчить и произносить съ большею долею осторожности.

Въ этомъ отношеніи совершенно основательно говоритъ (по поводу нападокъ на Кутузова) высокоавторитетный критикъ Г. А. Лееръ.

„Положеніе противника на войнѣ — данная *гадательная*; для „критика же эта данная — *точная, положительная*. Въ данномъ „случаѣ самое смѣлое воображеніе не могло себѣ представить „истиннаго положенія французской арміи въ эту минуту.

„При изученіи военной исторіи, чтобы не впасть въ ошибку „при оцѣнкѣ военныхъ дѣйствій, не слѣдуетъ упускать изъ виду „существенной разницы въ положеніи *руководителя дѣйствіями въ „поль и критика въ кабинетѣ*.

Генералъ - отъ - кавалеріи
Графъ А. П. Никитинъ.

„Для *перваго* война является средой сильнаго сопротивленія, „преисполненнаго опасностей, неожиданностей, отвѣтственностей, „всякаго рода треній, инерціи массъ; для *второго* всего этого не „существуетъ, его не волнуютъ никакія неизвѣстности, ни страхъ „отвѣтственности; отъ того то ему и кажется, что все *желатель-* „*ное* въ кабинетѣ есть уже и *возможное* на войнѣ.

„Еще существенная разница между военнымъ дѣятелемъ и „критикомъ заключается въ томъ, что критикъ, разбирая событіе, „стоитъ передъ *опредѣленнымъ результатомъ* (успѣхомъ или не- „удачей), которымъ уже до извѣстной степени предопредѣляется, „закупается его сужденіе, въ то время, какъ руководящій дѣй- „ствіями стоитъ передъ *ожидаемымъ* (желательнымъ) результатомъ.

„Для вѣрнаго сужденія, критику необходимо вполнѣ отожде- „ствиться съ положеніемъ того лица, дѣйствія котораго онъ раз- „бираетъ, что крайне трудно, а безъ этого нѣтъ безпристрастной „(объективной) критики“...

* * *

Какъ только эшелоны Даву перебрались черезъ Лосминскій оврагъ, Наполеонъ рѣшилъ продолжать отступленіе, предоставивъ арьергардъ его собственной участи. Дѣйствительно, маршалъ Ней только выступилъ въ этотъ день изъ Смоленска; выжидать его— значило бы рисковать всѣми остальными войсками, даже не зная о движеніи русской обходной колонны на село Доброе.

Поэтому Наполеонъ распорядился слѣдующимъ образомъ.

Сперва начали отходить по направленію къ Оршѣ, одна за другою, дивизіи Даву, кромѣ одной, послѣдней, на которую были возложены обязанности арьергарда, при чемъ ей приказано было удерживаться въ городѣ Красномъ и прикрывать отходъ прочихъ войскъ.

Прежде всего отведены были войска, выдвинутыя для атаки Уварова; за ними вытянулась старая гвардія, потомъ — молодая и, наконецъ, въ арьергардѣ, дивизія корпуса Даву.

Какъ только князь Голицынъ замѣтилъ отступленіе французъ, онъ тотчасъ же снова бросилъ на нихъ въ атаку кирасирскую бригаду Дуки, и двинулъ пѣхотные полки Ревельскій и Муромскій, подъ команду князя Шаховскаго. Конная артиллерія

наша вынеслась на высоту и огнем преслѣдовала отступающихъ французовъ, приведя въ разстройство каре вольтижеровъ 1-го полка молодой гвардіи, на которое затѣмъ ринулись въ штыки съ фронта Ревельцы и Муромцы, лично предводимые княземъ Шаховскимъ, а съ фланга на нихъ ударили кирасиры Дуки. Вольтижеры были истреблены почти до-чиста: изъ всего каре уцѣлѣли только попавшіе въ плѣнъ полковой командиръ, да нѣсколько офицеровъ.

Около полудня войска князя Голицына совершенно почти сбили непріятеля съ позиціи впереди Краснаго и преслѣдовали ихъ одною конницею, вмѣстѣ съ конною артиллеріею. При этомъ снова отличился со своею конною ротою полковникъ Никитинъ, „коего дѣятельность, храбрость и искусство (по отзыву князя „Голицына) превышали всякую похвалу“. Онъ подскочилъ со своею ротою на самое близкое разстояніе къ лѣвому флангу отступающихъ французовъ, обсыпая его картечью и привелъ въ совершенное разстройство. Мало этого, обогнавъ преслѣдовавшую непріятеля конницу, онъ построилъ своихъ канонировъ въ эскадронъ и неотступно гналъ съ ними по улицамъ города Краснаго бѣгущаго непріятеля, захвативъ при этомъ *три* орудія.

Кирасиры довершили полное разстройство непріятеля. Одна изъ колоннъ, не успѣвшая достигнуть города, была отрѣзана бригадой генераль-маіора Кретова (кирасирскіе полки Военнаго ордена и Екатеринославскій) и почти совершенно истреблена.

Видя, что одинъ Голицынъ, даже безъ поддержки Милорадовича (почему то въ этотъ день не довершившаго до конца возложенной на него задачи и только обстрѣливавшего по пути колонны Даву, вмѣсто того, чтобы, совместно съ Голицынымъ, атаковать ихъ) одерживаетъ надъ французами столь блестящій успѣхъ, Кутузовъ рѣшилъ возобновить прерванный было обходъ Торماسова и послалъ ему соотвѣтствующее приказаніе.

Но колонна Торماسова была задержана на цѣлыхъ 3 часа; поэтому, какъ ни ускорено было движеніе, но къ Доброму успѣлъ выйти, и то уже въ сумерки, только авангардъ колонны, подъ начальствомъ ген.-м. барона Розена.

Надо сказать, что движеніе колонны Торماسова не могло совершаться быстро уже потому, что путемъ ея слѣдованія была проселочная дорога, сплошь заваленная глубокимъ снѣгомъ.

**Генераль-лейтенантъ
Баронъ Г. В. Розень 1-й.**

Въ то время когда Розень приближался къ Доброму, Наполеонъ съ гвардіей и ббльшею частью корпуса Даву уже подходилъ къ Лядамъ. Только авангардная дивизія Даву продолжала еще отступать между Краснымъ и Добрымъ.

Городъ Красный былъ въ это время уже въ рукахъ князя Голицына.

Генераль Розень пустиль въ атаку на настигнутаго въ Добромъ непріятеля своихъ кирасиръ; вслѣдъ за ними л.-гв. Егерскій и Финляндскій полки перехватили отступающему арьергарду путь отступленія и стали гнать ихъ обратно къ Красному. Одинъ французскій полкъ былъ совершенно уничтоженъ, а два разсыяны и разбѣжались по лѣсамъ.

Ворвавшись въ городъ, лейбъ-егеря и финляндцы захватили оставленныя въ немъ орудія, всѣ тяжести, множество повозокъ и экипажей, часть канцеляріи самого Наполеона и маршала Даву и, наконецъ, его маршальскій жезлъ.

Этимъ подвигомъ завершился день 5 ноября. Въ этотъ день мы взяли однихъ плѣнныхъ болѣе *шести* (по другимъ свѣдѣніямъ — болѣе *девяти*) тысячъ; 45 (а по другимъ свѣдѣніямъ — 70) орудій, два знамени; войскамъ досталась огромная добыча.

Потери съ нашей стороны были, сравнительно, ничтожныя: нашъ уронъ не превышалъ 700 человекъ!

Къ вечеру 5 ноября Наполеонъ прибыль въ Ляды, куда подтянулъ остатки гвардіи и корпусъ Даву; на слѣдующій день они двинулись къ Дубровнѣ.

Ночь съ 5 на 6 ноября русскія войска провели слѣдующимъ образомъ:

Войска колонны Торماسова бивакировали между Краснымъ и Добрымъ, фронтомъ къ Оршѣ.

Князь Голицынъ, занявъ Красный одною дивизіей, съ остальными войсками ночевалъ не доходя города.

Войска Милорадовича частью продвинулись за Красный, частью ночевали восточнѣе города, близъ Лосминскаго оврага.

Кутузовъ, къ вечеру этого дня, перенесъ свою главную квартиру въ Доброе. Видя множество захваченныхъ плѣнныхъ и орудій и чувствуя въ войскахъ побѣдное настроеніе, фельдмаршалъ поднялъ въ галопъ своего коня, подскакалъ къ войскамъ и, ука-

завъ на отбитые трофеи, обратился къ солдатамъ съ краткою воодушевляющею рѣчью, послѣ которой провозглашенное имъ „ура“ быстро прокатилось по всей арміи торжествующимъ побѣднымъ гуломъ...

Въ бою 5 ноября, если и не было достигнуто полного истребленія той части французской арміи, которая задержалась близъ Краснаго — вполне возможной по обстановкѣ — все же нанесенъ былъ непріятелю огромный матеріальный и нравственный ущербъ.

Обѣ стороны, особенно въ схваткѣ у деревни Уваровой, дѣйствовали съ большою доблестью и искусствомъ. Чрезмѣрно на этотъ разъ былъ остороженъ Милорадовичъ, для котораго болѣе рѣшительный образъ дѣйствій не былъ въ данномъ случаѣ сопряженъ съ особымъ рискомъ, въ виду удаленности арьергарда Нея.

О соображеніяхъ, которыми руководствовался Кутузовъ, мы уже говорили выше.

* * *

Но еще не все было кончено. Оставался еще корпусъ Нея, котораго Наполеонъ сознательно считалъ обреченнымъ на неминуемую гибель...

Великій полководецъ горько сожалѣлъ о своемъ безстрашномъ маршалѣ, заслужившемъ въ арміи прозвище „храбрѣйшаго изъ храбрыхъ“ (le brave des braves), считая потерю его невознаградивою именно при теперешнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ.

„У меня 200 милліоновъ франковъ въ Тюльерійскихъ подвалахъ — сказалъ онъ одному изъ своихъ приближенныхъ — и я бы всѣ ихъ отдалъ за маршала Нея“.

Будучи въ арьергардѣ всей арміи, Ней вступилъ въ Смоленскъ значительно позднѣе прочихъ корпусовъ, а именно 3 ноября послѣ полудня, когда уже близъ деревни Мерлино шелъ бой корпуса вице-короля съ Милорадовичемъ.

Занимавшія городъ съ утра войска Даву разграбили до-чиста всѣ остатки запасовъ въ продовольственныхъ магазинахъ, не исключая тѣхъ, которые были назначены для корпуса Нея.

Въ тотъ же день, послѣ полудня, Платовъ, съ своимъ казачьимъ отрядомъ, подошелъ къ городу съ сѣвера; 20-му егерскому полку полковника Кайсарова онъ приказалъ, вмѣстѣ съ разсыпан-

ною сотней казаковъ, атаковать Петербургское предмѣстье, а четыре казачьихъ полка генерала Мартынова послалъ со стороны Московскаго предмѣстья. Ней отгѣснилъ слабый отрядъ Кайсарова и, выставивъ здѣсь батарею, держалъ его въ почтительномъ отдаленіи, пока Платовъ не подкрѣпилъ отряда Кайсарова всею своею артиллеріей, еще однимъ полкомъ егерей и двумя драгунскими полками. Повторенная умноженными силами эта атака имѣла полный успѣхъ и въ результатѣ Петербургское предмѣстье было совершенно очищено отъ непріятеля, который былъ потѣсненъ на другой берегъ Днѣпра.

Перестрѣлка черезъ рѣку продолжалась до глубокой ночи.

4 ноября въ Смоленскѣ вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ пожары, возникли беспорядки, чинимые, главнымъ образомъ, отсталыми и мародерами, а также больными и ранеными, застрявшими въ городѣ. Даву извѣщалъ Ней о бѣдѣ, постигшей вице-короля, и о томъ, что самъ онъ, въ виду опасности своего положенія, спѣшитъ къ Красному. Тѣмъ не менѣе Ней, имѣя указаніе Наполеона выступить изъ Смоленска 5-го, сдѣлавъ предварительно всѣ нужныя распоряженія для разрушенія Смоленскихъ стѣнъ и для приведенія въ негодность брошенной артиллеріи, рѣшилъ не отступать отъ нихъ.

„Казакі не заставятъ меня отступить отъ полученной инструкціи“ сказалъ онъ при этомъ.

Имѣя подъ ружьемъ восемь тысячъ пѣхоты, 300 кавалеристовъ и 12 орудій, да сверхъ того обременяемый 7-тысячною толпою безоружныхъ, Ней выступилъ изъ Смоленска, успѣвъ снабдить свои войска шинелями, обувью, патронами и трехдневной дачей провіанта.

Едва лишь хвостъ его колонны отошелъ отъ Смоленска версты на двѣ, какъ въ городѣ раздались взрывы, отъ заложенныхъ подъ башни подкоповъ. Но взрывы эти оказались болѣе гибельными для оставшихся въ городѣ французскихъ больныхъ и раненыхъ, чѣмъ для Смоленскихъ укрѣпленій. Повреждены были незначительно только восемь башенъ и королевскій бастіонъ.

Скрывавшіеся въ подвалахъ и другихъ убѣжищахъ смоляне бросились истреблять мародеровъ, продолжавшихъ заниматься

грабежомъ на Смоленскомъ пепелищѣ. Но вскорѣ въ городъ вступилъ нашъ 20-й егерскій полкъ и казаки, прекратившіе эти убійства.

Французскимъ раненымъ и больнымъ была оказана посильная помощь. Платовъ далъ командиру 20-го егерскаго полка, маіору Горихвостову, соответствующее предписаніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось слѣдующее:

„Раненыхъ и больныхъ непріятелей, которые найдутся въ „Смоленскѣ, продовольствовать, сколько по человѣчеству, столько „и по тому, что плѣнные ббльшею частью нѣмецкихъ націй и „итальянцы, и дабы чрезъ то показать имъ, что російское правительство поступаетъ съ военно-плѣнными совсѣмъ не такъ, „какъ имъ внушено. Російскимъ же больнымъ и раненымъ, если „они есть здѣсь, оказывать особенное призрѣніе“.

Распоряженіе, свидѣтельствующее не только о милосердіи христіанскаго русскаго воина, но и о политической проницательности славнаго казачьяго атамана!

Пусть припомнятъ читатели, какъ поступлено было съ нашими ранеными въ аналогичномъ случаѣ послѣ Бородина, по занятіи непріятелемъ Можайска...

Въ Смоленскѣ найдено было семнадцать русскихъ и сто сорокъ непріятельскихъ орудій, до шестисотъ разнаго типа повозокъ и болѣе четырехъ тысячъ больныхъ и отсталыхъ.

Оставя въ Смоленскѣ 20-й егерскій полкъ и назначивъ комендантомъ Горихвостова, Платовъ направилъ вслѣдъ за Неемъ, т. е. по дорогѣ къ Красному, генераловъ Грекова 1-го и Денисова, съ шестью казачьими полками, шестью эскадронами драгунъ и 4 орудіями; самъ же съ двѣнадцатю казачьими полками, однимъ егерскимъ полкомъ и остальными конными орудіями двинулся правымъ берегомъ Днѣпра, направляясь къ Катани...

У насъ предполагали, что 5-го числа всѣ французскія войска миновали Красное. Поэтому ближайшія къ Лосминскому оврагу войска Милорадовича располагались даже тыломъ къ этому оврагу, не имѣя никакихъ мѣръ охраненія и развѣдки къ сторонѣ Смоленска.

Генералъ-отъ-кавалеріи
Г. В. Грековъ.

Упущеніе это весьма характерно для Милорадовича, отличавшагося, какъ извѣстно, феноменальною безпечностью.

Къ счастью, казаки успѣли предувѣдомить наши войска о приближеніи колоннъ Нея, авангардъ котораго, въ три часа пополудни, уже переходилъ, подъ покровомъ густого тумана, Лосминскій оврагъ.

Этотъ авангардъ (дивизія Рикара), пользуясь внезапностью своего появленія, совершенно правильно бросился въ атаку безъ единого выстрѣла, захвативъ наши войска въ то время, когда они перестраивались въ боевой порядокъ фронтомъ на Смоленскъ.

Наткнувшись на наши батареи и даже прорвавшись сквозь нихъ, французы сначала имѣли успѣхъ; но наша 12-я дивизія бросилась въ контръ-атаку и отстояла орудія, а Паскевичъ съ 26-ю дивизіей ударилъ на лѣвый флангъ французовъ. Генераль Рикаръ былъ раненъ и дивизія его принуждена была отступить въ безпорядкѣ на главныя силы корпуса Нея.

Остальныя войска Милорадовича спѣшили къ Лосминскому оврагу на поддержку тѣхъ, которыя отбили первый ударъ врага. II кавалерійскій корпусъ перешелъ къ Лосмину близъ Уварова, направляясь въ обходъ непріятеля съ фланга; прочія войска развернулись поперекъ большой дороги, при чемъ на правомъ флангѣ—VII пѣхотный корпусъ, на лѣвомъ III (гренадерскій); II корпусъ оставленъ въ резервѣ, а также I кавалерійскій корпусъ и 2-я кирасирская дивизія.

Видя разстройство опрокинутой французской дивизіи Рикара, Милорадовичъ послалъ къ Нею переговорщика съ предложеніемъ положить оружіе. Однако Ней, подъ предлогомъ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ нами во время переговоровъ, задержалъ переговорщика, чтобы онъ не могъ сообщить намъ о жалкомъ состояніи французскихъ войскъ, а самъ направилъ въ атаку на нашу позицію дивизію Разу, подъ прикрытіемъ огня шести орудій; но скоро эта батарея была задавлена нашею многочисленною артиллеріею.

Тѣмъ не менѣе, воодушевленные Неемъ и не видя другого выхода изъ своего отчаяннаго положенія, слабыя французскіе батальоны смѣло потѣснили нашихъ стрѣлковъ и подошли вплотную къ русскимъ. Наши артиллеристы дали умышленно подойти не-

приятелю какъ можно ближе, а затѣмъ сразу засыпали злосчастныхъ героевъ жестокою картечью, которая опрокинула впередидущіе батальоны на сзади-идущіе и привела ихъ въ разстройство. Сдѣлавъ свое дѣло, артиллерія наша, по приказанію Милорадовича, взяла на задки и отъѣхала назадъ, а ближайшія пѣхотныя части ринулись на противника съ фронта и обоихъ фланговъ. Паскевичъ сталъ во главѣ Орловскаго и 5-го егерскаго полковъ и ударилъ на лѣвую колонну, шедшую по большой дорогѣ, разсѣявъ ея совершенно.

Милорадовичъ лично подскакалъ къ нашему лѣвому крылу, гдѣ были гренадеры 1-й дивизіи и, указавъ павловцамъ (нынѣ л.-гв. Павловскій полкъ) на ближайшія войска непріятели, сказалъ: „Дарю вамъ, ребята, эту колонну!“ Она была опрокинута и сброшена въ оврагъ съ большими потерями.

Что же касается средней колонны Нея, то ея атаковали гвардейскіе уланы, забравшіе всю бывшую при ней артиллерію и одно знамя.

Впечатлѣніе было такое, что войска Нея совершенно разбиты и разсѣяны. Поэтому Милорадовичъ, прекратилъ всякое преслѣдованіе, отвелъ свои войска къ Красному и расположилъ ихъ по квартирамъ.

Означенное впечатлѣніе подкрѣплялось еще и тѣмъ, что на разсвѣтѣ слѣдующаго дня въ Красный къ Милорадовичу явилась депутація отъ разсѣянныхъ по лѣсамъ непріятельскихъ солдатъ, которые выразили желаніе сдаться военноплѣнными.

Такихъ разсѣянныхъ вокругъ нашихъ биваковъ, оголодавшихъ, полузамерзшихъ, безоружныхъ людей было болѣе шести тысячъ.

Раевскій въ своихъ запискахъ свидѣтельствуетъ, что когда, послѣ боя 6-го числа, онъ расположился уже на отведенной для него квартирѣ, къ нему прибыли два офицера отъ пяти тысячъ французовъ, не желавшихъ, будто бы, никому сдаться, кромѣ генерала Раевского. „Такимъ образомъ — пишетъ Раевскій — взялъ я „въ плѣнъ пять тысячъ человекъ, не вставая съ постели“.

Три эскадрона лейбъ-уланъ, преслѣдовавшіе одну изъ колоннъ непріятели, которая уклонилась къ сѣверу отъ Краснаго, отрѣзали ей путь отступленія и захватили двѣ тысячи пятьсотъ человекъ, т. е. въ десять разъ болѣе наличнаго числа своихъ уланъ.

Естественно, что такое состояніе непріятельскихъ войскъ внушало намъ извѣстную безпечность, которая въ особенности была въ характерѣ генерала Милорадовича, про котораго, напримеръ, Ермоловъ, бывшій нѣкоторое время его ближайшимъ сподвижникомъ, пишетъ въ своихъ запискахъ такъ:

„Съ безпорядками..... Милорадовичъ не могъ разлучиться ни на одну минуту. Въ ежедневной дислокаціи войскъ авангарда назначалась его квартира, и ни одного разу онъ въ ней не находился. Посылаемые за приказаніями офицеры, сталкиваясь по дорогамъ, его разыскивали“...

Такое совпаденіе обстоятельствъ, т. е. присутствіе въ арьергардѣ нашемъ начальника, подобнаго Милорадовичу, сыграло какъ разъ въ руку маршалу Ней и дало возможность этому желѣзному человѣку спасти остатки своего корпуса.

* * *

Ночью съ 6-го на 7-е число Ней отобралъ три тысячи человѣкъ изъ наиболѣе сохранившихъ силы и бодрость духа и, руководствуясь только плохую картою, безъ проводника и безъ дороги, пошелъ вдоль теченія встрѣченнаго имъ ручья, рассчитывая, что онъ впадаетъ въ Днѣпръ, черезъ который Ней намѣренъ былъ перебраться и правымъ его берегомъ достигнуть Орши.

Подойдя къ деревнѣ, брошенной жителями, Ней собралъ на совѣщаніе всѣхъ своихъ дивизіонныхъ генераловъ и старшихъ офицеровъ, покаместъ солдаты кое-какъ отдыхали у костровъ.

Онъ выяснилъ собравшимся всю крайнюю опасность ихъ положенія, указавъ, что единственнымъ, хотя и слабымъ шансомъ къ спасенію было добратъся до Днѣпра и попытаться такъ или иначе переправиться на другой берегъ. Надо замѣтить, что средствъ для переправы никакихъ, конечно, не было, а рѣка только еще начинала затягиваться льдомъ.

Приказано было разложить какъ можно больше огромныхъ костровъ и оставить нѣсколько человѣкъ для ихъ поддержанія, а Ней съ оставшимися хвѣбцами двинулся дальше въ направленіи д. Сырокоренья, гдѣ, по словамъ захваченнаго въ проводники крестьянина, рѣка обыкновенно замерзаетъ раньше. Дѣйствительно, когда бѣглецы, ослѣпляемые густыми хлопьями снѣга, добрались

*

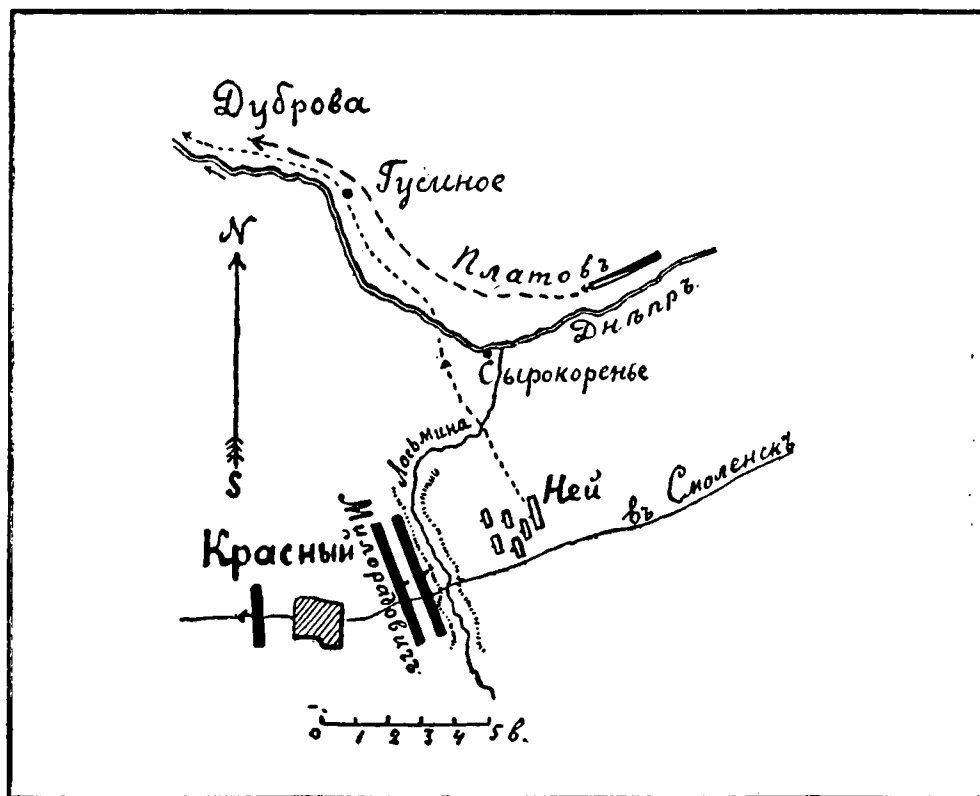
до Днѣпра, оказалось, что въ этомъ мѣстѣ рѣка, стѣсняемая крутыми берегами, уже замерзла, но ледъ еще былъ настолько тонокъ, что не выдерживалъ тяжести стоящаго человѣка.

Около полуночи Ней все же рѣшился на переправу, бросивъ артиллерію, обозы и раненыхъ. Съ величайшимъ трудомъ, пользуясь настилаемыми на ледъ досками и почти что ползкомъ или на четверенкахъ, перебрались черезъ рѣку остатки корпуса Ней, во главѣ со своимъ несокрушимымъ маршаломъ.

Далѣе Ней двинулся вдоль теченія рѣки, на д.д. Гусиное и Дуброву къ Оршѣ, по едва замѣтнымъ лѣснымъ тропинкамъ, безпрестанно сбиваясь съ дороги изъ за поднявшейся мятели, вѣрной предвѣстницы близкой оттепели.

Послѣ трехъ часовъ такого марша, добрались до какой то деревушки, гдѣ удалось найти немного муки и картофеля и обогрѣться. Эта ничтожная пища ободрила солдатъ, и они уже видѣли надежду спасенія.

Схема отступленія Ней.

Мятель продолжалась всю ночь и оказалась спасительной для маршала Нея, такъ какъ совершенно скрыла его движеніе отъ рыскавшихъ на этомъ берегу Днѣпра разъѣздовъ Платова.

Но на слѣдующій день 7-го числа при подходѣ къ деревнѣ Любавичамъ его настигли казаки. Ней свернулъ лѣсною дорогою, шедшею самымъ берегомъ Днѣпра, но и здѣсь казаки перегородили ему путь. До Орши оставалось болѣе тридцати верстъ; какъ только французы вышли на открытое мѣсто, Платовъ обстрѣлялъ ихъ картечью, а казаки бросились на измученную пѣхоту Нея „въ дротики“.

Маршалъ построилъ остатки своихъ войскъ въ два каре и стойко выдержалъ всѣ атаки, своимъ личнымъ магическимъ вліяніемъ удержавъ своихъ солдатъ отъ стремленія побросать оружіе и сдаться. На сдѣланное ему Платовымъ въ этомъ смыслѣ предложеніе Ней гордо отвѣчалъ:

„Маршалъ Франціи не сдастся никогда“, и продолжалъ отбиваться „со свирѣпымъ упорствомъ“, какъ доносилъ о немъ впоследствии нашъ атаманъ.

Казаки вцѣпились въ этотъ легендарно-неустршимый отрядъ, неоднократно его атаквали, нанесли огромныя потери, но все же Ней добрался до Орши съ горстью въ 800—900 человекъ, совершивъ подвигъ, передъ которымъ всякій истинный воинъ съ восторгомъ преклонится...

Очевидно, что если бы послѣ боя съ Милорадовичемъ 6 ноября на рѣчкѣ Лосминѣ Ней энергично преслѣдовали, то ему не удалось бы пробиться; однимъ же казакамъ Платова, безъ содѣйствія регулярныхъ войскъ, трудно было справиться съ закаленною, хотя и малочисленною французскою пѣхотою, предводимою къ тому же однимъ изъ лучшихъ маршаловъ.

Имѣются данныя, что вечеромъ 6-го числа, послѣ пораженія Нея, Коновницину было сообщено однимъ изъ чиновъ штаба, хорошо знавшимъ окрестную мѣстность, о томъ, что близъ Сырокоренья Днѣпръ всегда замерзаетъ раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и что поэтому Ней можетъ уйти по этому направленію.

Сохранились даже предписанія, данныя князю Голицину и Милорадовичу, помѣченныя 6 ноября изъ села Добраго, въ которыхъ сообщалось:

„По разнымъ извѣстіямъ отъ плѣнныхъ, значитъ, что кор-
 „путь Нея въ 3000 тянется отъ Смоленска къ Красному. Вѣроятно,
 „что непріятель, желая открыть себѣ путь, бросится вправо или
 „влѣво, чтобы миновать насъ, вслѣдствіе чего Его Свѣтлость
 „приказалъ, чтобы ваши войска, удвоя осторожность, посылали бы
 „сколько можно чаще патрули, дабы открыть настоящее направле-
 „ніе его и дабы успѣть его предупредить. *Въ деревнѣ Сырокорень*
 „удобная переправа черезъ Дчѣпръ, почему не угодно ли имѣть Сыро-
 „корень болѣе въ виду“.

Тѣмъ не менѣе, либо означенныя предписанія были получены
 слишкомъ поздно, либо на нихъ не обратили должнаго вниманія,
 но Ней, которому укрыть свое движеніе благопріятствовала еще
 погода, успѣлъ благополучно ускользнуть.

* * *

Бои подъ Краснымъ съ 3 по 6 ноября, можно сказать, до-
 каналы французскую армію, хотя и не уничтожили ея. Нами взято
 въ этихъ бояхъ *сто шестнадцать* орудій, не считая брошенныхъ
 непріателемъ, которыхъ подобрано *сто двѣнадцать*, нѣсколько
 орловъ, жезлъ маршала Даву, болѣе *двадцати шести* тысячъ
 плѣнныхъ, въ томъ числѣ *семь* генераловъ и *триста* офицеровъ...

Потери непріятеля убитыми и ранеными трудно поддаются
 учету, но во всякомъ случаѣ они не менѣе *шести тысячъ* человекъ;
 съ нашей же стороны — до *двухъ* тысячъ.

Несомнѣнно однако, что послѣдствія Красненскихъ боевъ
 могли бы быть еще рѣшительнѣе, если бы Кутузовъ дѣйствовалъ
 менѣе осторожно.

По этому поводу цитированный уже нами выше Г. А. Лееръ
 замѣчаетъ:

„По поводу боевъ подъ Краснымъ нерѣдко упрекаютъ Куту-
 „зова въ недостаточно рѣшительныхъ дѣйствіяхъ и въ томъ, что
 „онъ не отрѣзалъ ни одной изъ частей французской арміи въ
 „полномъ ея составѣ, къ чему не разъ представлялась воз-
 „можность“.

„На это слѣдуетъ замѣтить: 1) что дѣйствія Кутузова подъ
 „Краснымъ являются вполне логическимъ развитіемъ той идеи,
 „которая положена была Кутузовымъ въ основу его дѣйствій, начи-

„ная съ Малоярославца; 2) несмотря на это, если бы Кутузову „известно было въ точности критическое положеніе французской „арміи (чего не было), то онъ дѣйствовалъ бы рѣшительнѣе, и „3) дѣйствительно, подъ Краснымъ не было отрѣзано ни одной „части непріятельской арміи въ полномъ составѣ, но тѣмъ не „менѣе ей нанесены весьма чувствительныя потери и отрѣзано „не мало войскъ“.

Къ этому авторитетному мнѣнію слѣдуетъ добавить, что самъ Кутузовъ въ донесеніи своемъ Государю, объясняя причины медленнаго преслѣдованія французовъ, приписывалъ это главнымъ образомъ невозможности имѣть въ каждую минуту вполнѣ точныя слѣдованія о непріятелѣ и основывать военныя соображенія на догадкахъ и слухахъ *).

Въ полной искренности такого объясненія, зная фельдмаршала, позволительно сомнѣваться; гораздо ближе къ истинѣ то, что приводитъ въ своихъ запискахъ принцъ Евгений Виртембергскій. Онъ рассказываетъ, что фельдмаршалъ, на пути къ Оршѣ, однажды сказалъ ему: „Наши молодые люди сгоряча досаждутъ „на меня за то, что удерживаю порывы ихъ. Они не соображаютъ, „что обстоятельства сами собою болѣе дѣйствительны, нежели „ваше оружіе. Не придти же намъ на границу, какъ толпѣ бро- „дьягъ“.

Но самое важное, это слова, сказанныя Кутузовымъ английскому генералу Роберту Вильсону, который побуждалъ его къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ:

„Я вовсе не думаю, чтобы уничтоженіе владычества Наполеона „было выгодно для Европы; это повело бы къ преобладанію Англіи, „вмѣсто нынѣшняго преобладанія Франціи“.

Въ этихъ словахъ скорѣе всего слѣдуетъ видѣть ключъ къ истинному поведенію Кутузова.

Престарѣлый, умудренный опытомъ полководецъ и государственный дѣятель думалъ прежде всего о выгодахъ своей родины. Онъ предугадывалъ, что полное низложеніе Наполеона непремѣнно

*) „Ошибки, отъ ложныхъ извѣстій иногда происходящія, неизбежны; предпріятія „въ военныхъ операціяхъ основываются не всегда на очевидности, но иногда на догад- „кахъ и на слухахъ; ложныя извѣстія, о коихъ упомянулъ я выше, произошли отъ самихъ „казаковъ, но и они впади въ сіе недоразумѣніе невиннымъ образомъ“.

поведесть къ усиленію другихъ европейскихъ государствъ, притомъ такихъ, которыя могли оказывать болѣе вліянія на Россію, чѣмъ нигдѣ не соприкасающаяся съ ней непосредственно Франція. Если въ данномъ случаѣ онъ говорилъ только объ Англіи, то это вполне понятно, такъ какъ бесѣда велась съ ея представителемъ.

Эти слова Кутузова въ настоящее время звучатъ какъ бы пророчески... Развѣ не пострадало политическое положеніе Россіи при современномъ ослабленіи могущества Франціи и усиленіи Англіи и Германскихъ государствъ? Врядъ ли это было бы возможно, если бы, какъ и настаивалъ Кутузовъ по изгнаніи французовъ изъ Россіи, наша война съ ними на этомъ и закончилась.

Силы графа Витгенштейна къ началу октября 1812 года. Положеніе Сенъ-Сира и числительность его войскъ. Наступленіе Витгенштейна и сраженіе 6 октября подъ Полоцкомъ.

Движеніе графа Штейнгеля на соединеніе съ Витгенштейномъ. Штурмъ Полоцка въ ночь съ 7 на 8 октября. Послѣдствія сраженія подъ Полоцкомъ.

братимся теперь къ событіямъ на линіи рѣки Западной Двины.

Къ началу октября подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Витгенштейна въ окрестностяхъ Полоцка собралось уже около сорока тысячъ человекъ съ 150 орудіями, въ томъ числѣ 9.000 ополченія.

Кромѣ того, въ корпусѣ графа Штейнгеля находилось *десять тысячъ*, съ 18 орудіями.

Согласно плана Императора Александра, Витгенштейнъ долженъ былъ переправиться черезъ Двину выше Полоцка, отрѣзать войска С. Сира отъ главныхъ силъ французской арміи и отбросить ихъ къ западу. Далѣе Витгенштейнъ долженъ былъ занять линію р. Уллы, укрѣпить всѣ тѣснины въ пространствѣ между

Западной Двиной и Березиной и, преградивъ Наполеону путь отступленія на этомъ участкѣ, войти въ связь съ Чичаговымъ, который долженъ былъ занять линію рѣки Березины.

3 октября армія Витгенштейна была раздѣлена, для наступленія къ Полоцку, на три колонны, изъ коихъ первыя двѣ составляли I корпусъ, подъ личнымъ начальствомъ Витгенштейна, а третья — II корпусъ, которымъ командовалъ генераль-лейтенантъ князь Яшвилъ. Дружины ополченія были приданы поровну ко всѣмъ полкамъ 5-й и 14-й дивизій и составляли въ каждомъ полку полковой резервъ, предназначенный исключительно для натиска, для штыкового удара.

Такой способъ употребленія ополченія, вполне сообразный съ его свойствами (плохое умѣнье владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ и недостаточная устойчивость), далъ возможность нашимъ ратникамъ въ этой арміи работать все время бокъ-о-бокъ съ полевыми войсками и быстро пріобрѣсти надлежащій боевой опытъ.

Покаместъ графъ Витгенштейнъ постепенно готовился къ наступленію, маршалъ Сень-Сиръ, получая донесенія объ усиленіи нашихъ войскъ и не имѣя самъ никакихъ шансовъ на прибытіе какихъ либо подкрѣпленій, могъ прибѣгнуть, для упроченія своего положенія, только къ укрѣпленію своей позиціи. По слабости своихъ силъ, ежедневно таявшихъ, онъ долженъ былъ ограничиться приведеніемъ въ оборонительное состояніе самага города и возведеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ укрѣпленій впереди городской ограды. Но всѣ эти намѣченныя фортификаціонныя работы могли быть закончены не ранѣе, какъ числу къ 10 октября.

Всѣ собранныя у Полоцка войска за время перерыва въ военныхъ дѣйствіяхъ усилились только нѣсколькими тысячами выздоровѣвшихъ солдатъ, такъ что въ общей сложности было на лицо подъ ружьемъ въ обоихъ корпусахъ не болѣе 27 тысячъ, изъ коихъ 22 — въ корпусѣ Удино.

Несмотря на то, что, по сравненію съ войсками главныхъ силъ „великой арміи“, испытанными стоянку въ Москвѣ, войска корпусовъ Удино и С. Сира были въ гораздо лучшихъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе и они, начиная со второй половины сентября, начали испытывать сильный недостатокъ въ продовольствіи и въ фуражѣ.

Доставка провіанта изъ Вильны была сопряжена съ огромными затрудненіями. Наши партизаны и народныя дружины развили свою дѣятельность также и въ этомъ районѣ; фуражировки съ каждымъ днемъ становились все опаснѣе и опаснѣе, такъ какъ, по причинѣ истощенія ближайшихъ окрестностей города, приходилось удаляться отъ него все дальше и дальше и, слѣдовательно, подвергаться нападеніямъ.

Добыча фуража дѣлалась такъ трудна, что С. Сиръ рѣшился расположить всѣхъ своихъ кавалерійскихъ и артиллерійскихъ лошадей за Двиною въ такихъ мѣстахъ, гдѣ еще оставались запасы овса и сѣна.

Такое расположеніе конницы оправдывалось еще слѣдующимъ соображеніемъ. С. Сиръ имѣлъ въ виду удерживаться въ Полоцкѣ, пока Витгенштейнъ не переправитъ черезъ Двину свои силы, а затѣмъ перейти на лѣвый берегъ и прикрыть путь, связующій его съ главными силами Наполеона. Поэтому конница ему была необходима именно на лѣвомъ берегу Двины, для зоркаго наблюденія за нашими покушеніями по переходѣ рѣки. Генералу Думерку, съ кирасирской дивизіей, поручено было наблюдать лѣвый берегъ рѣки вверхъ по теченію, до Бѣшенковичей, а генералу Корбино, съ легко-конной бригадой и тремя батальонами, тотъ же берегъ внизъ по теченію, заходя за устье рѣки Дриссы.

Всѣ госпитали были очищены, и больные и раненые, а также обозы, были отправлены за Двину.

Для обороны Полоцка С. Сиръ расположилъ свои войска слѣдующимъ образомъ: остаткамъ 6-го баварскаго корпуса, подъ начальствомъ генерала Вреде, приказано оборонять редуты, построенные впереди города, и предмостное укрѣпленіе, защищающее мостъ на плотахъ, сооруженный въ трехъ верстахъ выше города, у селенія Струйни. Двѣ дивизіи корпуса Удино расположены были на лѣвомъ берегу Полоты между городомъ и ближайшимъ редутомъ, а третья дивизія того же корпуса — по обѣ стороны Петербургской дороги.

Графъ Витгенштейнъ намѣтилъ мѣсто для переправы, сообразуясь съ указаніями плана Императора Александра, выше Полоцка, у селенія Горянь. Инженеръ-полковнику графу Сиверсу поручено

было заготовить необходимый материал для сооружения двух мостовъ черезъ Двину у Сивошина, откуда этотъ материалъ долженъ былъ быть доставленъ на подводахъ къ мѣсту переправы.

Кромѣ того, подъ руководствомъ того же Сиверса, у Придруйска былъ сооруженъ черезъ Двину пловучій мостъ для переправы корпуса Штейнгеля, и заготавливались материалы для устройства такого же моста у Дисны; послѣднее дѣлалось отчасти для введенія въ заблужденіе противника, а главное для того, чтобы имѣть вездѣ надежное сообщеніе между обоими корпусами.

Для охраненія переправы ниже Полоцка назначенъ былъ отрядъ Беллинсгаузена (бригада пѣхоты съ артиллеріей); генералу же Бегичеву, приведенному часть Петербургскаго опоченія, предписано отрядить часть своихъ силъ къ Горянамъ, подъ начальствомъ г.-м. Алексѣева.

5 октября авангардъ средней колонны Витгенштейна, подъ начальствомъ генераль-маіора Балка, атаковалъ противника на лѣвомъ берегу Полоты, у села Юревичей. Наши егеря 26-го полка завязали съ непріателемъ оживленную перестрѣлку; когда же Балка поддержалъ Дибичъ *), начальникъ авангарда лѣвой колонны, то егеря наши бросились въ атаку на мостъ, заставивъ, въ концѣ концовъ, противника очистить село Юревичи и отступить къ Полоцку. Прибывшій сюда Витгенштейнъ занялъ Юревичи главными силами средней колонны и приказалъ Балку продолжать преслѣдованіе противника на лѣвомъ берегу Полоты.

Въ то же время правой колоннѣ, т. е. II корпусу князя Яшвиля, приказано тѣснить отряды противника на Петербургской и Рижской дорогахъ. Авангардъ его, подъ командою генерала Властова, въ четыре часа дня сбиль передовыя части дивизіи Мерля и къ ночи утвердился на ихъ позиціи. Къ утру слѣдующаго дня войска князя Яшвиля вошли въ связь съ средней колонной и приблизились къ мызѣ Присменицѣ.

Графъ Витгенштейнъ предполагалъ рѣшительно атаковать позицію С. Сира, во-первыхъ для того, чтобы обезпечить устройство переправъ въ назначенномъ мѣстѣ, а затѣмъ, чтобы оттянуть на себя все вниманіе непріателя и отвлечь таковое отъ корпуса

*) Впослѣдствіи Дибичъ-Забалканскій.

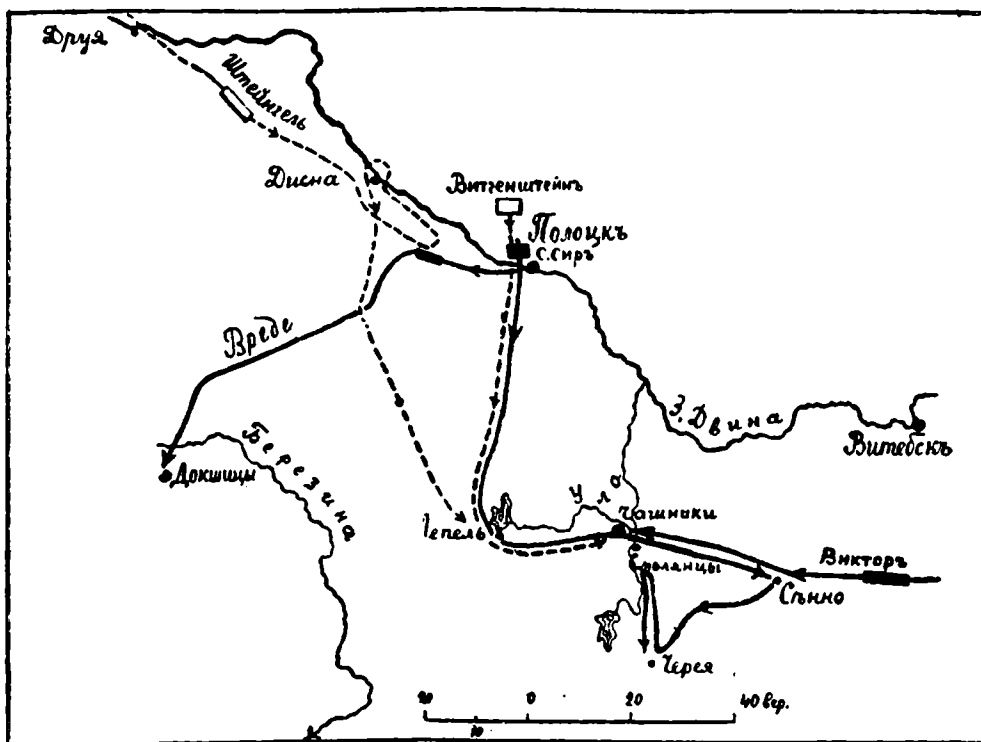
Сраженіе при Полоцкѣ, 7-го октября.

Съ картини П. Герста.

графа Штейнгеля. Корпусъ этотъ двигался уже вдоль Западной Двины по лѣвому ея берегу и приближался въ данное время къ Диснѣ.

Схема дѣйствій графа Витгенштейна въ октябрѣ.

Для атаки распоряженія Витгенштейна, въ существѣ, заключались въ слѣдующемъ.

Князю Яшвилю приказано было наступать по правой сторонѣ рѣчки Полоты, а самъ Витгенштейнъ, направивъ впередъ себя авангардъ Балка на лѣсъ, занятый противникомъ на лѣвомъ берегу той же рѣчки, двинулся за нимъ слѣдомъ съ главными силами.

Передовыя части французовъ, занимавшія селеніе Громы, были оттѣснены, и наступленіе поведено далѣе, при чемъ генераль Балкъ распредѣлилъ свои силы такъ, чтобы охватить, слѣдуя лѣвымъ берегомъ Полоты, правое крыло французовъ.

Такой порядокъ нашего наступленія вынудилъ Сень-Сира перемѣнить фронтъ своихъ силъ.

Такъ какъ намѣченное для переправы черезъ Западную Двину мѣсто находилось нѣсколько въ сторонѣ отъ праваго фланга французовъ, то Витгенштейнъ отправился лично обрекогносцировать правое крыло непріятельскаго расположенія и направилъ слѣдомъ за собою полкъ пѣхоты и полкъ конницы. Такимъ образомъ нашъ фронтъ растягивался еще болѣе влѣво.

Замѣтивъ, что только что указанная войска, стремясь выиграть пространство, удалились отъ остальныхъ на довольно значительное разстояніе, французы атаковали своею конницею въ разрѣзъ, стремясь отбросить этотъ нашъ отрядъ къ Двинѣ.

Атака эта, веденная стремительно и смѣло, могла подвергнуть опасности находившагося тутъ же со своею свитою самого командующаго арміей.

Бывшіе по сосѣдству эскадроны своднаго гвардейскаго полка *) и Гродненскихъ гусаръ, ударили во флангъ атакующимъ и опрокинули часть ихъ; другая же часть, овладѣвъ нашею батареею и начавъ крошить нашихъ стрѣлковъ, нарвалась затѣмъ на Могилевскій полкъ и 4-ую дружину Петербургскаго ополченія, которые и задержали атакующихъ, а тѣмъ временемъ Гродненскіе гусары оборотились противъ нихъ, отбили орудія и отбросили всю кавалерію противника съ крупнымъ урономъ.

Въ этомъ первомъ столкновеніи съ противникомъ, да еще конницею, бурный натискъ которой потрясаетъ и привычные нервы, ополченцы показали себя молодецки: они сражались на славу, дѣйствуя противъ кавалеристовъ прикладами и даже топорами.

Тѣмъ временемъ подоспѣлъ съ резервомъ генераль Бегичевъ; ему приказано было поддержать частью силъ нашъ центръ, а два батальона оставлены были пока за лѣсомъ въ резервѣ.

Наши стрѣлки, въ томъ числѣ охотники Петербургскаго ополченія, подвигаясь энергично впередъ, выбили противника изъ его передовыхъ укрѣпленій. Вступившія затѣмъ въ дѣло колонны начали сильно тѣснить непріятеля, при чемъ особенно отличались запасные батальоны гвардейскихъ полковъ, составленные исключительно изъ рекрутъ, которые вели штыковый бой нисколько не хуже старыхъ опытныхъ солдатъ.

*) Лейбъ-драгунскій полковника Альбрехта и лейбъ-гусарскій ротмистра Скобелева.

Французы были потѣснены за Воловье озеро. Маршалъ Сень-Сиръ, лично прискакавшій сюда, чтобы слѣдить за ходомъ боя, былъ раненъ пулею въ ногу, но, послѣ извлеченія пули тутъ же на полѣ и быстрой перевязки, продолжалъ распоряжаться дѣйствіями войскъ.

Въ результатѣ, на лѣвомъ берегу рѣчки Полоты, противникъ былъ потѣсненъ къ самому берегу Полоты.

Новая попытка французской конницы ударить во флангъ нашимъ стрѣлкамъ, была отбита сперва Рижскими драгунами, а затѣмъ сводными гвардейскими эскадронами.

Но сильная канонада французской артиллеріи наносила здѣсь войскамъ нашимъ такія большія потери, что Витгенштейну пришлось отвести свои войска нѣсколько назадъ. Сраженіе на этомъ участкѣ было прекращено въ четыре часа пополудни; начальнику авангарда (въ роли котораго раненаго Балка смѣнилъ Дибичъ) приказано было, для охраненія на ночь, расположиться на позиціи въ боевомъ порядкѣ, въ виду непосредственной близости противника.

На правомъ берегу Полоты тѣмъ временемъ происходило слѣдующее.

Еще на разсвѣтѣ подполковникъ Столыпинъ, шедшій въ головѣ колонны князя Яшвиля, овладѣлъ мызой Присменицей; авангардъ же генерала Властова атаковалъ войска, занимавшія лѣсъ и, опрокинувъ ихъ, пріостановился въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ передовыхъ укрѣпленій противника, за которыя отошла, согласно заранѣе отданнаго С. Сиромъ приказанія, дивизія Мерля.

Въ такомъ положеніи войска князя Яшвиля оставались до полученія вторичнаго приказанія атаковать противника.

Какъ только Властовъ двинулъ впередъ свою пѣхоту, усиленную двумя дружинами ополченцевъ, тотчасъ французы начали отходить къ городу, за исключеніемъ нѣсколькихъ полковъ, которые, видимо, въ разрѣзъ отданному приказанію, по собственному почину перешли въ контръ-атаку и нѣсколько даже потѣснили Властова. Тогда къ нему подошли изъ резерва подкрѣпленія, подъ командою генерала Сазонова. Означенныя подкрѣпленія удержали и отбили этотъ отвѣтный ударъ, при чемъ Гродненскіе гусары, внезапно ударивъ во флангъ непріятельской пѣхотѣ, отрѣзали часть ея и заставили сдаться.

Дивизія Мерля поспѣшно укрѣплась за передовыя укрѣпленія, но при преслѣдованіи ея, наши войска подверглись изъ редутовъ перекрестному огню, который былъ весьма губителенъ.

Однако, все-таки князь Яшвиль, подготовивъ сперва атаку своею артиллеріей, пытался дважды ворваться въ Полоцкъ, но это ему не удалось, и онъ, подобно самому Витгенштейну, отвелъ немного назадъ свои войска, расположивъ авангардъ у мызы Присменицы и отдѣльный отрядъ для прикрытія дороги на Дисну.

Корпусъ графа Штейнгеля, къ вечеру этого дня, достигъ деревни Полгодовичей, въ двадцати пяти верстахъ отъ Полоцка. Такимъ образомъ, онъ на слѣдующій день уже могъ принять участіе въ бою и оказать серьезное содѣйствіе, атакуя Полоцкъ съ лѣваго берега Двины.

Но для того, чтобы въ полной мѣрѣ исполнить замысль Императора Александра, необходимо было направить эту совмѣстную атаку на Полоцкъ и на войска С. Сира такъ, чтобы вынудить ихъ отступать на западъ, а не на югъ, ибо дорога на югъ (на Лепель—Чашники—Сѣнно) выводила на соединеніе съ путемъ слѣдованія главныхъ силъ Наполеона, для котораго, особенно при данномъ положеніи его арміи, прибытіе С. Сира хотя бы съ частью войскъ было бы уже крупнымъ козыремъ.

Между тѣмъ для Витгенштейна въ этотъ же день выяснилось не особенно утѣшительное обстоятельство: оказалось, что доставка матеріаловъ для устройства моста по грунтовой дорогѣ къ Горянамъ—дѣло немыслимое, такъ какъ состояніе этой дороги—невозможное; понтоновъ же совершенно недостаточно. Приходилось поэтому отказаться отъ мысли перейти Двину выше Полоцка, ибо медлить съ атакою было нельзя. Слишкомъ было очевидно, что либо С. Сиръ отойдетъ безнаказанно, либо можетъ дожидаться подкрѣпленій, которыя къ нему въ это время уже и шли (корпусъ Виктора).

Поэтому Витгенштейнъ рѣшилъ немедленно атаковать С. Сира у Полоцка совмѣстно со Штейнгелемъ, каждый на своемъ берегу и, такъ сказать, прямо передъ собою.

Утромъ 7 октября оба противника выжидали.

С. Сиръ выслалъ на лѣвомъ берегу Двины кавалерійскую развѣдку, чтобы пощупать приближеніе войскъ Штейнгеля, и

ожидалъ ея результатовъ; Витгенштейнъ, въ свою очередь, ожидалъ приближенія Штейнгеля, чтобы начать атаку совмѣстно съ нимъ.

Въ десять часовъ утра къ С. Сиру прибылъ офицеръ отъ генерала Корбино съ донесеніемъ о наступленіи русскаго корпуса со стороны Дисны, при чемъ генераль Корбино исчислялъ его въ пять тысячъ и просилъ подкрѣплений. С. Сиръ вынужденъ былъ ослабить себя выдѣленіемъ трехъ полковъ...

Грохотъ орудій на лѣвомъ берегу рѣки западнѣ Полоцка, все болѣе и болѣе усиливался; а съ сѣвера было видно, что войска Витгенштейна тоже готовятся возобновить атаку.

С. Сиръ, однако, надѣялся, что продержится до ночи; но, около двухъ часовъ дня, прискакалъ отъ Корбино новый посланный, съ извѣстіемъ, что отрядъ, наступавшій противъ французовъ по лѣвому берегу Двины, оказывается силою не въ пять, а въ двѣнадцать тысячъ, что при немъ много артиллеріи и что присланныя подкрѣпленія недостаточны для его удержанія.

Въ виду трудности положенія С. Сира, силы котораго были вдвое слабѣ соединенныхъ войскъ Витгентшейна и Штейнгеля, подчиненные ему генералы убѣждали его отступить. Но настойчивый и хладнокровный маршалъ отказался отъ этого; онъ справедливо полагалъ, что малѣйшее его движеніе назадъ, которое, при дневномъ свѣтѣ не могло не быть замѣчено русскими, побудитъ послѣднихъ, на томъ и другомъ берегу Двины, немедленно и рѣшительно начать тѣснить противустоящія передъ ними войска. При этомъ, Штейнгель имѣлъ возможность перехватить выходы съ мостовъ, сооруженныхъ въ Полоцкѣ французами, и войска С. Сира, не успѣвшія перейти съ праваго берега рѣки на лѣвый, рисковали быть захваченными въ мѣшокъ.

С. Сиръ хотѣлъ перейти рѣку подъ покровомъ ночи, не спѣша и сохраняя тишину, дабы елико возможно долѣе скрыть отъ насъ такое свое намѣреніе, а также и слабость своихъ силъ.

Къ счастью для французовъ, вечеромъ палъ густой туманъ, который ускорилъ наступленіе темноты и сыгралъ непріятелю въ руку. Во-первыхъ, это заставило Штейнгеля остановиться въ четырехъ верстахъ недоходя Полоцка; во-вторыхъ, совершенно скрыло отъ насъ передвиженія непріятеля.

Прекращеніе канонады на лѣвомъ берегу Двины позволило С. Сира начать свозить съ батарей артиллерію. Но выполнить это стоило огромныхъ затрудненій. Во-первыхъ, самое число орудій было несоразмѣрно велико по количеству войскъ, во-вторыхъ, дороги были отчаянныя, а подъемы страшно круты, такъ что приходилось припрягать двойное количество лошадей...

Несмотря на туманъ, все-таки съ нашего берега было замѣчено безпорядочное отступленіе къ Полоцку французскихъ войскъ по лѣвому берегу Двины; тотчасъ-же князь Яшвиль, повинувся распоряженію Витгенштейна, открылъ дѣятельный огонь по укрѣпленіямъ и городу изо всѣхъ своихъ батарей, расположенныхъ около мызы Спасъ.

Намѣренія С. Сира были раскрыты еще благодаря „непостижимой глупости“ („un ехсès inconcevable de stupidité“) одного изъ французскихъ генераловъ, который не могъ придумать ничего остроумнѣе, какъ поджечь всѣ войсковые бараки, „чтобъ они не достались русскимъ“.

Пламя, охвативъ легкія деревянныя постройки, съ быстротою молніи распространилось по всему лагерю, что, очевидно, совершенно ясно обнаружило намѣреніе С. Сира отступить.

Конечно, у насъ тотчасъ же усилили артиллерійскую пальбу по городу.

Несмотря, однако, на все это, разумная и хладнокровная распоряженія С. Сира позволили французамъ спокойно довершить свое трудное отступленіе.

Съ нашей стороны сдѣлано было нѣсколько отдѣльныхъ попытокъ овладѣть окаймляющими городъ укрѣпленіями, защитники которыхъ держались до послѣдней минуты, прикрывая переправу своихъ товарищей.

Наконецъ; въ два часа пополудни, когда городъ почти повсемѣстно пылалъ, зажженный частью нашими снарядами, частью рукою отступающихъ, наши войска при яркомъ свѣтѣ этого пламени разомъ съ двухъ сторонъ бросились на штурмъ этихъ укрѣпленій. Въ храбрости и самоотверженности этого отчаяннаго, кроваваго ночного штыковаго боя одинаково состязались и регулярные, и ополченцы, „длиннобородые“ (les hommes à grandes barbes), какъ ихъ называли французы.

Самъ С. Сирь въ своихъ запискахъ свидѣтельствуеъ, что „длиннобородые“ сражались храбро; онъ пишетъ:

„То было однимъ изъ мѣстъ, на которыхъ длиннобородые „люди (какъ называли ихъ наши солдаты), т. е. милиція С.-Петербургга, дрались съ наибольшимъ ожесточеніемъ, и здѣсь именно „русскіе выказали наиболѣе мужества“.

Генераль Гельфрейхъ, съ 2-мя резервными гренадерскими батальонами и 14-ю дружиною ополченія, овладѣль укрѣпленіемъ № 10, ворвался въ городъ со стороны верхняго замка и захватилъ одно орудіе.

Разрушивъ мосты на Двинѣ, французы, въ три часа ночи, окончательно перешли на лѣвый берегъ рѣки, откуда, съ заранѣе выставленныхъ батарей, открыли жестокой огонь по городу, удержавшей насъ отъ преслѣдованія.

За оба дня боя подъ Полоцкомъ, 6 и 7 октября, французы потеряли одними плѣнными не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Изъ строя же вышло у нихъ не менѣе семи тысячъ.

Много снарядовъ, а также запасовъ провіанта и фуража оказалось брошено въ городѣ и досталось побѣдителямъ.

Съ нашей стороны уронъ былъ тоже не малый; изъ строя вышло не менѣе восьми тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ ранено четыре генерала.

Упорство и кровопролитность этого боя объясняется легко тѣмъ, что мы атаковали заблаговременно-укрѣпленную позицію, обороняемую войсками сравнительно-свѣжими, къ тому же — предводимыми однимъ изъ искуснѣйшихъ маршаловъ Наполеона, какимъ безспорно былъ Сень-Сирь.

Утромъ 8 октября Витгенштейнъ торжественно вступилъ въ разоренный Полоцкъ, и въ тотъ же день отданъ былъ нижеслѣдующій благодарственный приказъ отъ его имени.

„Герои! Всевышній внялъ мольбѣ нашей, и Полоцкъ свободенъ! Вы пожали новые лавры на полѣ Марса и среди самаго „жарчайшаго сраженія противъ милліона смертей, летавшихъ изъ „адскихъ укрѣпленій, на дѣлѣ доказали, что можетъ преодолѣть „истинная вѣра и любовь къ отечеству и чего достигаетъ рвеніе „къ славѣ и чувство чести. Корпусный командиръ съ пріятнѣй-

*

„шимъ удовольствіемъ изъявляетъ искреннѣйшую благодарность свою, какъ всѣмъ регулярнымъ войскамъ въ дѣлѣ бывшимъ, такъ, особенно и дружинамъ С.-Петербургскаго ополченія, которыя, отторжены бывъ отъ сельскихъ работъ своихъ и подъявъ въ первый разъ оружіе, оказали чудеса храбрости и мужества; которыя, въ виду Его Сіятельства, оправдали надежду на себя соотечественниковъ, и заслужили лестное наименованіе защитниковъ Россіи. Его Сіятельство поставляетъ себѣ въ пріятнѣйшую обязанность довести до свѣдѣнія Всемилостивѣйшаго Государя нашего объ отличныхъ, подвигахъ сослуживцевъ своихъ и ходатайствовать о заслугахъ, каждаго. Между тѣмъ, друзья, исполнимъ первый долгъ нашъ и съ умиленнымъ сердцемъ принесемъ жарчайшія мольбы благодаренія Богу, благословившему оружіе наше побѣдою; да помощію и благословеніемъ Его, враги, спасшіеся здѣсь отъ ударовъ нашихъ, вскорѣ найдутъ гробы тамъ, гдѣ въ надменной гордости своей мнили пожинать лавры“.

Молебствіе о побѣдѣ и панихида по убіеннымъ были торжественно отслужены 9-го въ Полоцкомъ соборѣ. За побѣду при Полоцкѣ и взятіе его графъ Витгенштейнъ былъ произведенъ въ генералы отъ кавалеріи.

Предаваться всѣмъ этимъ торжествамъ было можно только потому, что, вслѣдствіе порчи отступившими французами мостовъ въ Полоцкѣ, приходилось сооружать новые, а эта работа, несмотря на всю энергію руководившаго ею инженеръ-полковника Сиверса, никоимъ образомъ не могла быть окончена раньше 11-го числа.

Такое положеніе вещей не только позволяло французамъ спокойно продолжать отступление въ любомъ направленіи, но ставило въ весьма опасное положеніе корпусъ Штейнгеля, который легко могъ подвергнуться отдѣльному пораженію.

Сень-Сиръ отлично понималъ необходимость безотлагательно воспользоваться этимъ благопріятнымъ положеніемъ вещей и обрушиться превосходными силами на Штейнгеля; но, къ сожалѣнію, рана его причиняла ему жестокія страданія и не позволяла лично руководить дѣйствіями. Помимо этого, войска, участвовавшія въ бояхъ подъ Полоцкомъ, были до чрезвычайности утомлены.

Поэтому для дѣйствій противъ Штейнгеля была выдѣлена только часть силъ, изъ числа наименѣе уставшихъ полковъ, при-

чемъ отрядъ этотъ (силою не болѣе 5 тысячъ съ 18 орудіями) былъ отданъ подѣ команду баварскаго генерала Вреде.

Въ пятомъ часу утра 8-го числа Вреде двинулся противъ Штейнгеля тремя колоннами, изъ коихъ средняя, подѣ личнымъ его начальствомъ, шла по большой Дисненской дорогѣ, а крайнія направлялись въ обходъ фланговъ.

Авангардъ Штейнгеля, подѣ начальствомъ Турчанинова, нахотился близъ села Екиманіи. Турчаниновъ стоялъ безъ достаточно надежныхъ мѣръ охраненія и былъ, въ лѣсной тѣснинѣ, застигнутъ врасплохъ и отброшенъ за рѣчку Ушачь, при чемъ потерялъ одними плѣнными 1.800 человекъ.

Широкій фронтъ наступленія Вреде заставилъ графа Штейнгеля думать, что противъ него двигаются всѣ силы Сень-Сира, а неудача, постигшая Турчанинова, еще усугубила его опасенія. И вотъ, этотъ „сущій ангелъ“,—какъ называли вполсѣдствіи графа Штейнгеля въ Финляндіи,—не нашелъ ничего лучшаго, какъ отступить обратно къ Диснѣ, гдѣ и переправился 9 октября на правый берегъ Двины по заготовленному здѣсь мосту.

Такое рѣшеніе Штейнгеля устраняло для Сень-Сира послѣднее затрудненіе и давало ему возможность, пока мы не возстановимъ черезъ Двину переправы, свободно организовать свое отступление.

Получивъ извѣстіе объ отступленіи Штейнгеля, Витгенштейнъ вообразилъ, что онъ разбитъ, и послалъ ему на помощь двѣнадцатитысячный отрядъ Сазонова.

Въ свою очередь Сень-Сиръ, опасаясь, чтобы Вреде не подвергся отдѣльному пораженію, распорядился, чтобы онъ отнюдь не продвигался далѣе рѣки Ушачь; самъ же, страдая отъ раны, сдалъ командованіе генералу Леграну.

Съ этого момента у французовъ началось безначаліе. Вреде не желалъ подчиняться Леграну и упорно не входилъ въ связь съ войсками II корпуса, отошедшими на одинъ переходъ отъ Полоцка въ направленіи рѣки Уллы, дабы сблизиться съ корпусомъ Виктора, который шелъ къ нимъ на поддержку изъ Смоленска.

Оскорбленный его явнымъ ослушаніемъ, Легранъ отказался отъ командованія и передалъ его генералу Мерлю, который, однако, поставилъ условіемъ, чтобы не отдавать никакихъ приказаній баварцамъ... Предписанія Вреде давались за подписью больного Сень-Сира, но и это не помогало, ибо Вреде дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію, заботясь только о томъ, чтобы поскорѣе приблизиться къ Вильнѣ и Нѣману и спасти остатки своихъ баварцевъ.

Случай, весьма поучительный и всегда возможный въ коалиціонныхъ соединеніяхъ!

Тѣмъ временемъ въ ночь съ 10 на 11 октября мостъ въ Полоцкѣ былъ оконченъ, и на слѣдующій же день графъ Витгенштейнъ со всѣми силами переправился черезъ Двину и продвинулся на переходъ къ югу. Въ тотъ же день Штейнгель, усиленный подкрѣпленіемъ Сазонова, снова перешелъ Двину у Дисны и двинулся параллельно въ томъ же южномъ направленіи.

Въ Полоцкѣ оставленъ $3\frac{1}{2}$ тысячный гарнизонъ; Друя занята 5 тысячнымъ отрядомъ Властова, который долженъ былъ наблюдать за Макдональдомъ.

Во время дальнѣйшаго отступленія, Вреде, атакованный 12-го числа авангардомъ графа Штейнгеля, вмѣсто того, чтобы продолжать отходить въ направленіи на Лепель, свернулъ по дорогѣ на Докшицы—Глубокое. При этомъ Вреде увелъ съ собою и легкую кавалерійскую бригаду Корбино, которая входила въ составъ II корпуса.

Послѣдній продолжалъ отступленіе на Лепель, оттуда свернулъ на Чашники. Витгенштейнъ до Лепеля преслѣдовалъ двумя колоннами; въ Лепелѣ они соединились.

Штейнгель преслѣдовалъ нѣкоторое время баварцевъ, отбилъ у нихъ (у деревни Колбучи) восемь орудій, послѣ чего пошелъ на соединеніе къ Витгенштейну, у котораго въ Лепелѣ собралось, въ общей сложности, тридцать тысячъ человѣкъ.

Войскамъ этимъ дана была нижеслѣдующая организація: *авангардъ* — князя Яшвиля (13 батальоновъ и 15 эскадроновъ); *корпусъ праваго фланга* — графа Штейнгеля (16 батальоновъ и 8 эскадро-

Генераль-отъ-инфантеріи
Графъ Оаддей Федоровичъ Штейнгейль.

новъ); *корпусъ лѣваго фланга*—ген.-лейт. Берга (11 батальоновъ и 7 эскадроновъ) и *резервъ*—генераль-маіора Фока (11 батальоновъ и 4 эскадрона).

Если бы графъ Штейнгель преждевременно не задержался и вообще наступалъ бы энергичнѣе, то атаковалъ бы Полоцкъ съ юга одновременно съ атакой Витгенштейна на сѣверномъ берегу, и врядь ли французамъ удалось бы успѣть уничтожить мостъ и вообще благополучно очистить Полоцкъ. Побѣда наша была бы болѣе полной и не было бы того „перерыва“, котораго не терпитъ „порывъ“. Перерывъ этотъ далъ возможность не только Сень-Сиру устроиться, но даже позволилъ ему смутить робкаго графа Штейнгеля и заставить его, безъ всякой серьезной причины, спрятаться за рѣку.

Будь переправа въ нашей власти мы воспользовались бы и тѣмъ періодомъ безначалія, который дѣлалъ французовъ почти что безпомощными и который теперь сошелъ имъ съ рукъ совершенно безнаказанно.

Въ общемъ, стратегическій результатъ второго Полоцкаго сраженія былъ довольно скудный; въ тактическомъ же отношеніи мы добились своего, хотя и не было полного согласія въ дѣйствіяхъ обѣихъ группъ на правомъ и лѣвомъ берегахъ рѣки. Тутъ какъ нельзя болѣе кстати припомнить Пушкинскій стихъ:

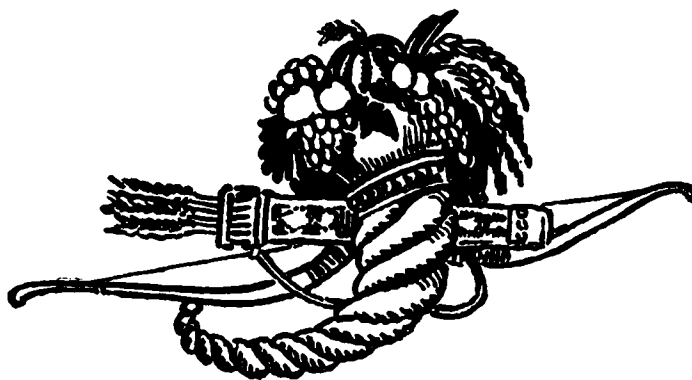
„Въ одну телѣгу впречь не можно коня и трепетную лань!“.

На слѣдующій день, 18 октября, въ Чашникахъ, произошло соединеніе остатковъ корпуса Удино, предводимыхъ Сень-Сиромъ, съ IX корпусомъ маршала Виктора.

Первоначально корпусъ Виктора состоялъ изъ 54 батальоновъ и 16 эскадроновъ, числительностью въ *тридцать три* тысячи челов. Во время перехода великой арміи черезъ Нѣманъ и дальнѣйшаго ея наступленія къ Смоленску корпусъ этотъ находился на нижнемъ теченіи рѣкъ Одера и Вислы, расквартированный по тамошнимъ крѣпостямъ. 28 іюля корпусъ сосредоточился въ Тильзитѣ, въ количествѣ уже только двадцати шести тысячъ и черезъ три недѣли выступилъ отсюда съ огромнымъ обозомъ, о размѣрѣ котораго можно судить хотя бы по тому, что при каждомъ батальонѣ, для подъема 22-хъ дневнаго запаса провіанта и фуража, имѣлось по *сорокъ двѣ* обывательскихъ подводы!

Викторъ прибылъ въ Смоленскъ 16 сентября, оставивъ по пути довольно много отсталыхъ. Первоначально весь корпусъ оставался въ Смоленскѣ, но съ начала октября, въ виду извѣстій о полученныхъ Витгенштейномъ значительныхъ подкрѣпленіяхъ, часть войскъ Виктора была приближена къ Двинѣ.

Къ ночи съ 19 на 20 октября всѣ силы Виктора стянулись на рѣкъ Уллѣ и у Чашниковъ. Всего вмѣстѣ здѣсь составилось тридцать шесть тысячъ человекъ, т. е. силы нѣсколько большія противу тѣхъ, которыми располагалъ графъ Витгенштейнъ.

Состояніе войскъ Виктора и Удино. Сраженіе при Чашникахъ. Взятіе Витебска. Отступленіе французовъ къ Сынно. Наступленіе французовъ къ Череть. Сраженіе при Смолянцахъ.

Общій выводъ о результатахъ дѣйствій графа Витгенштейна къ началу ноября.

оединеніе остатковъ корпуса Удино съ корпусомъ Виктора чрезвычайно ободрило и подняло духъ у этихъ войскъ. Солдаты II корпуса получили надежду, усилившись такъ значительно, отомстить за прошлыя неудачи; что же касается корпуса Виктора, еще не побывавшаго до сихъ поръ въ дѣлѣ, то ему не терпѣлось показать, что онъ нисколько не уступаетъ другимъ корпусамъ „великой арміи“.

По сравненію съ истощенными, оборванными солдатами корпуса Удино, войска Виктора по внѣшнему виду казались въ превосходномъ состояніи; но зато первые были уже закалены въ бояхъ и испытаніяхъ.

Сосредоточивъ большую часть своихъ силъ у Чашниковъ, Викторъ — который, какъ старшій, вступилъ въ командованіе — рѣшилъ воспользоваться своимъ превосходствомъ въ силахъ и попытаться пріостановить наступленіе Витгенштейна.

Въ свою очередь послѣдній, не зная о прибытіи къ непріятелю свѣжаго корпуса, намѣревался атаковать его и подтянулъ свои главныя силы къ авангарду князя Яшвиля, отъ котораго расположился всего въ 3 верстахъ.

Французы были расположены по обѣ стороны рѣки Лукомли. Дивизіи Мерля и Мезона корпуса Удино (тысячъ около 10) были впереди мѣстечка Чашники, примыкая правымъ флангомъ къ рѣкѣ Уллѣ, а лѣвымъ упираясь въ лѣсъ, который былъ занятъ; что же касается корпуса Виктора, то онъ располагался по ту сторону рѣчки Лукомли, на высотахъ ея праваго берега. Связаться оба корпуса могли между собою только по плотинѣ у мызы Смолянцы.

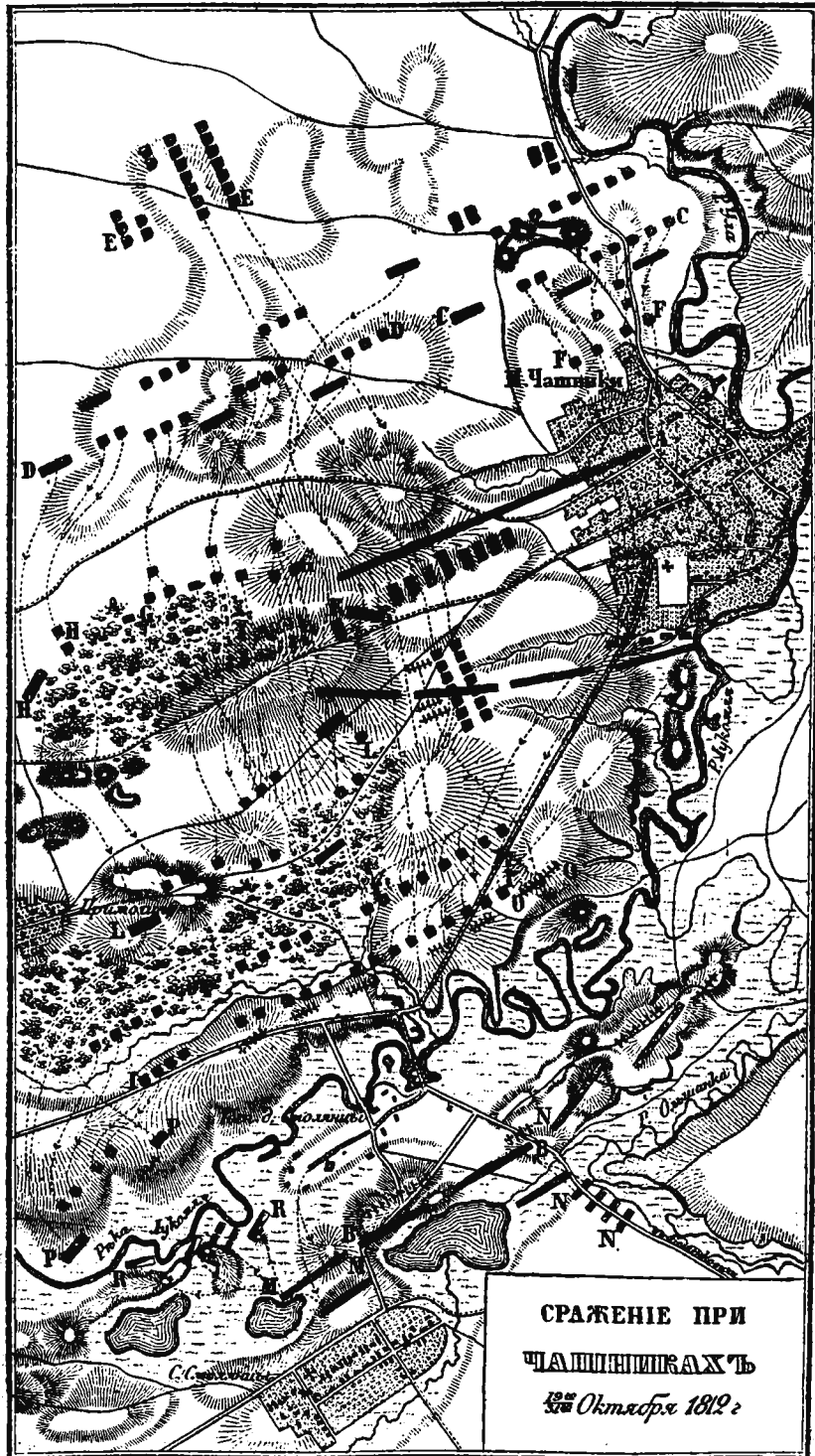
Такое раздѣльное расположеніе французскихъ войскъ отнюдь не способствовало согласному ихъ дѣйствию во время предстоящаго сраженія, а при данныхъ условіяхъ мѣстности, грозило даже поражениемъ по частямъ.

На разсвѣтъ 19-го числа князь Яшвиль, получивъ приказаніе атаковать непріятеля, развернулъ цѣликомъ весь свой авангардъ и началъ тѣснить французовъ. Около семи часовъ утра Яшвиль атаковалъ мѣстечко Чашники, но встрѣтилъ здѣсь такое сильное сопротивленіе, что долженъ былъ отвести свои войска назадъ.

Вскорѣ подоспѣли главныя силы Витгенштейна, при чемъ правѣ авангарда развернулся корпусъ Штейнгеля, а корпусъ Берга пока остался въ резервѣ.

Тогда атака возобновилась. Яшвиль бросился на Чашники, а Штейнгель атаковалъ лѣсъ. Правое непріятельское крыло, занимавшее мѣстечко, было на этотъ разъ вытѣснено оттуда и попячено назадъ; что же касается войскъ, занимавшихъ лѣсъ, то они въ первый разъ отбили атаку Штейнгеля, которую онъ, усиленный по распоряженію Витгенштейна, повторилъ, но уже съ обходомъ справа. Эта новая атака, поддержанная огнемъ сильной артиллеріи, была успѣшна, и непріятель былъ выбитъ изъ лѣса, послѣ чего всѣ силы французовъ, занимавшія передовую позицію, вынуждены были отступить за рѣчку Лукомлю.

По первому взгляду кажется, что направленіе веденной нами атаки не вполне правильно; мы не воспользовались тою выгодой, которую предоставляло намъ расположеніе противника въ двухъ

Масштабъ въ Англійскомъ дюймѣ 400 сажень
 0 100 200 300 400 500 600 1000 сажень

отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга, группахъ, и не постарались направить ударъ такъ, чтобы не позволить войскамъ Удино, при своемъ отступленіи, присоединиться къ Виктору.

Но дѣло то въ томъ, что графу Витгенштейну не было извѣстно о прибытіи послѣдняго; онъ узналъ объ этомъ впервые только отъ захваченныхъ плѣнныхъ. Осторожный Витгенштейнъ въ виду этого и рѣшилъ не ввязываться далѣе въ рѣшительный бой.

Отбитыя дивизіи Удино расположились на лѣвомъ флангѣ Виктора; пѣхота Штейнгеля и князя Яшвиля заняла противоположный берегъ рѣчки и, выставивъ сильныя батареи, ограничилась обстрѣливаніемъ непріятельской позиціи. На флангахъ было сдѣлано конницею нѣсколько попытокъ, перейдя рѣку, охватить соотвѣтствующій непріятельскій флангъ, но эти попытки были своевременно отражаемы. Такъ дѣло протянулось до темноты.

Итакъ, сраженіе при Чашникахъ носило характеръ нерѣшительный; но, тѣмъ не менѣе Викторъ почему то счелъ необходимымъ отвести свои войска назадъ, и они пошли по дорогѣ къ Сѣнно.

Если можно отчасти быть неудовлетвореннымъ дѣйствіями Витгенштейна, который, не собравъ достаточно свѣдѣній о противникѣ, не воспользовался выгоднымъ для насъ раздѣленіемъ его силъ и не нанесъ ему послѣдовательнаго пораженія, то еще въ худшемъ видѣ представляется образъ дѣйствій Виктора.

Послѣднему должно было быть ясно, что для того, чтобы выручить главныя силы арміи, онъ долженъ былъ всѣми мѣрами сдерживать Витгенштейна, цѣпляясь за каждую пядь земли.

Бой при Чашникахъ въ этомъ смыслѣ кончился для него благопріятно: онъ удержалъ свою позицію, а русскіе пріостановили свое наступленіе...

Такимъ исходомъ слѣдовало пользоваться и продолжать на другой день оборонительный бой на томъ же мѣстѣ—тѣмъ болѣе позиція этому благопріятствовала—а никакъ не торопиться уходить назадъ, давая противнику возможность себя преслѣдовать и приближаться къ пути отступленія арміи Наполеона.

Маршалъ С. Сиръ, которому рзна не позволяла участвовать въ дѣлѣ, былъ крайне недоволенъ дѣйствіями Виктора; онъ справедливо находилъ, что Виктору слѣдовало поддержать войска корпуса Удино на лѣвомъ берегу Лукомли и, затѣмъ, всѣми силами атаковать Витгенштейна. Не будучи въ состояніи мириться съ такимъ положеніемъ вещей, С. Сиръ приказалъ отвезти себя въ Вильно.

Послѣ боя при Чашникахъ Витгенштейнъ расположилъ свои силы въ окрестностяхъ Чашниковъ; владѣя теперь оборонительною линіей рѣки Уллы, онъ располагалъ, согласно плана Императора Александра, выждать здѣсь приближенія арміи адмирала Чичагова, съ которымъ ему надлежало установить связь.

Находясь у Чашниковъ, Витгенштейну было удобно высылать во всѣхъ нужныхъ ему направленіяхъ развѣдочные отряды; а за противникомъ, бывшимъ передъ нимъ непосредственно, онъ продолжалъ лишь зорко наблюдать, такъ какъ ему слѣдовало остерегаться только одного: не пойдутъ ли остатки „великой арміи“ на поддержку Удино и Виктора и не подвергнется ли онъ, Витгенштейнъ, въ этомъ случаѣ удару этихъ соединенныхъ силъ.

Въ данномъ случаѣ бездѣйствіе оказывалось для Витгенштейна, не отступавшаго въ общемъ отъ своей задачи, даже выгоднымъ, такъ какъ оно пагубно дѣйствовало на непріятельскія войска, страдавшія отъ недостатка одежды и добывавшія себѣ пропитаніе съ величайшими затрудненіями.

Во время стоянки у Чашниковъ, Витгенштейнъ, высылкою отдѣльныхъ отрядовъ, очистилъ всю окрестную страну отъ непріятели; кромѣ того, назначенъ былъ особый отрядъ генерала Гарпе для овладѣнія Витебскомъ. Отрядъ этотъ (4 батальона, 4 эскадрона, 6 орудій и сотня казаковъ) правымъ берегомъ Двины пошелъ къ Витебску, отдѣливъ на лѣвый берегъ два эскадрона Ямбургскихъ драгунъ подполковника Столыпина.

На разсвѣтъ 26 октября оба отряда подошли одновременно къ городу. Захваченный врасплохъ французскій гарнизонъ поспѣшилъ зажечь мостъ черезъ Двину; но наши егеря смѣло атаковали ближайшія къ берегу строенія, выбили изъ нихъ противника, перебѣжали по горящему мосту и преслѣдовали французовъ по городу, пока другіе, съ помощью жителей, потушили пожаръ.

Оставивъ одинъ батальонъ для исправленія моста, Гарпе перевелъ всѣ остальные силы на тотъ берегъ, атаковалъ непріятели по выходѣ его изъ города, преслѣдовалъ по Смоленской дорогѣ, настигъ въ пятнадцать верстахъ отъ Витебска и здѣсь, ударивъ еще разъ на французовъ, окончательно разбилъ и разсѣялъ ихъ, захвативъ 400 плѣнныхъ и два орудія.

Въ Витебскѣ найдены большіе запасы, которые противникъ не успѣлъ уничтожить.

Высланный Витгенштейномъ, чтобы искать связи съ арміей Чичагова, летучій отрядъ полковника Гернгросса, пробрался проселочными путями къ Борисову, которымъ и овладѣлъ нечаяннымъ нападеніемъ; но удержаться здѣсь не могъ, такъ какъ былъ вытѣсненъ войсками, пришедшими съ другого берега Березины. Такимъ образомъ свѣдѣній объ адмиралѣ Чичаговѣ Гернгроссу получить не удалось, и онъ возвратился обратно въ Лепель.

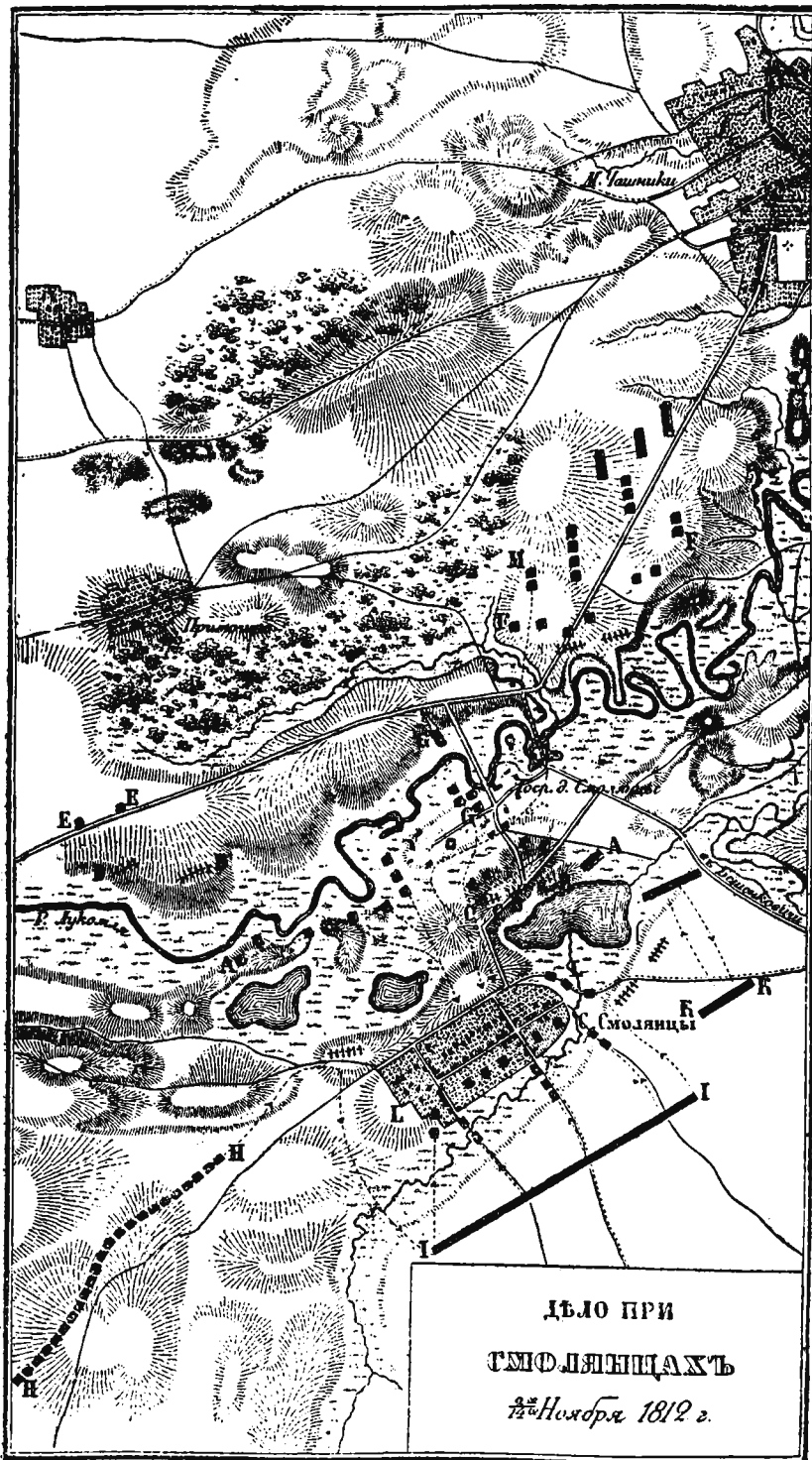
По прибытіи въ Сѣнно французскихъ войскъ Удино и Виктора имъ данъ былъ сперва двухдневный отдыхъ, послѣ чего они отступили еще далѣе къ Черевѣ.

Тѣмъ временемъ маршалъ Удино оправился отъ своей раны и вступилъ въ командованіе своими корпусами. Во время стоянки въ Черевѣ отъ Наполеона пришло предписаніе, требовавшее перехода въ наступленіе, съ тѣмъ, чтобы отбросить Витгенштейна какъ можно далѣе отъ пути отступленія „великой арміи“.

Такъ какъ, по обыкновенію, Наполеонъ и здѣсь не объединилъ власти между корпусными командирами, то по поводу способа выполненія порученнаго предписанія между маршалами возникло разногласіе.

Удино полагалъ, что слѣдовало попросту атаковать русскихъ въ занятой ими позиціи; Викторъ же находилъ, что она слишкомъ сильна, а потому слѣдуетъ обойти ее, направляясь на Бочейково.

Получивъ свѣдѣнія о наступленіи французовъ, Витгенштейнъ сосредоточилъ свои силы и къ 31 октября перевелъ ихъ на правый берегъ Уллы, расположивъ корпусъ Берга у Чашниковъ, а Штейнгеля — у Смолянцевъ.

ДѢЛО ПРИ
СМОЛЯНЦАХЪ
27-го Октября 1812 г.

Масштабъ въ Англическомъ дюймѣ 400 сажень.
0 100 200 300 400 500 600 700 сажень

Авангардъ Витгенштейна (ген.-м. Алексѣевъ) былъ 1 ноября потѣсненъ наступающими французами и послѣ двухчасового боя началъ отходить; но графъ Штейнгель подкрѣпилъ его тремя полками, и непріятель былъ остановленъ въ трехъ верстахъ не доходя Смолянцевъ, гдѣ его задержали до самой ночи.

Въ ночь на 2 ноября Витгенштейнъ возложилъ начальствованіе авангардомъ на генералъ-лейтенанта князя Яшвиля, при чемъ поручилъ ему отвести авангардъ на усиленіе позиціи графа Штейнгеля позади Смолянцевъ. Генералу Фоку, находившемуся съ резервомъ у Лепеля, приказано было прибыть къ Чашникамъ и стать на лѣвомъ берегу Уллы; для обезпеченія его связи съ остальными силами было устроено черезъ Лукомлю четыре моста.

Позиція у Смолянцевъ находилась на высотахъ праваго берега Лукомли, тѣхъ самыхъ, на которыхъ въ бою 19 октября располагался корпусъ Виктора.

Резервы Витгенштейна были поставлены на той сторонѣ Лукомли; селеніе Смолянцы, расположенное въ лощинѣ впереди позиціи, было занято нашими егерями.

Въ 11-мъ часу утра 2 ноября авангардъ нашъ былъ атакованъ французами и, медленно отходя, прошелъ позицію и остановился въ резервѣ. Тогда французы обрушились на селеніе Смолянцы, которое нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки и, въ концѣ концовъ, осталось за непріателемъ.

Викторъ, подтянувъ свои силы, повелъ атаку на правое наше крыло; но работа нашихъ батарей съ обоихъ береговъ Лукомли была здѣсь такъ дѣйствительна, что непріятель былъ нѣсколько разъ отраженъ и долженъ былъ выводить свои войска внѣ сферы артиллерійскихъ выстрѣловъ, чтобы приводить ихъ въ порядокъ.

Непріятельская конница произвела затѣмъ смѣлую атаку на нашъ лѣвый флангъ, но огнемъ батареи изъ за рѣки была совершенно разстроена и отошла въ безпорядкѣ.

Такимъ образомъ удачное уступное расположеніе артиллеріи за рѣкою на флангахъ нашей позиціи обезпечивало ихъ отъ охвата, и они оказывались неуязвимыми. Убѣдившись въ этомъ,

Викторъ рѣшилъ обрушиться на центръ нашей позиціи, что облегчалось для него захватомъ деревни Смолянцевъ, въ которыхъ можно было укрыто сосредоточить штурмовыя колонны.

Такъ и было сдѣлано. Непріятельскіе батальоны, выйдя изъ деревни, обрушились прежде всего на наши батареи, стоявшія впереди господскаго дома, но наши ближайшія войска отовсюду спѣшили имъ навстрѣчу, и здѣсь закипѣлъ жестокой штыковой бой, вначалѣ съ переменнымъ успѣхомъ. Центромъ этого боя вскорѣ сдѣлалось селеніе Смолянцы, въ которое попеременно врывались то наши, то французскія войска, до тѣхъ поръ, пока присланный съ лѣваго берега рѣчки Сѣвскій полкъ не овладѣлъ окончательно селеніемъ.

Французы вывели свои войска изъ сферы нашего огня и, проведя ночлегъ въ виду поля сраженія, на утро 3 ноября отошли обратно къ Черевъ.

Сраженіе при Смолянцахъ обошлось французамъ около трехъ тысячъ человекъ выбывшими изъ строя, въ томъ числѣ до 800 плѣнныхъ. Наши потери были примѣрно такія же.

Викторъ совершенно не такъ исполнилъ предписаніе, данное ему Наполеономъ. Наполеонъ, будучи въ Смоленскѣ и опасаясь, чтобы Витгенштейнъ не успѣлъ преградить путь отступленія остаткамъ „великой арміи“, приказывалъ Виктору атаковать и отгнать Витгенштейна, при чемъ, если окажется, что онъ въ крѣпкой позиціи, требовалъ обойти его, угрожая отрѣзать отъ Двины.

„Если этотъ генераль избралъ себѣ выгодную позицію, гдѣ „будетъ трудно дать ему бой, то вамъ легко маневрировать такъ, „чтобы отрѣзать ему отступленіе и сообщеніе съ Двиною. Вы „должны исходить изъ принципа, что Витгенштейнъ не допуститъ „отрѣзать себя отъ этой рѣки“.

Однако Викторъ не рискнулъ предпринять такого движенія, такъ какъ боялся, что, въ случаѣ неудачи, можетъ самъ быть отброшенъ къ Двинѣ и отдѣленъ отъ остальныхъ силъ Наполеона. До 10 ноября онъ простоялъ у Черевъ; Витгенштейнъ же оставался у Чашниковъ, выжидая результатовъ дѣйствій Кутузова и Чичагова.

* * *

Неточное выполнение Витгенштейномъ указаний плана Императора Александра имѣло весьма невыгодныя послѣдствія въ дальнѣйшемъ развитіи нашихъ операцій на Березинѣ.

По мысли Императора Александра нужно было непременно *разобщить* боковые корпуса Наполеона отъ его главныхъ силъ, не дать имъ присоединиться къ нимъ въ критическую минуту.

Витгенштейнъ не рискнулъ смѣлымъ маневромъ подѣ Полоцкомъ, не обезпечивъ себѣ заранѣе переправы выше этого города, и, несмотря на побѣдоносное овладѣніе послѣднимъ, не преградилъ противнику доступа на соединеніе къ своимъ. Кромѣ того, войска Виктора и Удино, оставаясь передъ Витгенштейномъ, мѣшали ему войти въ связь съ Чичаговымъ на *правомъ* берегу Березины, какъ слѣдовало по общему плану.

Только слабый баварскій корпусъ отошелъ въ западномъ направленіи, да и то не потому, что былъ вынужденъ идти туда силою, а по причинѣ разногласій между союзными предводителями.

Затѣмъ, корпусъ Штейнгеля прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій въ числѣ, значительно слабѣйшемъ противу назначеннаго по плану. Поэтому, а также по причинѣ нерѣшительнаго характера своего начальника, корпусъ этотъ не выказалъ той самостоятельности, на которую можно было бы рассчитывать, и, въ концѣ концовъ, влился, въ видѣ подкрѣпленія, въ составъ арміи Витгенштейна.

Неполнота успѣха, достигнутаго подѣ Полоцкомъ, зависѣла въ значительной мѣрѣ, какъ мы видѣли, отъ неувѣреннаго и даже робкаго поведенія этого корпуса.

Тѣмъ не менѣе все-таки положеніе почти сорокатысячной массы войскъ Витгенштейна у Чашниковъ являлось надежнымъ обезпеченіемъ на случай, если бы Наполеонъ избралъ для своего отступленія на Вильну сѣверное направленіе; въ случаѣ же движенія Наполеона на Березину, онъ все-таки могъ, внимательно слѣдя за Викторомъ и Удино, рассчитывать принять дѣятельное участіе въ операціяхъ на берегахъ этой рѣки.

Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ впослѣдствіи, съ одной стороны, вышло, что въ критическую минуту кампаніи, когда Наполеонъ на Березинѣ близокъ былъ къ положенію звѣря, со всѣхъ сторонъ затравленнаго сворой, онъ оказался усиленъ сравнительно свѣжими тридцатью съ лишнимъ тысячами Виктора и Удино, которыя, при точномъ выполненіи плана Императора Александра, къ нему не присоединились бы; съ другой же стороны — преградить Наполеону путь отступленія могъ одинъ только Чичаговъ, а не Чичаговъ совмѣстно съ Витгенштейномъ, какъ предполагалось по плану.

* * *

Необходимо отмѣтить, что сдѣланныя въ октябрѣ и началѣ ноября Витгенштейномъ упущенія тѣмъ легче могли бы быть имъ избѣгнуты, что поведеніе противника ему чрезвычайно благопріятствовало.

Подъ Полоцкомъ выбываетъ изъ строя въ высшей степени талантливый предводитель — маршалъ Сень-Сиръ. Эта случайность для французовъ, при разнородномъ составѣ ихъ войскъ, оказывается чрезвычайно невыгодной. У нихъ водворяется полный разладъ между начальниками, который доходитъ до того, что баварцы даже совершенно отдѣляются и уходятъ на западъ. Мы упускаемъ эти благопріятные моменты, задержанные преградой Западной Двины, опять таки благодаря тому, что въ минувшемъ бою подъ Полоцкомъ Штейнгель не проявилъ должной смѣлости, что дало непріятелю возможность уничтожить переправу.

Далѣе, съ подходомъ Виктора, непріятель опять усилился, но все-таки значительное превосходство въ силахъ продолжаетъ оставаться на нашей сторонѣ. Въ обоихъ послѣдующихъ боевыхъ столкновеніяхъ, у Чашниковъ и у Смолянцевъ, мы дѣйствуемъ, въ сущности, недостаточно рѣшительно, не пользуемся выгоднымъ для насъ раздѣленіемъ силъ противника, а послѣ боя подъ Смолянцами не преслѣдуемъ ошибочно отступившаго противника, котораго можно было еще успѣть настичнуть и либо нанести ему рѣшительный ударъ, либо недопустить его соединиться съ главными силами Наполеона.

Всѣ эти обстоятельства, въ конечномъ результатѣ, имѣли послѣдствіемъ тотъ, уже указанный нами, приливъ къ Наполеону свѣжихъ силъ, который имѣлъ столь рѣшительное вліяніе на ходъ операций, разыгравшихся на берегахъ Березины, о чемъ будетъ рѣчь въ послѣднемъ томѣ.

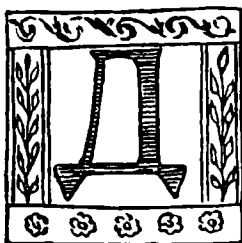
Витгенштейнъ, какъ и Викторъ, оба выказали себя въ данный періодъ своихъ дѣйствій генералами, недостаточно способными охватить общее положеніе вещей на всемъ театрѣ военныхъ дѣйствій и правильно оцѣнить значеніе той служебной, но въ высшей степени важной, роли, которая падала на ихъ долю.

Стоянна Чичагова въ Брестъ. Раздѣленіе арміи его на дѣль части; составъ и назначеніе каждой.

Наступленіе Чичагова къ Слоному. Усиленіе Шварценберга и переходъ его въ наступленіе. Дѣйствія Сакена. Ночное нападеніе на Волковыскъ. Отступленіе Сакена и оцѣнка его дѣйствій.

унайская армія Чичагова до 15 октября, т. е. въ теченіе двухъ недѣль, простояла въ окрестностяхъ Брестъ-Литовска, что вызывалось необходимостью прочно организовать продовольственную часть для предстоящаго наступленія къ Березинѣ.

Кромѣ того, хотя Шварценбергъ и отошелъ за Бугъ къ Дрогичину, но все же, находясь на флангѣ у Чичагова, онъ могъ всегда помѣшать его движенію къ Березинѣ. Поэтому адмиралъ одно время думалъ сперва перейти въ наступленіе противъ австро-саксонцевъ, оттѣснить ихъ къ Варшавѣ и только послѣ этого приступить къ исполненію общаго операціоннаго плана.

Но, такъ какъ общая численность войскъ Чичагова превышала шестьдесятъ тысячъ человекъ, у противниковъ же его

было около тридцати восьми тысячъ, то адмиралъ, чтобы не терять драгоцѣннаго времени — ибо важно было не опоздать занять линію рѣки Березины — рѣшился на *раздѣленіе* своихъ силъ.

Онъ оставилъ для наблюденія за австро-саксонцами двадцати-семи-тысячный корпусъ генерала Сакена; самъ же съ тридцатью тысячами двинулся въ направленіи на Пружаны — Слонимъ — Минскъ, оставивъ небольшія силы на верхнемъ Бугѣ для прикрытія Волыни.

Чичаговъ рассчитывалъ по пути присоединить къ себѣ отрядъ Лидерса, шедшій изъ Сербіи и слѣдовавшій черезъ Пинскъ — Несвижъ, а затѣмъ привлечь отъ Мозыря отрядъ Эртеля, которому приказано было идти прямо къ Минску. Такимъ путемъ предполагалось собрать въ Минскъ не менѣе пятидесяти тысячъ человекъ. Однако, какъ увидимъ далѣе, расчеты эти не оправдались.

25 октября Чичаговъ прибылъ къ Слониму. Его движеніе не укрылось отъ австро-саксонцевъ, и Шварценбергъ, получивъ объ этомъ свѣдѣніе, переправился 18-го черезъ Бугъ и двинулся на Волковыскъ — Слонимъ, оставивъ корпусъ Ренье на Наревѣ.

Оставленный у Бреста Сакенъ, узнавъ о переправѣ значительныхъ силъ у Дрогичина, рѣшился тотчасъ же идти по пятамъ австро-саксонцевъ. Хотя, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, силы непріятели по крайней мѣрѣ вдвое превышали его собственныя, однако онъ намѣренъ былъ даже пожертвовать своимъ отрядомъ, лишь бы только способствовать успѣху главной цѣли, которая очевидно, состояла въ томъ, чтобы обезпечить успѣхъ Чичагову.

Послѣдній въ свою очередь, во время дневки въ Слонимѣ, узналъ о наступленіи Шварценберга и выслалъ ему навстрѣчу легучій отрядъ флигель-адъютанта полковника Чернышева *), чтобы выяснить силы и направленіе движенія непріятели.

Чернышевъ, имѣя въ своемъ распоряженіи казачій полкъ, совершилъ смѣлый поискъ, во время котораго испортилъ переправы на Нѣманѣ и р. Зельвянкѣ, захватилъ нѣсколько партій и непріятельскихъ курьеровъ съ важными депешами и выручилъ нашихъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, оказались взятый въ Москвѣ генераль-адъютантъ Винцингероде съ его штабомъ.

*) Онъ былъ впоследствии военнымъ министромъ.

Пройдя въ пять сутокъ болѣе трехсотъ пятидесяти верстъ, Чернышевъ возвратился въ Лепель, уничтоживъ попутно нѣсколько французскихъ магазиновъ и захватилъ много плѣнныхъ; но такъ какъ онъ не имѣлъ возможности вести ихъ при своемъ отрядѣ, то онъ ограничился тѣмъ, что отбиралъ у нихъ оружіе и отпускалъ на всѣ четыре стороны.

У мѣстечка Верхнее-Березино Чернышевъ вошелъ въ связь съ офицерскимъ разъѣздомъ, высланнымъ Витгенштейномъ въ Дунайскую армію, съ нимъ онъ послалъ донесеніе Чичагову и обмѣнялся свѣдѣніями о взаимномъ положеніи обѣихъ группъ.

Этотъ замѣчательный поискъ Чернышева — впоследствии, въ 1813 году, прославившагося смѣлымъ налетомъ на Кассель и разрушеніемъ самозваннаго Вестфальскаго королевства, — занимаетъ по праву достойное мѣсто въ нашей военной исторіи.

* * *

Тѣмъ временемъ генераль Сакенъ спѣшно двигался на перерѣзъ Шварценбергу, наступая двумя колоннами, на Высоко-Литовскъ и Волчинь. 22 октября передовые казачьи отряды опрокинули къ Телятичамъ австрійскихъ гусаръ и взяли въ плѣнъ 75 челоуѣкъ.

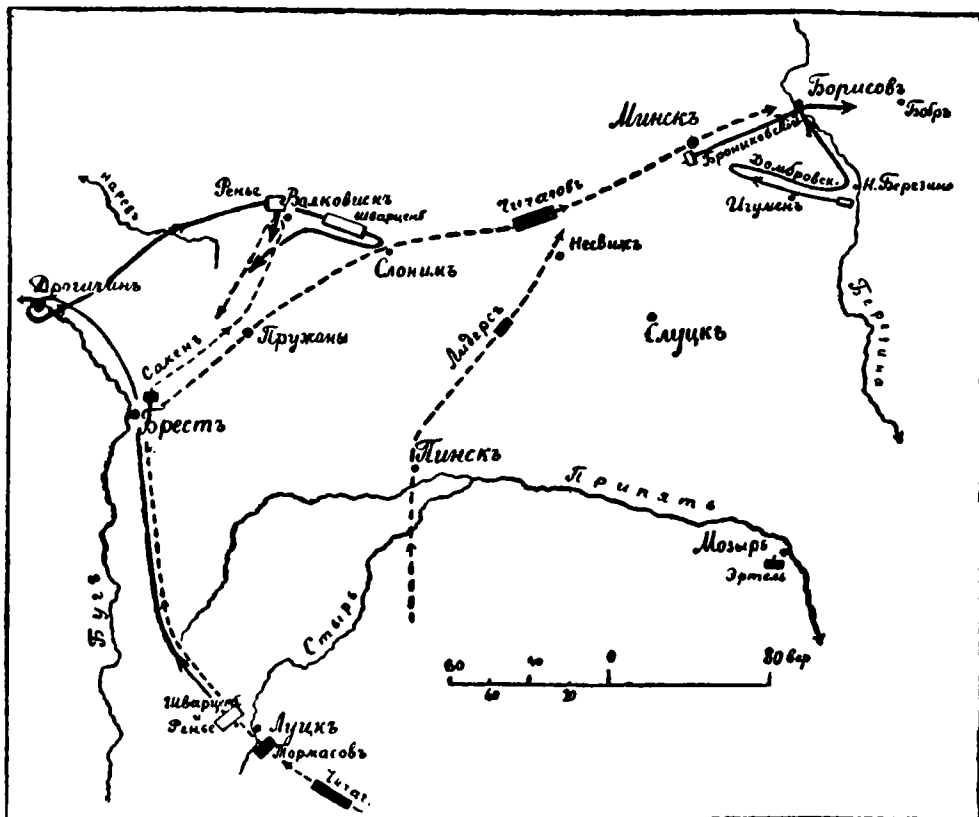
Начальникъ авангарда этой колонны, генераль Мелиссино, узнавъ отъ жителей, что саксонцы только что выступили наканунѣ черезъ деревню Клещели, быстро пустился за ними форсированнымъ маршемъ, настигъ 27 октября арьергардъ противника за Наревомъ, близъ Рудни, напалъ на него, отбилъ часть обозовъ и захватилъ около ста плѣнныхъ.

Чтобы не пропустить Рейнье, Сакенъ уклонился вправо, черезъ Бѣловѣжскую пушу; его авангардъ генерала Мелиссино, котораго Рейнье попробовалъ было разбить отдѣльно, уклонился отъ боя на своихъ, такъ что саксонцы вынуждены были отступить и 1 ноября собрались у Волковыска.

Сакенъ собралъ свои силы у Изабелина, гдѣ въ точности узналъ, что саксонцы всѣ пріостановились у Волковыска, а австрійцы продолжили свое движеніе къ Слониму, слѣдомъ за Чичаговымъ.

Въ дѣйствительности Рейнье, оказывается, доносилъ Шварценбергу о грозившей ему съ тыла и фланга опасности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о необходимости дать отдыхъ крайне утомленнымъ войскамъ своимъ, а также подтянуть обозы.

Схема дѣйствій Чичагова и Сакена.

Тѣмъ не менѣ Шварценбергъ не придавъ должнаго значенія этому донесенію и, считая силы саксонцевъ достаточными, чтобы противустоять Сакену, не прервалъ преслѣдованія, желая нагнать Чичагова. Такимъ образомъ силы союзниковъ раздѣлились.

Въ виду того, что удобная для обороны позиція находилась на высотахъ къ сѣверу отъ города, то Рейнье и расположилъ свои главныя силы на ней, а такъ какъ съ другой стороны, позади ея не было никакихъ удобныхъ строеній для размѣщенія корпуснаго штаба, то Рейнье и всѣ начальствующія лица со своими штабами,

стремясь обогрѣться въ теплыхъ помѣщеніяхъ, расположились въ городѣ, т. е. *впереди* позиціи, а только его окраина, обращенная къ противнику, была занята сторожевымъ отрядомъ.

Узнавъ объ этомъ отъ городскихъ евреевъ, Сакенъ рѣшилъ использовать зябкость саксонскихъ генераловъ, которые, изъ опасенія провести холодную ноябрьскую ночь не подъ крышей, забрались на ночлегъ чуть не къ самой сторожевой цѣпи...

Онъ вознамѣрился въ слѣдующую же ночь произвести ночное нападеніе на городъ, пользуясь небрежностью непріятельскаго охраненія, которое, какъ сообщили ему тѣ же евреи, несло свою службу весьма халатно...

Въ девять часовъ вечера отдана была по войскамъ корпуса Сакена диспозиція, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ.

Три отряда, каждый въ составѣ трехъ батальоновъ, съ сотнею легкой конницы, должны были ворваться въ городъ съ фронта и фланговъ; кромѣ того, полковнику Бѣлокопытову, съ однимъ изъ батальоновъ 39-го егерскаго полка, приказано было, обойдя городъ съ правой стороны, „идти прямо къ дому, гдѣ квартируетъ фран-„цузскій генераль Рейнье“.

Всѣмъ отрядамъ приказано было двигаться безъ малѣйшаго шума и безъ выстрѣла; за ними, въ качествѣ резерва, должны были слѣдовать и всѣ прочія войска корпуса Сакена.

Выступленіе было назначено въ десять часовъ вечера. Погода благопріятствовала замыслу; пошелъ густой снѣгъ, поднялась мятель и буря, при чемъ вѣтеръ дулъ въ глаза саксонцамъ, хлопья снѣга слѣпили ихъ и не позволяли видѣть приближенія нашихъ войскъ.

Батальонъ 39-го полка полковника Бѣлокопытова совершенно незамѣтно подошелъ къ заставѣ; но шорохъ при подъемѣ рогатки возбудилъ вниманіе часовыхъ, стоявшихъ близъ моста черезъ рѣчку; непріятельскій постъ открылъ стрѣльбу и произвелъ въ городѣ тревогу...

Тѣмъ не менѣе полковникъ Бѣлокопытовъ продолжалъ смѣло идти къ квартирѣ Рейнье, руководимый проводникомъ-евреемъ; но оказалось, что маршалъ переѣхалъ въ другой домъ, такъ что пришлось замѣшкаться въ розыскѣ, а тѣмъ временемъ Рейнье успѣли предупредить: онъ выскочилъ въ окно и скрылся на бивакъ своего корпуса; адъютантъ его былъ убитъ, генераль Дюрютъ

раненъ; всѣ экипажи корпуснаго штаба и вся канцелярія Рейнье были захвачены; Вятскій полкъ отбилъ знамя у полка саксонцевъ, бросившагося въ городъ на выручку своего штаба.

Безпорядокъ и замѣшательство войскъ противника, находившихся въ Волковыскѣ, достигли высшей степени, тѣмъ болѣе — въ городѣ возникли пожары, быстро распространявшіеся вслѣдствіе бурнаго вѣтра.

Ночное наше нападеніе, въ сущности, не вполне удалось: мятель сбила съ пути остальные колонны, и одновременнаго удара не вышло, а это первое условіе успѣха всякаго нечаяннаго нападенія.

Но, все-таки, къ утру мы завладѣли городомъ, не считая помянутыхъ выше трофеевъ; послѣ продолжавшейся всю ночь перестрѣлки, на утро саксонцы открыли по городу съ своей позиціи сильную канонаду, чтобы выбить насъ оттуда, и произвели нѣсколько атакъ. Сакенъ выслалъ въ свою очередь колонну генерала Мелиссино для атаки въ флангъ высотъ, занятыхъ саксонцами; но, въ общемъ, дѣйствія этого дня рѣшительнаго результата не имѣли и обѣ стороны къ вечеру сохранили прежнее положеніе.

Хотя превосходство въ силахъ было на сторонѣ Сакена, однако онъ не атаковалъ позицію Рейнье, такъ какъ получилъ еще наканунѣ донесеніе, что Шварценбергъ повернулъ обратно отъ Слонима къ Волковыску.

Эпизодъ ночнаго нападенія на Волковыскъ весьма поучителенъ, съ одной стороны, какъ примѣръ того, къ чему приводитъ, при бивакированіи, предпочтеніе удобствъ условіямъ безопасности вблизи отъ непріятели, а съ другой — въ смыслѣ вліянія иногда ничтожныхъ случайностей. Всѣ условія, казалось, благопріятствовали успѣху нашего нападенія, но некстати произведенный шумъ, непредвидѣнная перемѣна квартиры штаба, а затѣмъ — усилившаяся мятель, — уже нарушаютъ всѣ расчеты. Всякое нечаянное нападеніе требуетъ одновременности удара съ разныхъ сторонъ; этого и не вышло. Тѣмъ не менѣе надлежитъ отдать справедливость Сакену въ умѣнѣ организовать предпріятіе и въ томъ, что онъ, въ сущности, достигъ главной своей цѣли: заставилъ австрійцевъ бросить преслѣдованіе Чичагова и обратиться противъ себя.

Генераль-отъ-инфантеріи
Баронъ фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ 1-й.

Такъ какъ главною задачею Сакена было *оттянуть на себя* оба непріятельскихъ корпуса, австрійцевъ и саксонцевъ, чтобы обезопасить тылъ Чичагова, то ему не было расчета спѣшить съ атакою, а лучше было выждать, когда австрійцы соединятся со своими союзниками.

Но вечеромъ того же дня пришло другое извѣстіе: отъ захваченныхъ казаками плѣнныхъ положительно выяснилось, что Шварценбергъ снова повернулъ обратно къ Слониму, въ погоню за Чичаговымъ.

Тогда Сакенъ сдѣлалъ распоряженіе объ атакѣ саксонцевъ на слѣдующее утро, увѣренный, что при превосходствѣ своихъ силъ, одержитъ надъ ними верхъ и вынудитъ австрійцевъ идти союзникамъ на помощь.

Въ свою очередь Рейнье, убѣжденный въ скоромъ прибытіи Шварценберга, уповалъ на конечный успѣхъ.

4 ноября въ 10-мъ часу утра у города Волковыска завязалось стрѣлковое и артиллерійское дѣло. Сакенъ составилъ планъ атаки въ томъ смыслѣ, чтобы не дать Рейнье отступить на соединеніе со Шварценбергомъ, для чего надлежало обходить лѣвый флангъ противника и отбрасывать его къ западу. Съ этою цѣлью должна была двинуться колонна генераль-маіора Булатова (3 полка пѣхоты); но приведеніе въ исполненіе этого плана пришлось приостановить...

Раздались вправо отъ насъ два сигнальныхъ пушечныхъ выстрѣла: это Шварценбергъ извѣщалъ Рейнье о своемъ прибытіи. Вслѣдъ за тѣмъ, около часа пополудни, Сакену донесли о нападеніи у Изабелина непріятели на наши обозы.

Положеніе Сакена становилось рискованнымъ: передъ фронтомъ у него былъ Рейнье, а съ фланга и отчасти въ тылу показывались головы австрійскихъ колоннъ, при чемъ имъ нетрудно было, сдѣлавъ лишь небольшое фланговое передвиженіе, захватить у насъ въ тылу единственную переправу черезъ болотистую рѣчку Россу.

Чтобы скрыть необходимыя передвиженія въ нашемъ тылу, Сакенъ усилилъ наши войска въ Волковыскѣ нѣсколькими батальонами; резервъ свой (генераль-маіора графа Ливена) онъ передвинулъ такъ, чтобы преградить австрійцамъ доступъ къ вышеупомянутому мосту.

Тѣмъ временемъ наша конница совершила нападеніе на австрійскую, захватившую наши обозы, и часть ихъ отбила.

Прикрываясь отрядомъ Булатова, Сакенъ постепенно вытянулъ свой корпусъ по дорогѣ и благополучно миновалъ злополучную переправу, чему способствовала во многомъ вялость дѣйствій Рейнье, упустившаго случай своевременно перейти въ наступленіе.

Сакенъ успѣлъ, за ночь съ 4 на 5 ноября, благополучно отступить къ Свислочи.

Австрійцы пытались фланговымъ движеніемъ обойти Сакена въ тылъ и перехватить ему переправу черезъ Наревъ, но, утомленные продолжительными и непрерывными маршами и контрмаршами по отчаяннымъ проселочнымъ дорогамъ, они двигались чрезвычайно медленно и не успѣли.

Около Рузни австрійская конница, пробравшись тропинками черезъ лѣсъ, снова напала на наши обозы, но была отбита арьергардомъ генерала Мелиссино.

7 ноября Сакенъ укрылся въ Бѣловѣжскую пушу, куда неприятель не рискнулъ за нимъ углубиться, а двинулся въ обходъ, направляясь на Шерешовъ и Пружаны. Небольшіе боковые отряды, высланные Сакеномъ на этотъ путь, имѣли отдѣльныя небольшія стычки съ противникомъ, задерживая послѣдняго, такъ что въ результатѣ, Сакенъ къ ночи съ 11 на 12 ноября, достигъ Брестъ-Литовска, укрывшись за рѣкою Мухавцемъ.

Саксонскій корпусъ, слѣдуя непосредственно за нашими войсками, достигъ Бреста на другой день, а Шварценбергъ, все время обходившій Сакена справа, вышелъ черезъ Пружаны въ направленіи на Кобринъ.

По достиженіи Бреста Сакенъ, для облегченія продовольствія своихъ войскъ, и чтобы войти въ связь съ Чичаговымъ, выдѣлилъ отрядъ Эссена къ Пинску; вскорѣ же пришло приказаніе отъ Чичагова направить того же Эссена на соединеніе съ Дунайской арміей.

Однако, ни того, ни другого нельзя было выполнить: Пинскъ оказался занятъ противникомъ (австрійцами), такъ что Эссену пришлось уклониться на Волынь.

Сакенъ остался пока вдоль линіи рѣки Буга, имѣя противъ себя только корпусъ Рейнье, ибо Шварценбергъ получилъ 13 ноября изъ Вильны письмо герцога Бассано (Марѣ),—черезъ котораго, если припомнимъ, передавались всѣ распоряженія Наполеона, относящіяся до боковыхъ корпусовъ. Въ этомъ письмѣ Шварценбергу ставилась на видъ необходимость быстрого движенія австро-саксонской арміи къ Минску. Въ силу этого, Шварценбергъ 14 ноября выступилъ обратно къ Пружанамъ, но дошелъ только до Слонима, и движеніе это оказалось уже запоздалымъ.

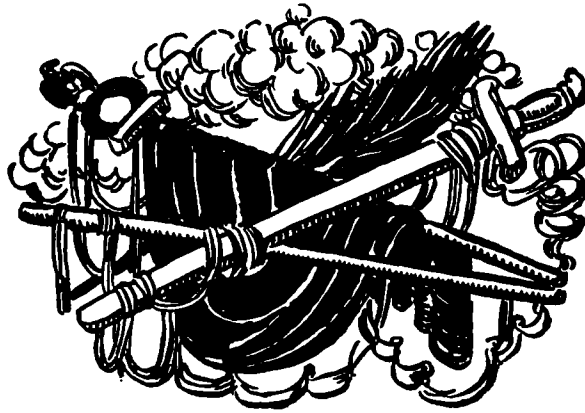
Можно предполагать, что австрійскій предводитель уже предугадывалъ близкое будущее и, предвидя, что его родинѣ скоро придется изъ союзника Наполеона превратиться въ его противника, не очень то спѣшилъ къ Березинѣ въ тылъ Чичагову.

Заслуга Сакена огромна. Своими умѣлыми и соответственными обстановкѣ дѣйствіями, онъ въ совершенствѣ выполнилъ свою трудную задачу. Добившись вовлеченія противъ себя не только саксонцевъ, но и австрійцевъ, а затѣмъ искуснымъ отступленіемъ втянувъ ихъ за собою къ Бресту, онъ совершенно освободилъ тылъ Чичагова и обезопасилъ его на все то время, которое было необходимо для выполненія операций на рѣкѣ Березинѣ.

Сакенъ вполне выказалъ способности самостоятельнаго и талантливаго начальника. Его настойчивое, энергичное преслѣдованіе Рейнье заставило возвратиться Шварценберга, грозившаго тылу Дунайской арміи. Будучи обойденъ съ фланга и угрожаемъ въ тылъ значительными силами австрійцевъ, Сакенъ ловко уклонился отъ боя и велъ свое отступленіе, все время заманивая за собою врага и уклоняясь отъ рѣшительнаго боя съ превосходными силами.

Какъ оцѣнимъ впоследствии, при изложеніи хода операций на рѣкѣ Березинѣ, дѣйствія Сакена имѣли громадное значеніе. Онъ отвлекъ и оттянулъ Шварценберга какъ разъ во-время, на тотъ именно промежутокъ времени, который позволилъ Чичагову принять участіе въ оборонѣ Березины. Каковы бы ни были неблагоприятныя условія для дѣйствій послѣдняго, которыя мы выяснимъ въ своемъ мѣстѣ, его положеніе могло бы быть несравненно хуже, если бы Шварценбергъ успѣлъ навалиться на его тылъ. А это не-

премѣнно бы случилось, если бы не Сакенъ. Богъ вѣдаетъ, чѣмъ бы окончилась тогда Березинская переправа—быть можетъ даже торжествомъ Наполеона... А теперь, все-таки, на Березинѣ французская армія перестала существовать, и только мозгъ ея, въ лицѣ Наполеона съ его маршалами, успѣлъ спастись, чтобы формировать новыя огромныя силы для продолженія титанической борьбы съ уже ополчавшейся на него Европой.

Прибытіе Чичагова въ Слонимъ. Положеніе польскаго гарнизона въ Минскъ. Захватъ Минска. Бездѣйствіе Эртеля. Присоединеніе Лидерса.

Наступленіе Чичагова къ Березинъ. Дѣйствія авангарда графа Ламберта. Захватъ Борисовскаго предмостнаго укрѣпленія. Оцѣнка достигнутыхъ результатовъ.

о прибытіи въ Слонимъ 25 октября, Чичаговъ получилъ извѣстіе объ очищеніи французами Москвы и объ отступленіи Наполеона. Это показывало, что Дунайской арміи нельзя мѣшкать и что ей надлежитъ быстрѣе двинуться къ линіи рѣки Березины. Онъ началъ подтягивать къ себѣ войска и обозы, оставшіеся позади, а впередъ выслалъ авангардъ графа Ламберта; для охраненія же арміи слѣва выдвинулъ боковой отрядъ Чаплица.

30 октября авангардъ графа Ламберта выступилъ къ Несвижу, слѣша захватить у Новаго-Сверженя переправу черезъ Нѣманъ на пути къ Минску.

Минскъ имѣлъ для французской арміи весьма серьезное значеніе. Это былъ одинъ изъ первостепенныхъ базисныхъ пунктовъ; въ немъ находились весьма значительные снаряды продовольствія, боевыхъ припасовъ, словомъ — всего необходимаго.

Между тѣмъ, этотъ важный пунктъ на главномъ направленіи сообщеній французской арміи былъ обезпеченъ сравнительно весьма слабо.

Онъ занятъ былъ только однимъ 7-мъ Виртембергскимъ пѣхотнымъ полкомъ, различными депо (т. е. запасными частями) нѣсколькихъ полковъ, преимущественно польскихъ, и небольшимъ ополченіемъ вновь сформированныхъ литовскихъ войскъ. Число людей во всѣхъ этихъ сбродныхъ и ничѣмъ между собою тѣсно не связанныхъ командахъ не превышало въ общей сложности двухъ тысячъ старыхъ солдатъ и трехъ тысячъ шестисотъ новобранцевъ.

Когда авангардъ Чичагова появился въ Слонимѣ, всѣ французскія управленія въ городахъ Литвы переполошились, и губернаторъ Минска, генераль Брониковскій донесъ объ угрожающей опасности Бертье.

Такъ какъ въ это время корпусъ Виктора уже былъ направленъ на помощь С. Сиру, то для обезпеченія Литвы можно было располагать только двумя дивизіями XI корпуса Ожеро. Но изъ нихъ уже одна дивизія (Дюрютта) была двинута на подкрѣпленіе саксонскому корпусу Рейнье, такъ что осталась только другая, (Луазона); эта дивизія и была направлена въ Вильну, но могла прибыть туда не ранѣе 9 ноября.

Польскій генераль Домбровскій, оставленный со своей дивизіей противъ Польша, былъ дважды разбитъ генераломъ Эртелемъ (2 сентября при Глускѣ и 3 ноября при Горбацевичахъ); ему приходилось, съ пятитысячной дивизіей, прикрывать пространство въ четыреста верстъ. При такихъ условіяхъ, когда пришло Домбровскому приказаніе сосредоточить свои силы и направиться къ Минску, на усиленіе тамошняго гарнизона, то это приказаніе не могло быть быстро выполнено.

Въ результатѣ, когда приближались къ Минску войска Дунайской арміи, то этотъ городъ могъ быть защищаемъ только тѣмъ гарнизономъ, который тамъ прежде находился.

Генераль Брониковскій, на котораго выпала тяжелая обязанность оборонять Минскъ, рѣшилъ выдвинуть къ Новому-Сверженю, для обороны переправы черезъ Нѣманъ, особый отрядъ генерала Косецкаго, въ составѣ пяти батальоновъ и нѣсколькихъ эскадроновъ, всего до трехъ тысячъ пятисотъ человекъ.

Косецкій, вмѣсто того, чтобы разрушить мостъ и расположиться на своемъ берегу Нѣмана, перешель рѣку и сталъ тыломъ къ мосту, т. е., сталъ защищать переправу такъ, какъ если бы она нужна была для дальнѣйшаго наступленія черезъ Нѣманъ, а вовсе не для одного загражденія непріятелю пути къ Минску.

1 ноября графъ Ламбертъ подошелъ къ Новому-Сверженю за два часа до разсвѣта, атаковалъ двумя егерскими полками Новый-Свержень слѣдующимъ образомъ; одинъ полкъ (60-й егерскій) былъ посланъ въ охватъ лѣваго фланга противника, съ захватомъ дороги, ведущей въ Несвижъ; другой же полкъ (14-й егерскій) атаковалъ съ фронта.

Натискъ егерей былъ такъ стремителенъ, что захваченный ими врасплохъ на городской площади батальонъ сдѣлалъ только одинъ залпъ и, не успѣвъ вторично зарядить ружья, сдался.

Батальонъ этотъ навербованъ былъ изъ литовцевъ. Другой такой же батальонъ былъ выгнанъ егерями 10-го полка за городъ такъ быстро, что Косецкій такъ и не успѣлъ уничтожить тотъ мостъ, который ему надлежало охранять.

Для преслѣдованія Ламбертъ выдѣлилъ отрядъ графа Орурка, который загналъ противника къ Миру, гдѣ сдалось въ плѣнъ не менѣе четырехсотъ человекъ.

Быстрое овладѣніе мостомъ на Нѣманѣ, благодаря оплошности Косецкаго, было для Чичагова дѣломъ чрезвычайной важности, такъ какъ этимъ вполнѣ обезпечивалось дальнѣйшее безпрепятственное движеніе къ Минску и Березинѣ.

Въ сумерки Ламберту донесъ начальникъ одного изъ передовыхъ отрядовъ (полковникъ Кноррингъ) о занятіи Несвижа. Характерно, что здѣсь, въ Несвижѣ, найдено болѣе нежели на миллионъ брилліантовъ и жемчугу, награбленныхъ въ Москвѣ.

На другой день казаки нагнали и истребили непріятельскій отрядъ численностью въ 1.000 человекъ конницы и 200 человекъ пѣхоты.

Косецкій, съ остатками своего отряда въ безпорядкѣ отступалъ къ Минску, при чемъ по пути нѣсколько разъ былъ атакованъ преслѣдовавшей его нашей конницей. При этомъ Житомирскіе драгуны совершенно разбили литовскихъ уланъ и отбили у нихъ одну пушку, а казаки ген.-м. Грекова окружили и захватили остальныхъ въ плѣнъ, кромѣ ста человѣкъ, съ которыми Косецкій спасся въ Минскъ.

Такимъ образомъ, въ противоположность нашимъ ополченіямъ, которыя, какъ мы видѣли въ дѣйствіяхъ графа Витгенштейна, великолѣпно дрались и даже заслуживали спеціально къ нимъ обращенныхъ похвалъ, — литовскія ополченія, сформированныя по распоряженію Наполеона, оказывались, какъ видно, въ высшей степени неустойчивыми.

Только входившій въ составъ отряда Косецкаго французскій полкъ отбивался мужественно во время отступленія; но Житомирскіе драгуны окружили его со всѣхъ сторонъ. Однако и тутъ французы продолжали отстрѣливаться, отбили нѣсколько атакъ, и только тогда эти превосходные пѣхотинцы сдались на капитуляцію, когда наша конная батарея, заскакавъ имъ въ тылъ, стала прострѣливать ихъ картечью.

На пути къ Минску захвачены были еще двѣ колонны литовцевъ, такъ что въ общемъ весь отрядъ, высланный изъ Минска, былъ почти поголовно уничтоженъ кромѣ той сотни кавалеристовъ, которые бѣжали вмѣстѣ съ Косецкимъ.

За эти два дня противникъ потерялъ одними плѣнными до трехъ тысячъ человѣкъ, два орудія и два знамени. У насъ уронъ былъ совершенно ничтоженъ.

Возвращеніе Косецкаго въ Минскъ въ качествѣ бѣглеца, послѣ того, какъ весь отрядъ былъ разсѣянъ, поселило въ Минскѣ полное смятеніе.

Но жители Минска надѣялись еще на прибытіе Домбровскаго съ его дивизіей.

Послѣдній предусмотрительно самъ прибылъ прежде всѣхъ въ Минскъ, чтобы ознакомиться на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, пока войска его дивизіи продолжали сосредоточиваться; онъ рѣшилъ, что, такъ какъ не успѣетъ своевременно собрать всѣхъ силъ къ Минску, а съ неполными силами рискуетъ подвергнуться

Генераль-отъ-инфантеріи
Федоръ Федоровичъ Эртель.

участи Косецкаго, — лучше отказаться отъ защиты Минска. Поэтому Домбровскій вернулся къ своей дивизіи и повель ее усиленными переходами черезъ Игумень и Нижнее-Березино къ Борису.

У Брониковскаго осталось въ распоряженіи не болѣе тысячи человекъ, съ которыми онъ не могъ защищать Минска; поэтому онъ счелъ за лучшее уходить съ ними къ Борису, на соединеніе съ Домбровскимъ.

Это было 4-го числа, въ два часа дня. Множество французовъ, чиновниковъ и гражданскихъ лицъ разнаго рода скрылось изъ Минска въ Вильну, гдѣ, конечно, преувеличенные рассказы этихъ бѣглецовъ распространили въ городѣ панику и поколебали послѣднюю надежду на успѣхъ французовъ.

Въ тотъ же день графъ Ламбертъ, съ конницею своего авангарда, послѣ слабой перестрѣлки съ уходящими войсками Брониковскаго, занялъ городъ Минскъ. Онъ успѣлъ все-таки забрать здѣсь 45 штабъ-офицеровъ и болѣе двухъ тысячъ нижнихъ чиновъ плѣнными, преимущественно раненыхъ и больныхъ, а также огромные провіантскіе и фуражные матеріалы.

3 ноября послѣдовательно прибыли въ Минскъ: пѣхота Ламбертовскаго авангарда и главныя силы Чичагова, которыя расположились большею частью въ окрестностяхъ города; главная же квартира адмирала помѣстилась въ самомъ Минскѣ.

Высланный на Виленскую дорогу къ Радошковичамъ генераломъ Орукомъ конный отрядъ захватилъ множество обозовъ и болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ.

Въ Минскѣ къ Чичагову присоединились два полка изъ отряда Лидерса, двигавшагося изъ Сербіи черезъ Пинскъ. Но относительно присоединенія корпуса Эртеля отъ Мозыря Чичагова ожидало разочарованіе.

Эртель имѣлъ въ своемъ распоряженіи не менѣе пятнадцати тысячъ человекъ и располагался, съ самаго начала кампаніи, въ окрестностяхъ Мозыря, на Припяти. Руководствуясь Высочайшей волею, Чичаговъ далъ, при выходѣ изъ Бреста, какъ Лидерсу, такъ и Эртелю предписаніе идти къ нему на присоединеніе.

Если бы Эртель выполнилъ это распоряженіе и подкрѣпилъ своими войсками Чичагова, то силы послѣдняго возросли бы до

сорока пяти тысячъ, и онъ получилъ бы необходимую самостоятельность для дѣйствій противъ отступавшихъ остатковъ арміи Наполеона.

Однако, Эртель не исполнилъ нѣсколько разъ повтореннаго ему приказанія идти на присоединеніе, подъ разными предлогами. То онъ отговаривался необходимостью прикрывать продовольственные склады, собранные въ Мозырѣ, то трудностью добыть пропитаніе войскамъ на походѣ къ Минску и невозможностью устроить подвижной магазинъ, по причинѣ скотскаго падежа.

Когда же, наконецъ, Чичаговъ далъ ему категорическое предписаніе идти на Игумень, Эртель донесъ, что въ его корпусѣ болѣе двухъ тысячъ больныхъ, что необходимо соорудить мосты на рѣкахъ Припяти и Случѣ и что, наконецъ, нужно время еще для сбора всѣхъ отдѣльныхъ отрядовъ корпуса.

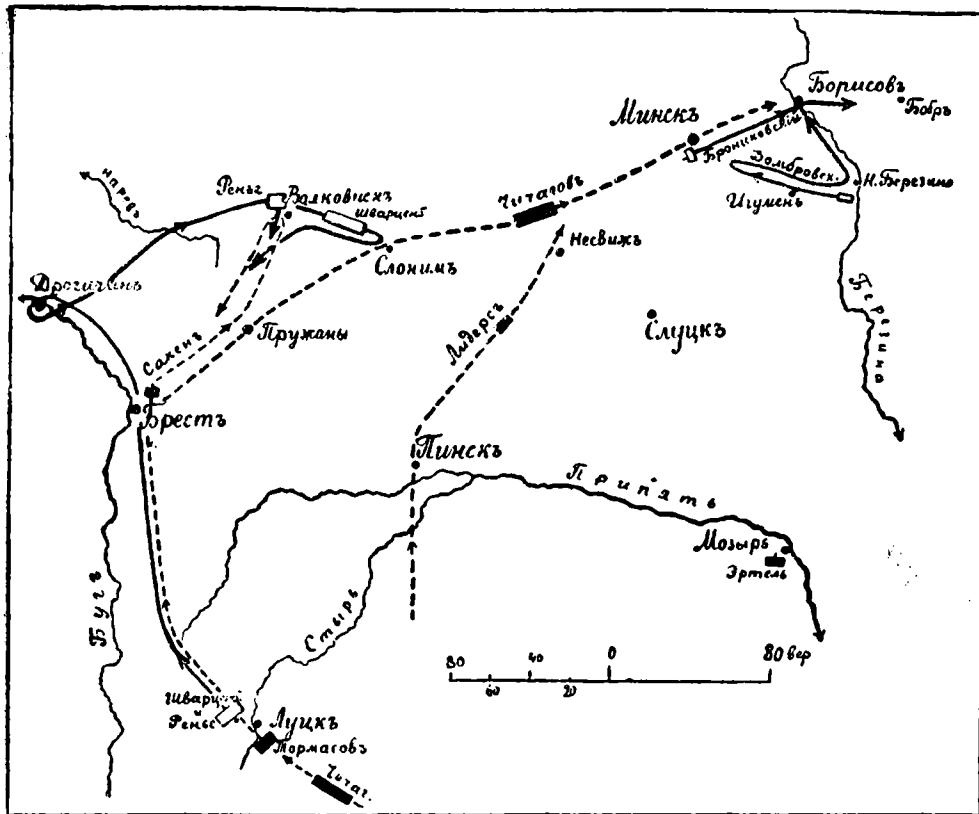
Изъ всего этого нельзя было не видѣть, что Эртель, попросту, уклоняется отъ соединенія съ Чичаговымъ, не желая, вѣроятно, попасть подъ команду адмирала.

Поэтому раздраженный до-нельзя Чичаговъ 5 ноября донесъ о поведеніи Эртеля Государю. Изложивъ о данныхъ имъ Лидерсу и Эртелю основанныхъ на Высочайшей волѣ предписаній, и указавъ, что самые пути присоединенія этихъ отрядовъ къ Дунайской арміи давали возможность имъ очистить все пространство между Припятью и Березиною, Чичаговъ добавлялъ:

„Генераль Лидерсъ въ точности исполнилъ данное ему приказаніе; напротивъ того — генераль Эртель не тронулся изъ Мозыря, изыскивая ничтожные предлоги и дѣлая незначущіе вопросы. Таковое неповиновеніе могло бы и можетъ еще имѣть „горестныя послѣдствія“. Выяснивъ тѣ выгоды, которыя присоединеніе корпуса Эртеля доставило бы Дунайской арміи, Чичаговъ прибавлялъ. „Г-нъ Эртель разсудилъ иначе и, какъ у насъ неповиновеніе весьма часто остается ненаказаннымъ, то онъ вознамѣрился сіе испытать“.

7 ноября получено было послѣднее донесеніе Эртеля, что онъ все-таки остался со своимъ корпусомъ въ Мозырѣ, а выслалъ на присоединеніе къ Дунайской арміи только шесть слабыхъ батальоновъ. Но Чичаговъ уже отправилъ на смѣну Эртелю дежурнаго генерала своей арміи Тучкова 2-го, съ приказаніемъ немед-

Схема дѣйствій Чичагова и Сакена.

ленно идти на присоединеніе; Сакену же предписалъ выслать немедленно черезъ Пинскъ корпусъ Эссена, что, какъ мы уже знаемъ, не могло быть выполнено.

Вся эта исторія съ Эртелемъ имѣла результатомъ только то, что Чичаговъ къ моменту рѣшительныхъ операций на рѣкѣ Березинѣ, остался всего съ тридцатью съ небольшимъ тысячами, что, конечно не могло не отразиться на степени смѣлости его дѣйствій *).

По занятіи Минска, Чичаговъ задержалъ здѣсь главныя свои силы до 8 ноября, подъ предлогомъ отдыха и снабженія продовольствіемъ.

*) Надъ Эртелемъ было тогда же наряжено слѣдствіе. Императоръ Александръ поручилъ Кутузову рассмотреть переписку Чичагова съ Эртелемъ; впоследствии, когда самъ Чичаговъ донесъ фельдмаршалу, что Эртель дѣйствовалъ ошибочно болѣе отъ излишней осторожности, нежели отъ нерадѣнія къ службѣ, Кутузовъ назначилъ Эртеля генералъ-полиціймейстеромъ всѣхъ дѣйствующихъ армій.

Слабость собственных силъ, неопредѣленность свѣдѣній о противникѣ, а также движеніе Шварценберга на Волковыскъ, угрожавшее тылу Чичагова — вотъ, въ сущности, главныя причины, остановки Чичагова въ Минскѣ.

Но остановка эта была, въ сущности, непродолжительна. Уже 6 ноября изъ Чашниковъ прибылъ казачій офицеръ, который доставилъ свѣдѣнія о присоединеніи къ Витгенштейну корпуса Штейнгеля и о занятіи русскими Лепеля и Витебска. Другой курьеръ отъ Кутузова привезъ вѣсти о безпорядочномъ отступленіи „великой арміи“ и о пораженіи, нанесенномъ Платовымъ вице-королю близъ Духовщины.

Все это свидѣтельствовало, что планъ Императора Александра начинаетъ приводиться въ исполненіе въ другихъ мѣстахъ театра войны. Одно уже это должно было побудить Чичагова къ энергичному образу дѣйствій и къ скорѣйшему выступленію изъ Минска.

Но полученный вслѣдъ затѣмъ адмираломъ нижеслѣдующій Высочайшій рескриптъ не оставлялъ въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній.

„Вы понимаете, — писалъ ему Императоръ Александръ — до какой степени важно Ваше соединеніе съ графомъ Витгенштейномъ въ окрестностяхъ Минска, или Борисова, чтобы спереди встрѣтить войска Наполеона, тогда какъ большая армія ихъ преслѣдуетъ.

„Предоставляю Вашему соображенію принять мѣры, которыя наиболѣе способствовали бы къ достиженію цѣли — не выпускать Наполеона изъ нашихъ границъ и уничтожить его войска, поставивъ ихъ между Вами, Кутузовымъ, Витгенштейномъ и Штейнгелемъ. Разочтите хорошенько время и пространство. 29 октября Наполеонъ находился около Гжатска; Вы были 10-го между Слонимомъ и Брестомъ и Вы можете прибыть во время, чтобы достигнуть этой цѣли. Подумайте, какъ будутъ различны послѣдствія, если Наполеонъ перейдетъ наши границы и составитъ новую армію. Я полагаюсь на Вашъ умъ, на Вашу дѣятельность и силу воли“.

**Генераль-лейтенантъ
Князь И. П. Шаховской 1-й.**

Этотъ замѣчательный рескриптъ окончательно уничтожилъ всякія колебанія Чичагова, тѣмъ болѣе, онъ изъ полученныхъ имъ свѣдѣній удостовѣрился, что Викторъ со своимъ корпусомъ остался противъ Витгенштейна и, слѣдовательно, на Березинѣ значительныхъ непріятельскихъ силъ нельзя было предвидѣть.

Рѣшившись продолжать немедленно наступленіе и, разбивъ попавшіяся навстрѣчу непріятельскія войска, искать соединенія съ Витгенштейномъ *между Березиной и Днѣпромъ*, онъ сдѣлалъ такія распоряженія.

Казачій полкъ полковника Луковкина былъ посланъ на Игумень, слѣдить за отступавшей польской дивизіей Домбровскаго. Авангардъ же арміи, подъ начальствомъ графа Ламберта, былъ двинутъ 7 ноября по дорогѣ на Борисовъ.

Графъ Ламбертъ являлъ собою, подобно погибшему подъ Клястицами Кульневу, совершенный типъ авангарднаго начальника. Смѣлый и рѣшительный, но въ то же время расчетливый и предусмотрительный, онъ способенъ былъ пускаться въ самыя отчаянныя предпріятія, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не забывалъ принять нужныя мѣры на случай возможной неудачи.

Ламберту было предписано идти безостановочно къ Борисову, попытаться захватить его и немедленно войти въ связь съ Витгенштейномъ.

Графъ Ламбертъ (усиленный двумя полками съ батареей изъ корпуса Ланжерона) передвинулся къ Жадину. Здѣсь развѣдка выяснила ему, что Домбровскій спѣшитъ къ Борисову и что туда же, черезъ Нижнее-Березино, направляются польскія войска, наблюдавшія Бобруйскую крѣпость.

Въ Жадинѣ у графа Ламберта собралось 10 батальоновъ и 8 эскадроновъ съ одной пѣшей и двумя конными батареями—всего до четырехъ тысячъ пятисотъ человекъ. Онъ выслалъ къ рѣкѣ Березинѣ рядъ развѣдочныхъ партій, которыя выяснили, что Борисовское предмостное укрѣпленіе занято виртембергскими и другими сборными командами, и что сюда ожидается не только отрядъ Домбровскаго, но и весь корпусъ Виктора.

Узнавъ объ этомъ, Ламбертъ рѣшилъ немедленно же съ налета попытаться захватить Борисовъ, пока еще противникъ не успѣлъ сосредоточить къ нему превосходныхъ силъ.

Не взирая на то, что авангардъ закончилъ только что переходъ въ тридцать пять верстъ, Ламбертъ далъ ему лишь нѣсколько часовъ отдыха, поднялъ его снова и въ ночной темнотѣ продолжалъ движеніе, благодаря чему, за часъ до разсвѣта вышелъ изъ лѣсу въ двухъ верстахъ отъ укрѣпленія.

О расположеніи укрѣпленій Борисовскаго тетъ-де-пона Ламбертъ имѣлъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія отъ инженернаго офицера, бывшаго тамъ на работахъ еще весною.

Планъ дѣла у Борисова.

Борисовскія укрѣпленія были, какъ извѣстно, начаты нашими инженерами въ предвидѣніи войны. Они должны были прикрывать на правомъ берегу Березины переправу со стороны противника, наступающаго съ запада. Когда Даву занялъ лѣтомъ 1812 г. течение Березины, работы еще не были здѣсь закончены.

Если бы не движеніе Чичагова, то эти укрѣпленія не имѣли бы для французовъ никакого значенія: они даже частью были срыты, какъ разъ незадолго передъ тѣмъ, какъ оказалось, что обезпеченіе переправы черезъ Березину является для французовъ дѣ-

ломъ первѣйшей важности. Укрѣпленія состояли изъ двухъ редутовъ, построенныхъ южнѣ деревни Дымки и соединенныхъ между собою ретраншаментомъ. Обширные лѣса дугою охватывали теть-де-понь*), оставляя вокругъ него открытую полосу не шире версты.

Желая воспользоваться всѣми выгодами внезапности, Ламбертъ рѣшилъ немедленно же атаковать это предмостное укрѣпленіе и сдѣлалъ слѣдующія распоряженія.

14-й егерскій полкъ долженъ былъ направиться лѣвѣе большой дороги и атаковать правый редутъ; 38-й егерскій полкъ — лѣвый редутъ; 7-й же егерскій полкъ долженъ былъ двигаться уступомъ въ центрѣ между ними для поддержанія того или другого въ случаѣ надобности. Двѣ конныя батареи расположены были по бокамъ атакующихъ войскъ, для обстрѣливанія штурмуемыхъ укрѣпленій; прочія войска оставлены въ резервѣ.

Пока авангардъ графа Ламберта подвигался къ Борисову, туда прибыли 6 ноября остатки Минскаго гарнизона подъ начальствомъ Брониковскаго, который присоединилъ къ себѣ всѣ бывшія въ Борисовѣ команды.

Вмѣсто того, чтобы немедленно заняться усиленіемъ укрѣпленій теть-де-пона, безпечный Брониковскій цѣлыхъ два дня (7-го и 8-го числа) оставался въ бездѣйствіи, да еще къ тому же ослабилъ себя, оставивъ въ Борисовѣ только два батальона, а всѣ остальные силы направивъ для наблюденія теченія рѣки выше Борисова.

8 ноября въ 9 часовъ вечера прибылъ, наконецъ, въ Борисовъ отрядъ Домбровскаго; онъ сдѣлалъ пятидесяти-верстный переходъ, такъ какъ былъ въ этотъ день предупрежденъ Брониковскимъ о приближеніи русскихъ.

Дивизія Домбровскаго состояла изъ 12 батальоновъ и 9 эскадроновъ. Изъ нихъ полкъ пѣхоты и полкъ уланъ остались въ Могилевѣ, два батальона въ Свислочи и одинъ батальонъ прикрывалъ переправу у Нижне-Березина. Все остальное, численностью около трехъ тысячъ человекъ, было направлено Домбровскимъ къ Борисову, въ гарнизонъ котораго насчитывалось не болѣе полуторы тысячи человекъ.

*) Т. е. предмостное укрѣпленіе.

Въ Борисовѣ Домбровскій нашель предписаніе Бертые оборонять этотъ пунктъ до послѣдней крайности. Такъ какъ въ моментъ прибытія отряда было уже темно, а самъ Домбровскій съ мѣстностью знакомъ не былъ, то онъ расположилъ свой отрядъ согласно указаніямъ Брониковскаго, при чемъ послѣдній увѣрялъ, что русскіе могутъ прибыть не ранѣе слѣдующаго дня.

Поэтому Домбровскій рѣшилъ дать утомленнымъ труднымъ и длиннымъ переходомъ войскамъ хорошій отдыхъ: онъ расположилъ въ самомъ тетъ-де-понѣ только 6 батальоновъ пѣхоты съ 4 орудіями, а остальные войска расквартировалъ на томъ берегу рѣки въ городѣ.

Къ Борисову не были подтянуты еще войска генерала Пакоша, шедшія изъ Игумна (полкъ съ двумя эскадронами), которыя остались не доходя города въ полу-переходѣ.

Въ три часа утра престарѣлый Домбровскій уже взобрался на коня и объѣзжалъ войска. На бивакахъ царилъ мертвый сонъ: усталые польскіе солдаты спали въ повалку вокругъ разведенныхъ огней. Домбровскій поднялъ людей, поставилъ ихъ въ ружье и приказалъ быть въ полной готовности къ нечаянному нападенію, а самъ возвратился въ городъ.

Между тѣми, русскіе уже были близко. За часъ до разсвѣта графъ Ламбертъ занялъ опушку лѣса, что впереди предмостнаго укрѣпленія. Польскій бивакъ и сторожевые посты были ясно видны по огнямъ; о приближеніи же русскихъ до послѣдней минуты ничего извѣстно не было, такъ какъ безпечные поляки не приняли никакихъ мѣръ развѣдыванія.

Сторожевые посты поляковъ, захваченные врасплохъ, были взяты въ плѣнъ, не успѣвъ сдѣлать ни одного выстрѣла. Пользуясь темнотою, 14-й егерскій полкъ, соблюдая полную тишину, подобрался къ укрѣпленію и достигъ рва праваго редута, не будивъ ни малѣйшей тревоги...

„Стоявшій на валу часовой (пишетъ очевидецъ, офицеръ „14-го егерскаго полка Отрощенко) показывалъ намъ рукою къ Борисову, не признавая насъ за непріятелей, потому что еще темно „было: мы шли около самага рва въ ту сторону, куда указывалъ „часовой“.

Командиръ полка, полковникъ Красовскій, оставшись съ однимъ батальономъ близъ редута, приказаль другому батальону обогнуть предмостное укрѣпленіе и захватить мостъ.

Въ это время польскія войска начали выходить для занятія позиціи. Наши егеря, безнаказанно пропустивъ первую колонну, открыли огонь по второй. Ошеломленные неожиданностью поляки ринулись назадъ, бросивъ бывшія при нихъ два орудія.

Воспользовавшись замѣшательствомъ, егеря 14-го полка ворвались въ правый редутъ раньше непріятели и встрѣтили послѣдняго оттуда огнемъ.

Въ то же время другой батальонъ того же полка, направленный къ мосту, занялъ голову его. Сообщение между городомъ и предмостнымъ укрѣпленіемъ было такимъ образомъ прервано, и польскія войска, остававшіяся въ Борисовѣ, не могли оказать поддержку тѣмъ, которыя были въ тетъ-де-понѣ.

Тѣмъ временемъ разсвѣло, и огонь разгорѣлся по всей линіи. Польская артиллерія старалась дѣйствовать и съ лѣваго берега, но безуспѣшно, такъ какъ, по дальности разстоянія, снаряды долетали только случайные и почти не наносили потерь.

38-й егерскій полкъ, на правомъ флангѣ Ламберта, также овладѣлъ съ налета лѣвымъ редутомъ. Беспорядокъ и замѣшательство въ войскахъ Домбровскаго усугублялись еще благодаря тому, что внутренность укрѣпленій была загромождена строевымъ лѣсомъ, не убранномъ со времени постройки тетъ-де-пона и чрезвычайно стѣснявшимъ всѣ передвиженія.

Но, оправившись отъ перваго впечатлѣнія неожиданности, поляки попытались сопротивляться. Полковникъ Малаховскій, командиръ 1-го линейнаго полка, старый ветеранъ Наполеоновскихъ войнъ, стремительно бросился со своимъ полкомъ въ контръ-атаку на лѣвый редутъ и, выбивъ оттуда нашихъ егерей 38-го полка, преслѣдовалъ ихъ до оврага, что между укрѣпленіемъ и лѣсомъ.

Тогда графъ Ламбертъ, подпустивъ ихъ на соответствующее разстояніе, быстро повернулъ 7-й егерскій полкъ, который и ударилъ во флангъ преслѣдующихъ, смялъ ихъ, отбросилъ назадъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ 38-мъ полкомъ, снова ринулся на редутъ. Завязался ожесточенный штыковый бой, окончившійся переходомъ

редута окончательно въ наши руки, при чемъ командовавшій 7-мъ егерскимъ полкомъ генераль-маіоръ Энгельгардтъ былъ убитъ. Одновременно съ этимъ кипѣлъ бой и около праваго редута.

Два батальона 6-го польскаго линейнаго полка, бывшіе сѣвернѣе редута и, по занятіи его нами, отрѣзанные отъ остальныхъ частей своихъ, тщетно пытались прорваться къ нимъ на соединеніе черезъ деревню Дымки.

Графъ Ламбертъ окончательно парализовалъ эти попытки, выдвинувъ изъ резерва 13-й егерскій полкъ, который и отбросилъ поляковъ въ лѣсъ на Зембинской дорогѣ.

Было около десяти часовъ утра. Оба редута находились въ рукахъ графа Ламберта, и только ретраншаментъ поляки продолжали удерживать. Вдругъ, на нашемъ правомъ флангѣ, по дорогѣ, со стороны селенія Юшковичъ, показалась колонна изъ пѣхоты и конницы. Это были войска Пакоша. Тотчасъ же и батальоны, отброшенные въ Зембинскій лѣсъ, оправясь и придя въ порядокъ, двинулись вдоль его опушки, грозя нашему флангу.

Положеніе графа Ламберта могло стать критическимъ. Всякій другой на его мѣстѣ, имѣя послѣднимъ резервомъ только слабый Витебскій полкъ, подъ угрозою обхода превосходными силами, думалъ бы только о спасеніи своего отряда; но смѣлый авангардный начальникъ разсудилъ иначе. Онъ бросилъ витебцевъ на польскую пѣхоту, занявшую опушку Зембинскаго лѣса, а всѣ остальные войска обратились противъ полковъ Пакоша. 12-я конноартиллерійская рота подскакала къ головѣ колонны и осыпала её такимъ жестокимъ огнемъ, что поляки смѣшались; этимъ немедленно воспользовались наши Александрійскіе гусары, ударившіе съ обоихъ фланговъ, такъ что колонна Пакоша была приведена въ полный безпорядокъ и, перебравшись черезъ Березину по тонкому льду, присоединилась къ Домбровскому въ Борисовѣ.

Въ то же время витебцы и Арзамасскіе драгуны остановили попытку поляковъ лѣсомъ пробраться намъ въ тылъ.

Обезпечивъ такимъ образомъ свои фланги, графъ Ламбертъ рѣшилъ докончить овладѣніе тетъ-де-пономъ и повелъ атаку на ретраншаментъ.

Всѣ наши орудія открыли ожесточенный сосредоточенный огонь по непріятельскому укрѣпленію, а затѣмъ егеря бросились на приступъ, но были отбиты съ большими потерями. Графъ Ламбертъ, подскакавшій къ войскамъ, чтобы ободрить ихъ своимъ присутствіемъ, былъ тяжело раненъ пулей въ колѣно.

Тогда въ лѣвый редутъ, занятый нами, введена была 12-я конно-артиллерійская рота, которая получила возможность съ близкаго разстоянія разстрѣливать польскую пѣхоту, осѣвшую въ ретраншаментѣ. Часть орудій продольно обстрѣливали мостъ, и такимъ образомъ почти совершенно прервали сообщеніе защитниковъ ретраншамента съ лѣвымъ берегомъ, настолько, что Домбровскій со своимъ штабомъ, пытавшійся не разъ переѣхать на ту сторону для ободренія своихъ войскъ, не могъ этого сдѣлать. Польскія орудія съ того берега, находясь въ верстѣ отъ нашихъ войскъ, существеннаго вреда имъ не приносили.

Въ три часа дня 7-й и 38-й егерскіе полки, подъ общею командою полковника Красовскаго, бросились снова въ атаку на ретраншаментъ, и на этотъ разъ она увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, при чемъ дѣлу помогъ и 14 егерскій полкъ, который изъ праваго редута спустился въ лощину къ мосту и грозилъ отрѣзать путь отступленія защитникамъ ретраншамента.

Послѣдній былъ взятъ, и бывшіе въ немъ поляки частью переколоты, частью взяты въ плѣнъ. Лишь немногіе нашли себѣ спасеніе въ бѣгствѣ, бросившись черезъ мостъ въ городъ. На плечахъ ихъ ворвался туда же 14-й егерскій полкъ, а также Арзамасскіе драгуны и Александрійскіе гусары.

Эта конница, проскакавъ черезъ городъ, преслѣдовала бѣжавшихъ по дорогѣ въ Оршу. Укрывшіеся въ лѣсахъ къ сѣверу отъ укрѣпленія поляки перебрались (настлавъ солому и доски) черезъ рѣку по льду выше Борисова и 10 ноября присоединились къ остаткамъ отряда Домбровскаго.

Въ городѣ царилъ ужаснѣйшій безпорядокъ. Потеря предмостнаго укрѣпленія произвела ошеломляющее впечатлѣніе на войска, оставшіяся въ Борисовѣ, и они очистили его почти безъ всякаго сопротивленія.

Большая дорога на Оршу была загромождена обозами и покрылась бѣгущими.

Домбровскій присоединилъ къ себѣ Пакоша, нѣкоторое время удерживался за городомъ, затѣмъ отступилъ, неотступно преслѣдуемый нашей конницей, при чемъ Арзамасскіе драгуны отбили пушку и орла.

Обѣ стороны понесли въ Борисовскомъ дѣлѣ значительныя потери, но въ особенности поляки. Застигнутые врасплохъ, незнакомые съ мѣстностью, лишенные руководства свыше, они однако бились весьма храбро, и, въ результатъ, ббольшая часть дивизіи Домбровскаго оказалась уничтоженной.

Одними убитыми было отъ полуторы до двухъ тысячъ чело-вѣкъ, а взятыми въ плѣнъ — до двухъ съ половиной тысячъ чело-вѣкъ, въ числѣ которыхъ болѣе сорока штабъ и оберъ-офице-ровъ. Два знамени и восемь орудій составляли наши трофеи, а потери наши достигали 900 чело-вѣкъ.

Вечеромъ, когда бой уже кончился, подошелъ со своимъ корпусомъ графъ Ланжеронъ. 10 ноября уже подошли къ Бори-сову главныя силы арміи Чичагова, въ тотъ же день боковые ихъ отряды появились на Березинѣ выше и ниже Борисова.

Такъ, на правомъ флангѣ казачій отрядъ Луковкина, присоеди-нивъ къ себѣ 7-го числа еще одну партію, близъ села Уши настигъ польскій отрядъ Семиновскаго, шедшій къ Домбровскому на соеди-неніе, окружилъ его со всѣхъ сторонъ и заставилъ положить ору-жіе, при чемъ взято 300 плѣнныхъ и одно знамя.

На лѣвомъ флангѣ Чаплицъ, высланный еще изъ Минска въ направленіи на Зембинъ, прибылъ туда послѣ полудня.

Такимъ образомъ къ 10 ноября Чичаговъ уже занималъ линію Березины отъ Зембина до Уши и, главное, владѣлъ въ Борисовѣ переправою черезъ эту рѣку, иначе говоря, — имѣлъ возможность оборонять еѣ *активно*, т. е. съ переводомъ части силъ на непріятельскій берегъ.

Этотъ результатъ дѣйствій авангарда графа Ламберта былъ чрезвычайно важенъ.

При пассивной оборонѣ такой преграды, какъ рѣка, оборо-няющійся дѣйствуетъ съ закрытыми глазами: онъ не имѣетъ воз-можности непосредственно слѣдить за дѣйствіями противника на томъ берегу и, такъ сказать, ощупью отражаетъ его покушенія.

Наоборотъ, при оборонѣ рѣки активной, т. е. когда обороняющійся имѣеть въ своихъ рукахъ одну или нѣсколько переправъ и можетъ держать часть своихъ силъ на непріятельскомъ берегу, ему карты послѣдняго гораздо болѣе открыты, и самая операція форсированія рѣки, сама по себѣ уже нелегкая, дѣлается для наступающаго гораздо болѣе трудной.

Поэтому подвигъ графа Ламберта, т. е. захватъ имъ Борисова съ его предмостнымъ укрѣпленіемъ и переправой, имѣлъ въ данномъ случаѣ огромное значеніе, для насъ — крайне выгодное, а для Наполеона — чрезвычайно неблагоприятное.

Нужно было только съумѣть какъ слѣдуетъ воспользоваться этою удачей и удержать переправу въ своихъ рукахъ.

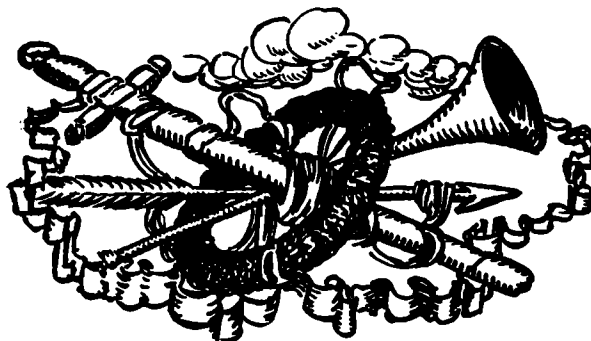
Что касается дѣйствій поляковъ въ Борисовскомъ бою, то они, какъ обычно имъ это свойственно, проявили довольно много неустрашимости, но мало искусства. Дѣйствія ихъ были разрозненны, что и позволило намъ, рядомъ отдѣльныхъ атакъ, нанести имъ пораженіе по частямъ, а затѣмъ, воспользовавшись паникой, овладѣть столь важною для обѣихъ сторонъ переправой.

Чичаговъ, несмотря на сравнительную слабость своихъ силъ, уповалъ на то, что ему именно на долю выпадаетъ слава полонить остатки „великой арміи“ съ Наполеономъ во главѣ. Увѣренность эта настолько царила въ Дунайской арміи, что ея старшимъ начальникамъ адмиралъ даже разослалъ такое предписаніе:

„Наполеонова армія въ бѣгствѣ. Виновникъ бѣдствій Европы „съ нею. Мы находимся на путяхъ его. Легко быть можетъ, что „Всевышнему угодно будетъ прекратить гнѣвъ Свой, предавъ его „намъ. Почему желаю я, чтобы примѣты сего человѣка всѣмъ „были извѣстны: онъ роста малаго, плотень, блѣдень, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. Для вящей же „надежности ловить и приводить ко мнѣ всѣхъ малорослыхъ. Я „не говорю о наградѣ за сего плѣнника. Извѣстныя щедроты „Монарха нашего за сіе отвѣтствуютъ“.

Отсюда видно, какъ велика была самоувѣренность адмирала Чичагова, которая, какъ увидимъ впослѣдствіи, была одною изъ

главныхъ причинъ конечнаго неуспѣха его дѣйствій. Неудача, постигшая его вскорѣ у Борисова, превратила эту самоувѣренность въ противоположное настроеніе постоянной шаткости въ рѣшеніяхъ, а это, конечно, самое невыгодное для успѣха всякаго военнаго предпріятія.

ПОРТРЕТЫ, КАРТИНЫ, СХЕМЫ И ВИНЬЕТКИ, ПОМЪЩЕННЫЕ
ВЪ IV-мъ ТОМЪ.

П О Р Т Р Е Т Ы:

	Стр.
Александръ I, Императоръ	481
Винцингероде, Ф. О., баронъ	485
Грековъ, Г. В.	577
Дука 1-й, И. М., баронъ	569
Ермоловъ, А. П.	489
Иловайскій 4-й, И. Д.	487
Иловайскій 9-й, Г.-Д.	505
Купировъ, П. Н.	537
Карпенковъ, М. Н.	547
Наполеонъ I.	543
Никитинъ, А. П., графъ	571
Ожаровскій, А. П., графъ.	559
Остенъ-Сакенъ 1-й, баронъ	619
Розень 1-й, Г. В., баронъ	573
Шаховской, И. Л., князь.	631
Штейнгель, О. Ф., графъ.	599
Мутонъ, Бессьеръ, Ней и Монбрунь — французскіе маршалы	581
Эртель, Ф. Ф.	627

К А Р Т И Н Ы:

	Стр.
Выступление Наполеона изъ Москвы	483
Сраженіе при Мало-Ярославцѣ, 12 октября	491
Въ Городнѣ, пробиваться или отступать?	499
На этапѣ, дурныя вѣсти изъ Франціи.	517
Сраженіе при Вязьмѣ 22 октября.	523
На большой дорогѣ — отступленіе, бѣгство	545
Сраженіе подь Краснымъ 5 ноября	567
Сраженіе при Полоцкѣ 7 октября	589

С Х Е М Ы:

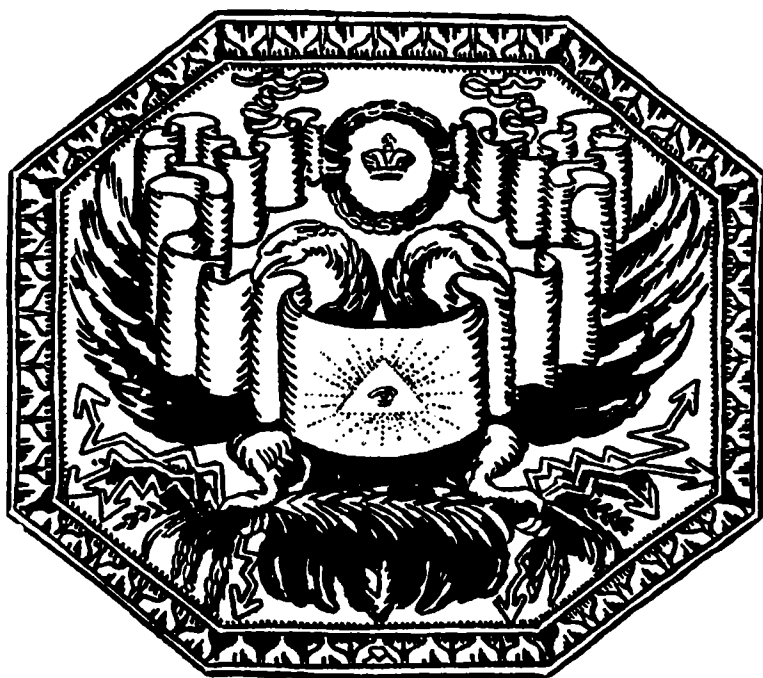
	Стр.
Схема, передь боемъ у Мало-Ярославца	488
„ боя подь Мало-Ярославцемъ	493
„ положенія сторонъ послѣ боя у Мало-Ярославца	497
„ положенія сторонъ 13 — 14 октября.	501
„ дѣла у Медыни.	504
„ отступленія къ Вязьмѣ	514
„ боя у Вязьмы	524
Планъ сраженія у Вязьмы	527
Схема, отступленія отъ Дорогобужа къ Оршѣ.	533
„ боя 5 ноября подь Краснымъ	566
„ отступленія Нея	580
„ дѣйствій графа Витгенштейна въ октябрѣ	589
„ сраженія при Чашникахъ	603
„ дѣла при Смоленцахъ	607
„ дѣла при Волковыстѣ	616
„ дѣйствія Чичагова и Сакена.	629
„ дѣла у Борисова	632

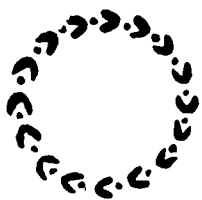
ЗАСТАВКИ, КОНЦОВКИ и БУКВЫ:

	Стр.
Глава XXXI. Заставка и буква „М“	481
Концовка	494
Глава XXXII. Заставка и буква „Д“	495
Концовка	510
Глава XXXIII. Заставка и буква „К“	511
Концовка	530

	Стр.
Глава XXXIV. Заставка и буква „Е“	531
Концовка	540
Глава XXXV. Заставка и буква „В“	541
Концовка	550
Глава XXXVI. Заставка и буква „Р“	551
Концовка	564
Глава XXXVII. Заставка и буква „М“	565
Концовка	584
Глава XXXVIII. Заставка и буква „О“	585
Концовка	600
Глава XXXIX. Заставка и буква „С“	601
Концовка	612
Глава XL. Заставка и буква „Д“	613
Концовка.	622
Глава XLI. Заставка и буква „П“	623
Концовка.	640

12205

